

Вера Лаврина

ТАК БЫЛО

Издательский дом «Д-Принт»
Томск, 2007

ББК Хxxxxxxxxxx
Хxxxxxxxx

В. Лаврина.

XXX Так было / В. Лаврина. -
Томск: Издательский дом “Д-Принт”, 2007. - 306 с.

Запечатлеть историю рода через призму времён, сохранить образы родных и дорогих людей, штрихи их жизни, дать картину своей малой Родины, рассказать о прошлом так, как это собственно было, — таков совместный проект предпринимателя Владимира Попова и его сестры писательницы Веры Лавриной.

ISBN 978-5-902514-31-2

ББК ХXXXXX

© В. Лаврина, 2007
© Издательский дом “Д-Принт”, 2007
© Медиа-холдинг “Рекламный дайджест”, 2007

НАША РОДИНА – СТЕПНОЙ КРАЙ

Наш род Поповых и Коровиных восходит к казакам и крестьянам Степного края Акмолинской области, переселившимся туда из европейской России в середине 19-го века.

Степной край – неофициальное дореволюционное название северо-восточных земель современного Казахстана.

До вхождения в Россию эти земли относились к Казахскому ханству, которое образовалось в 15-м веке. Ханство делилось на три жуза: Старший, Средний и Младший. Жузы – это племенные союзы, каждый из которых объединял до десяти родов. На землях Степного края кочевал Средний жуз. В 18-м веке Младший и Средний жузы добровольно вошли в состав Российской империи. В 60-е годы 19-го века к России присоединился Старший жуз (юг современного Казахстана), и после этого все казахские земли стали частью Российского государства.

С конца 18-го века в Степном крае стали возникать русские крепости. Их строителями и защитниками были казаки, входившие в Сибирское казачье войско.

Казаки – это особое сословие воинов-земледельцев, которое существовало только в России. Они несли военную службу, охраняли и расширяли границы государства и вместе с тем осваивали новые земли, занимались земледельческим трудом, кормили себя и свои семьи. Казаки были преданы своему Отечеству, православной вере, слыли хорошими воинами, отличались выносливостью.

Сибирское казачье войско, которое присоединяло и осваивало земли Сибири, Степного края, существовало с 1582 года и было третьим по старшинству после Донского и Терского.

Казачество Степного края формировалось из украинских и донских казаков и крестьян, переселенных из России. Крестьян обращали в казачество.

Первоначально земли Северного Казахстана вошли в состав Томской губернии. Она была выделена из состава Тобольской в 1804 году и включала в себя необъятные территории нынешнего Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, восточно-казахстанские области и часть Красноярского края.

В 1868 году была образована Акмолинская область или губерния с центром в городе Омске. Акмолинская область состояла из пяти уездов: Омского, Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского и Петропавловского. Наши предки были переселены в середине 19-го века именно в Кокчетавский уезд.

В 1882 году Акмолинская и Семипалатинская области были объединены в Степное генерал-губернаторство с центром в городе Омске. В 1891 году в Степное генерал-губернаторство вошли все области Казахстана за исключением Сырдарьинской. Генерал-губернатор был одновременно и наказным атаманом Сибирского казачьего войска, то есть служившим по наказу и повелению Государя.

В составе Акмолинской и Семипалатинской областей Степное генерал-губернаторство просуществовало до октября 1917 года.

Такова история административного подчинения Северного Казахстана, откуда мы родом.

Глава 1

ПОЯВЛЕНИЕ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

Наши корни – рода Поповых и Коровиных – в старинных селах Аиртав и Чалкар¹ Кокчетавской (ныне Акмолинской) области, возникших как казачьи станицы. Станицами называли именно казачьи поселения, в которых находилось станичное управление².

К сожалению, наши бабушки и дедушки не сохранили свидетельств о том, когда и откуда переселились их предки в Кокчетавскую область, в станицы Аиртав и Чалкар. Были ли они в числе первых переселенцев или приехали позднее, установить уже трудно. Но, судя по тому, что Поповы и Коровины ощущали себя старожилами Аиртава и Чалкара и не помнили, как и откуда они приехали (будто всегда там жили), их предки, наверное, относятся все-таки к числу первых переселенцев середины 19-го века. К тому же они жили на землях Сибирского казачьего войска, куда непросто было переселиться в более позднее время людям другого сословия.

В Государственном архиве Омской области сохранились документы, которые проливают свет на историю возникновения Аиртава и Чалкара.

¹ В советских официальных документах писалось «Челкар». Но папа в своих бумагах вместо «е» ставил «а». Действительно, Чалкар происходит от казахского «Шалкар» – большой разлив. В новых картах Акмолинской области вернулись к топониму «Шалкар». Это же касается и названия «Лабаново», которое чаще пишется «Лобаново».

² Более мелкие казачьи поселения, где не было станичного управления, назывались выселками.

В 1848 году при царе Николае I центральная власть решила переселить в Степной край для его хозяйственного освоения 1 200 семей малороссийских казаков Харьковской губернии и малоземельных крестьян Оренбургской и Саратовской губерний.

Командование отдельного Сибирского корпуса планировало основать 12 новых поселений на расстоянии 10–15 верст друг от друга, расположенных двумя группами на юго-западе и юго-востоке от Кокчетавы. В каждую новую станицу предполагалось направить одного офицера, двух урядников, 12 казаков и 300 крестьян-переселенцев.

Любопытно, что эти земли Степного края в то время входили в Томскую губернию. То есть, наши предки переселились именно в эту губернию. А когда Томская губерния превратилась в небольшую область Западной Сибири, мы, их потомки, опять переселились туда как студенты томских вузов.

Переезд крестьян был неплохо организован. Переселенцам выдавались деньги на продовольствие в дороге, на проводников. До мест назначения их сопровождали казачьи офицеры и урядники.

Станица Аиртав возникла в 1849 году при восточной оконечности озера Чалкар, а в 1850 году появилась станица Чалкар в 12 километрах от Аиртава на том же самом озере, но с другой стороны. Их основали переселенцы – крестьяне Оренбургской и Саратовской и казаки Харьковской губерний. Известно, что первыми поселенцами Чалкара стали харьковчане, а через год туда же переселили крестьян из Саратовской губернии.

Прибывшая на новые места семья получала по 30 рублей на строительство дома и по 25 рублей на покупку скота. На каждую мужскую душу отводилось по 30 десятин земли, давались семена для посева (с возвратом через три года). Кроме того, в течение нескольких лет переселенцы обеспечивались продовольствием.

Раздольное

Лавровка

Красный Яр

КОЧЕТАВ

Оз. Чалкар

Чалкар

Аирташ

63

С 1849 по 1851 год в Кокчетавском уезде, кроме Аиртава и Чалкара, возникли Котуркульская, Арык-Балыкская, Лобаново, Нижне-Бурлукская, Акан-Бурлукская и другие казачьи поселения.

Из прибывших в новые кокчетавские станицы линейных казаков и крестьян был сформирован 10-й полк. Его командование было поручено войсковому старшине Казачинову. В 1851 году полк был переименован и назван «Сибирским линейным казачьим конным № 1 полком». Как пишет С. М. Андреев: «Так было положено начало истории самого славного полка Сибирского казачьего войска»³. Высочайшую боеспособность этот полк показал в ходе Второй мировой войны во время боевых действий на Кавказе.

В Государственном омском архиве сохранились списки переселенцев в будущие станицы Кокчетавского уезда Акмолинской области. Там встречается несколько семей Коровиных и Поповых. Все они были государственные крестьяне, прибывшие в 1849–1850 годах в Киргизскую степь и зачисленные в сибирские казаки.

Государственный архив Омской области (ГАОО). Фонд 67. Опись 1. Дело 536:

Лист 191. Место выхода: Оренбургская губерния, Челябинский округ, Кочердыкская волость, деревня Ваганова.

Глава семейства: Сидор Никифорович Попов (26 лет), с ним 5 человек женского пола; пять лошадей, 5 телег, 5 полушубков, 8 зипунов.

Лист 192. Глава семейства: Сергей Терентьевич Попов (47 лет), с ним два человека мужского пола, 4 человека женского пола; 6 лошадей, 3 телеги, 6 полушубков, 7 зипунов.

³ Андреев С. М. К истории основания станиц Кокчетавского уезда Акмолинской области. \ \ Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (18–20 века). 2 международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Омск–Кокшетау. 2001, с. 51.

Лист 363. Место выхода: Саратовская губерния, Новоузенский округ, Покровская волость, слобода Покровская.

Глава семейства: Иван Гаврилович Попов (36 лет), с ним девять человек мужского пола (из них 6 – до 17 лет), 5 человек женского пола; 3 лошади, 4 телеги, 6 голов рогатого скота.

Лист 507. Место выхода: Саратовская губерния, Новоузенский уезд (волость и деревня не указаны).

Глава семейства: Дементий Михайлович Коровин (45 лет), с ним 11 человек мужского пола (6 из них – до 17 лет), 7 человек женского пола; 7 лошадей, 6 телег.

Лист 509. Глава семейства: Иван Васильевич Коровин (44 года), с ним 5 человек мужского пола (3 из них – до 17 лет), 4 человека женского пола; 3 лошади, 3 телеги.

Лист 509. (оборот). Гавриил Киреевич Коровин (43 года), с ним 5 человек мужского пола (4 из них – до 17 лет), 6 человек женского пола; 6 лошадей, 5 телег.

Лист 512. Глава семейства: Кирей Киреевич Коровин (40 лет), с ним 2 человека мужского пола (оба – до 17 лет), 1 человек женского пола; 3 лошади, 2 телеги.

Все они переселились в 1849 году. В какие станицы – не указано.

ГАОО. Фонд 67. Описание 1. Дело 591.

Место выхода: Харьковская губерния, Старобельский округ, Старобельская волость, деревня Большая Черниговская.

Лист 882 (оборот). Глава семейства: Ион Артемьевич Коровин (52 года), с ним 4 человека мужского пола (3 из них – до 17 лет), 4 человека женского пола; 2 лошади, два быка, 2 телеги.

Прибыли в 1850 году. Их сразу поселили в станице Аиртавской (Лист 1319, 1325 (оборот))⁴.

Кто из этих Коровиных и Поповых наши предки – установить трудно. Будет кто из потомков более расторопен в поисках, может, он и проведёт ниточку от одного из этих пересе-

⁴. Эти данные из Государственного архива Омской области были мне любезно предоставлены омским историком С. М. Андреевым, специалистом по Сибирскому казачеству. Выражаю ему свою глубокую благодарность.

ленцев по фамилии Попов и Коровин к нашим дедушкам и бабушкам.

Пока с определенностью можно сказать, что предки нашей бабушки – Дарьи Кирилловны Савельевой, маминой мамы, – прибыли из Саратовской области, так как именно там проживала мордва⁵. А Савельевы, как свидетельствует мама, были мордовцами. Так что в наших жилах течет кровь этого финноязычного народа.

Г. Е. Катанеев, омский этнограф, исследователь Степного края, оставил интересную этнопсихологическую характеристику казаков-мордвинов: «Мордвин принимают за чистых русаков и хохлов, как по лицу, так и по манере держать себя. В характере не замечается так же выдающихся особенностей: сравнительно с хохлами их можно считать подвижнее, восприимчивее и не такими упрямыми, хотя упрямство, по-видимому, им более прирожденно, чем великороссу. Настойчивость в труде замечательная. Хозяйственная и торговая изворотливость не уступает вообще великороссу и, во всяком случае, превосходит как хохлацкую, так и староказачью. Мордвин, как говорят, «на дыре дыру вертит». Он и на пашне, он и в лавке, он и на ярмарке, он и в извозе, на быках и лошадях, он и на железнодорожных работах за 300–400 верст, он и сапожник, он и портной, и дроворуб. Честность в обязательствах, верность данному слову, отсутствие обмана в житейских делах, особенно в отношении мордвина к мордвину же, не подлежит сомнению. На службе мордвин добросовестен, исполнительен, хотя нельзя сказать, чтобы был воин по призванию»⁶.

⁵ Мордва – финноугорская народность, живущая в основном в Поволжье, хотя небольшими группами мордва проживает на всей территории России от Калининградской области до Дальнего Востока. Предки мордвы расселились в Поволжье с 7-го века до н.э. В древнерусских источниках мордва упоминается впервые в 11-м веке.

⁶ Цит. по: Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие. Омск, 2006, с. 39. Судя по этой характеристике, брат Володя унаследовал большее количество «мордовских генов».

Папина бабушка, Елена Попова, в девичестве Редченко, была украинкой, говорила, как вспоминает тетя Рая, только «по-холяцки». Отсюда наши украинские корни. Род Редченко, возможно, прибыл из Харькова. Но не исключено, что местом выхода этого рода была также Саратовская губерния, так как переселенцы пяти партий из Новоузенского округа Саратовской губернии, отправившиеся в Степной край в 1849 году, были исключительно украинцы. Их фамилии: Ребро, Лимаренко, Порох, Полиенко, Шквирня и т. д. Историк С. М. Андреев предполагает, что это были потомки переселённых в 1730-1740 годах в Поволжье, в район Царицынской и Оренбургской линий малороссийских казаков, зачисленных потом в «гражданское состояние»⁷.

Наши украинские корни косвенно подтверждает и родословная, составленная папой. В папиных бумагах есть старый пожелтевший листочек со схемой: «Родословие Поповых». Все родословные линии в ней идут от предка – некоего Ивана из Запорожья, и стоит дата: 1790 год. Правда, в этой схеме есть одно недоразумение. По схеме у Ивана было четверо сыновей: Василий, Ефим, Иван и Терентий, все Ивановичи. Но при этом у Ефима Ивановича фамилия Галушко и от него идет род Галушко, а от его брата Василия Ивановича (наш прапрадедушка) идет род Поповых, т.е. от двух родных братьев идут два разных рода – Поповых (скорее русские) и Галушко (скорее украинцы). Такого быть не может.

Поскольку из Запорожья в Кокчетавский уезд в середине 19-го века ни казаков, ни крестьян не переселяли, можно предположить, что Иван из Запорожья и его предки были тоже, как и, возможно, предки рода Редченко, малороссийскими казаками, переселенными в Поволжье в 18-м веке и переведенными в гражданское состояние. И уже оттуда эти

⁷ Андреев С. М. К истории основания станиц Кокчетавского уезда Акмолинской области. \ \ Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (18-20 века). 2 международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Омск–Кокшетау. 2001.

украинцы переселялись в Степной край в середине 19-го века с зачислением в казачество.

Итак, в нашем роду не было ни графов, ни князей, ни бояр, ни дворян. Наши потомки – казаки, крестьяне, причем небогатые. Ведь переселяли в Степной край малоземельных крестьян. По условиям каждая семья переселенцев должна была иметь двух работников, пару волов или лошадей – это невысокий имущественный уровень. Под работниками, думается, имелись в виду не наемные рабочие, а работоспособные члены семейства. Скорее, наши предки были и не очень доходными налогоплательщиками. Правительство, чтобы побудить к переселению, слагало все недоимки по податям и земским повинностям. А это был серьезный аргумент в пользу переселения. Еще более серьезным доводом могло быть то, что переселенцы на новых местах зачислялись в казачье сословие, которое имело льготы.

Единственное, что может потешить наше тщеславие, – решительность и смелость наших предков. Они снимались с обжитых мест семьями – с жёнами и маленькими детьми, коровами, шубами, зипунами и отправлялись в неведомый край, плохо обжитой, населенный незнакомым народом. И там им нужно было не только заново обживаться, строиться, распашивать целину, но и нести военную службу.

Так и видишь длинный караван телег, запряженный лошадьми или быками, растянувшийся на несколько верст. В телегах под пологами сидят дети, уложен нехитрый скарб. Сзади к повозкам привязаны коровы, лошади. Палит солнце, поднимается пыль. А вокруг перелески, сопки, бескрайние степи. На обед путешественники останавливались у речек или озер, ставили треногу, подвешивали котелок. Дети собирали хворост, разводили огонь. Женщины варили похлебку, готовили чай из трав. Мужчины поили скотину. Потом отправлялись дальше. Ночевали в степи, под телегами или в каких-нибудь придорожных деревнях.

Это путешествие длилось около месяца. Первая партия переселенцев из Оренбургской и Саратовской губерний отправилась в Степной край в середине мая, а прибыла в Кокчетав в середине июня.

Места, куда приехали переселенцы, были благодатными: красивые озёра, сосновые боры и леса, живописные сопки. У нашей мамы Анны Яковлевны сохранились воспоминания об удивленном восхищении природным богатством, которое испытали первые переселенцы Аиртава: ягод на лугах было столько, что, когда косили траву, косы становились красными от сока лесной клубники и земляники, рыба водилась в таком изобилии, что бабы ловили её в реке юбками и рубахами. И дома здесь топили не по-чёрному, что некоторым переселенцам тоже было в диковинку. В избах были чистые белые стены, а не чёрные и закопчённые.

Названия первых казачьих станиц не русские, а казахские; они отражают особенную поэзию этих мест: Аиртау – гора-вилы, Кокшетау – синяя гора, Шалкар – простор.

А вот села, появившиеся позже в менее богатых и ничем не примечательных местах Кокчетавского уезда носили уже русские названия: Еленовка, Антоновка, Комаровка.

Что же представлял собой Кокчетавский уезд, где возникли Аиртав и Чалкар, и его «столица» до революции?

Кокчетав появился в начале 19-го века как маленькое военное поселение на берегу озера Копа. С 1924 года он стал именоваться городом. В Кокчетаве тоже жили казаки – в литературе говорится о «Кокчетавской станице»⁸.

По воспоминаниям современников, до революции Кокчетав был захолустьем, оживавшим лишь осенью, когда здесь проходили ярмарки.

Этнограф и путешественник Г. Н. Потанин, многие годы живший в Томске, так описывает Кокчетав, который он посетил в 1895 году: «Кокчетав едва ли имеет более двух тысяч

⁸ Шулдяков В. Л. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004, с. 21

жителей. Весь деревянный, ни одной выдающейся постройки, две церкви и две мечети. Из этого уже видно, что половина его состоит из мусульман. Мечети красивее церквей; есть лавочные ряды, в которых преимущественно торгуют татары»⁹.

В начале 20-го века хозяйственная деятельность в Кокчетаве и во всём уезде оживилась. В 1902 году в Кокчетавском уезде было 8 кожевенных заводов, на которых работало 26 человек, 5 салотопильных заводиков (65 человек), 1 кирпичный (52 человека), 1 маслодельный (4 человека). Как видно, крупной индустрии не имелось, зато были в наличии 188 спиртзаводов и мельниц, на которых работало 266 человек. Существовала и спичечная фабрика.

Неплохо обстояло дело с торговлей. В 1900 году в Кокчетавском уезде состоялось 33 осенних и зимних ярмарки. Главный товар – хлеб, мясо, масло, колбаса, копчёности, кожи, шубы, сапоги, лошади, бараны.

С 90-х годов 19-го века в уезде стала развиваться горно-рудная промышленность, добывали цветные и благородные металлы. В 1896 году здесь было более 100 золотых приисков. На одном из таких золотых приисков в городе Степняке в 30-е годы 20-го века и работал старателем наш дедушка Александр Алексеевич Попов.

⁹ Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство, 1896, № 8, с. 61.

Глава 2

БЫТ И СЛУЖБА СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА¹⁰

Земли сибирских казаков Акмолинской области располагались не сплошным массивом, а как бы «оазисами». По почтово-земскому тракту Петропавловск–Атбасар стояли станицы Кокчетавская, Зерендинская и Сандыктавская, по тракту Кокчетав–Акмолинск – станица Щучинская, а восточнее её – станица Котуркульская. К западу и юго-западу от Кочетава, на правых притоках реки Ишима, у богатых рыбой озёр, находились обширные казачьи земли, на которых располагались густонаселенные станицы: Лобановская, Аиртавская, Чалкарская, Акан-Бурлукская и другие¹¹.

Казаки были льготным сословием дореволюционной России. Они не платили податей, за исключением некоторых пошлин и станичных повинностей. Главной их повинностью являлась военная служба, которую они сочетали с земледельческим трудом. Для хозяйствования государство передавало казакам значительные земли. К каждой станице приписывалась надельная, так называемая юртовая земля, она находилась в общественном владении живущих в станице казаков. Её нельзя было продать или обменять.

Станичники делили юртовую землю на несколько частей: для пашни, сенокоса и выпаса скота. Пахотная земля разделялась на участки, которые предоставлялись казачьим семь-

¹⁰ Очерк составлен по материалам монографии С. М. Андреева «Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие». 1808–1917. Омск. 2006.

¹¹ Шудряков В. А. Гибель..., с. 21

ям на длительный срок. Земля под покосы ежегодно перераспределялась. Леса находились в общем пользовании.

Земельным наделом казак наделялся с 17 лет, когда начал исполнять станичные повинности. Земля предоставлялась также казачьим вдовам и сиротам. Надел земли, полагающийся одному казаку, назывался пай, размер пая колебался в пределах 30 десятин (одна десятая равна 1,09 гектара). А при различных компенсациях и возмещениях за неудобицу пай мог доходить до 60 десятин.

В Степном крае до революции не существовало помещичьего землевладения и частной собственности на землю. Земельные наделы казаков были большие. И благосостояние зависело в основном от рабочих рук и трудолюбия. Как утверждает мама, плохо жили только пьяницы и лодыри. А таких в станице было немного.

Казачья станица была своего рода самоуправляющейся общиной. Выбиралось станичное управление: атаман, помощники атамана, судьи.

Станичный суд не занимался серьезными уголовными преступлениями, он разбирал хозяйственные тяжбы станичников и проступки (кража, мошенничество, покупка краденого на сумму не более 30 рублей, а также оскорбление, побои, пьянство). Суд мог присудить штраф до 6 рублей или арест и общественные работы до 8 дней.

Главной делом казаков была военная служба, которую несло всё мужское население.

По положениям 1860-го, 1871-го и 1880-го годов порядок прохождения службы сибирского казачества был таков.

Служилые казаки делились на три разряда:

1. Приготовительный разряд войск. Казаки этого разряда получали первоначальную военную подготовку сначала трехгодичную, потом её сократили до двух лет.

2. Строевой разряд. Из него формировались строевые части и команды казачьего войска. В строевой разряд входили казаки, состоявшие на действительной службе и восемь лет после неё.

Казачи Сибирского казачьего войска. Наш дедушка Яков Коровин во втором ряду в центре. Предположительно Омск, 1919 год

3. Запасной разряд. Из этого разряда пополнялись потери в строевых частях и формировались особые части во время войны.

Казачьи сыновья начинали подготовку к военной службе с 9–15 лет в станичных и поселковых школах. Их обучали пешей строевой подготовке, верховой езде. Они получали представление об истории войска, о воинской дисциплине.

С 19 лет молодых казаков зачисляли в подготовительный разряд. Находясь в подготовительном разряде, они в течение первого года освобождались от повинностей и покупали всё необходимое для службы: обмундирование, снаряжение, упряжь, строевую лошадь. А это было недёшево. Стоимость казачьего снаряжения и строевой лошади до 1861 года составляла 51 рубль; с середины 1860-х годов – 81 рубль, а уже в 1890-е годы – от 130 до 180 рублей. В годы Первой мировой войны стоимость полного обмундирования с лошадью увеличилась

до 350 рублей. 350 рублей – это в то время, например, восьмимесячный заработок уездного учителя.

Если на службу выходило 2–3 члена семьи, то подобный призыв мог привести к полному разорению хозяйства. Нуждающиеся должны были снаряжаться на общественные средства, а при их отсутствии пользоваться ссудой из войскового капитала. С 1904 года сибирские казаки, выходящие на первоочередную службу, получали из войсковой казны 60-рублевое пособие на покупку коня.

Юные казаки приготовительного разряда жили в своих станицах и 4 раза в год собирались на учебные сборы. В нашем уезде летние лагеря для прохождения сборов находились при станице Кокчетавской.

На сборы они прибывали в полном обмундировании, на лошадях. Занятия с ними проводили офицеры и инструкторы-урядники. Основное внимание уделялось огнестрельной подготовке и верховой езде. Казаки обучались полной походной седловке, одиночной езде и езде в строю, джигитовке со стрельбой, преодолением рвов и барьеров. После таких сборов молодой казак должен был быть полностью готов к действительной службе.

По достижении 21 года казаки зачислялись во второй, строевой разряд и отправлялись на действительную военную службу сроком на четыре года.

Казаки одной станицы, как правило, формировали полковую сотню, служили и воевали вместе. Поэтому казачьи подразделения отличались внутренней спайкой, дисциплиной.

При необходимости каждая территория должна была выставить на военную службу установленное законом количество полков и подразделений. Полки состояли из сотен и полусотен.

Из казаков Кокчетавского уезда формировали 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева конный полк. В нем состояло шесть сотен. Полки нередко направляли служить в Туркестан и на китайскую границу. Стоянки 1-го и 2-го Сибирских полков, составлявших отдельную Сибирскую казачью бригаду,

находились в городах Джаркент (Панфилов) и Верный (Алма-Ата) Семиреченской области. Не случайно, наверное, в Первую мировую войну эту бригаду отправили воевать на Кавказ.

Мама запомнила, что один из её родственников служил очень далеко от Аиртава, в краю высоких заснеженных гор. Перед смертью он говорил, что душа его после кончины будет посещать те места, где он бывал. «Вот и полетит она к этим горам, где я когда-то служил».

За время действительной службы казаки получали необходимый уровень боевой подготовки.

Вернувшись домой, они в течение восьми лет (до 32 лет) стояли на льготе. Они находились в постоянной боевой готовности на случай войны, мобилизации. Льготники обязаны были содержать в исправности обмундирование, вооружение, снаряжение и строевых лошадей. Контроль за их боеготовностью осуществлялся в период летних трехнедельных учебных сборов.

Казаки третьего, запасного разряда (33–37 лет) в мирное время освобождались от учебных сборов, но были обязаны содержать в исправности вооружение и снаряжение – шашку и седло. Все остальное они приобретали в случае призыва в строевые полки. В военное время выходили на службу по мере надобности. Сначала забирали более молодых казаков, а потом постарше.

В 38 лет казак выходил в отставку, исключался из служилого состава, его зачисляли в войсковое ополчение.

Конечно, было тяжело сочетать земледельческий труд и военную службу. Но кокчетавское казачество сохраняло высокую боеготовность.

Как сообщает С. М. Андреев, Отдельную Сибирскую казачью бригаду (1-й и 2-й полки) в годы Первой мировой войны командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич называл «Железной бригадой». В годы Гражданской войны 1-й Сибирский полк на Восточном фронте белых выполнял самые важные боевые задания.

Глава 3

ПОПОВЫ

На сегодняшний день главной хранительницей родовой памяти Поповых является тетя Рая, Раиса Александровна Горихвадацкая, в девичестве Попова, младшая сестра папы. На её рассказ мы и будем полагаться. Она нам поведала то, что знала о предках Поповых.

Наши бабушка с дедушкой по папиной линии: Александр Алексеевич Попов и Ульяна Фёдоровна Попова, в девичестве Зуева. Оба родились в 1900 году в станице Чалкар Кокчетавского уезда.

Родители бабы Ули: Мария Александровна Зуева (умерла в 1968 году) и Фёдор Фёдорович Зуев (умер приблизительно в 1960 году). Оба Чалкарские. У них родилось семеро детей: Ульяна, Екатерина, Анна, Ольга, Зоя, Семеон и Гавриил. Фёдор Фёдорович Зуев был казак. Тётя Рая видела его на старой несохранившейся фотографии в казацкой форме. А вот свою прабабушку, Марию Александровну, я помню. Она была сухонькая, сморщенная, с глубоко запавшими глазами. Не знаю даже, сколько раз я видела её в доме у бабы Ули и деды Саши в Аиртаве, куда нас привозили родители. Но от самого слова «прабабушка» повеяло на меня волшебной, непостижимой древностью, так что мне поначалу даже страшновато было приближаться к ней.

Однажды, когда я засыпала рядом с прабабушкой, она стала молча почёсывать мне голову, поглаживать волосы сухими, негнущимися коричневыми, как сосновая кора, пальцами. Прикосновения её были лёгкими и нежными. Под эту тихую ласку я заснула. И потом уже прабабушка исчезла из моей де-

тской памяти. Но никто никогда больше не почёсывал мне голову вместо колыбельной, ни мама, ни бабушка.

Откуда она взяла эту простую и безыскусную ласку? Наверное, так делали её бабушка и мама. Эти запомнившиеся мне последние нежные прикосновения прабабушки и были самым древним приветом от далеких моих предков.

Родители деда Саши: Алексей Васильевич Попов (умер в 1907 году) и Елена Попова, в девичестве Редченко (умерла в 1934 году), – та самая украинка, которая говорила «по-хотляцки». Оба тоже Чалкарские. У них было, по словам тети Раи, двенадцать дочерей и сыновей, но называет она имена десятерых: Петр, Яков, Леонтий, Семеон, Николай, Фёдор, Сергей, Анастасия, Зинаида, ну и десятый – Александр, наш дед Саша. Прабабушка Елена помогала женщинам в родах, по чудесному выражению тёти Раи «принимала младенцев». Вот от кого наша сестра, Наталья Леонидовна Ситожевская, унаследовала тягу к акушерству.

Как рассказывает тётя Рая, Ульяну Зуеву, нашу бабушку, стали сватать очень рано, в 14 лет. Но отец её тогда не отдал. Она была ещё совсем ребенком. И потом женихи находились, но отец отказывал и им. Ульяна стала встречаться с Александром. Видно, понравилась ему очень, и он тоже заслал сватов.

Сваты вели разговор с Фёдором Зуевым, а Александр стоял под окном горницы и с волнением спрашивал Ульяну:

– Ну, что, отдают?

Отец Ульяны, Фёдор Фёдорович, упирается, говорит:

– Он хохол, а хохлы ленивые.

Ульяна расстроилась, жениху шепчет в окошко:

– Не отдают родители.

Сваты уже уходить собрались ни с чем. Тогда Ульяна вышла из горницы и говорит:

– Тятя, мама, сколько женихов приходило сватать меня, вы не отдавали, а теперь – не держите.

Подумал Фёдор Фёдорович и решил не перечить дочери:

Мария
Александровна
и Фёдор Фёдорович
Зуевы.
Не позже 1960 года

– Ну, если так, дочка, пусть будет по-твоему.

В 1919 году Ульяна и Александр поженились, и было им по 19 лет. А через четыре года, уже после Гражданской войны, 15 июня 1923 года у них родился первенец, сын Леонид, наш папа. Всего у Александра и Ульяны родилось девять детей: Леонид, Павел, Виктор, Владимир, Раиса, и четверо умерло в детстве – Яков, Петр, Михаил и Нина.

Баба Уля была высокой, статной, с глубоко посаженными тёмными глазами, большими, тяжелыми веками и по-восточному загнутым вниз носом. Она и в старости оставалась по-детски любопытной. Кого я впервые в жизни увидела молящейся, так это бабу Улю. Тогда это представлялось мне чем-то непостижимым и даже запретным, ведь бога-то, как меня учили, не существовало. У деды Саши были правильные, как

Александр Алексеевич
и Ульяна Фёдоровна Поповы

бы выверенные черты лица, густые седые волосы, ровные усы. Мне, маленькой девочке, он казался красивым.

Деда и баба через всю жизнь пронесли свою любовь. Бабушка как-то сказала деду: «Три раза я была солдаткой и оставалась верной тебе». А дед и в старости, как выпьет, говорил бабе Уле: «Мать, мать, я тебя так люблю, так люблю!»

Глава 4

КОРОВИНЫ

О родословии Коровиных написала в своих воспоминаниях мама, Анна Яковлевна Коровина, в замужестве Попова.

Наши бабушка с дедушкой по маминой линии: Яков Васильевич Коровин (1896–1971) и Дарья Кирилловна Коровина (в девичестве Савельева) (1900 или 1901–1974). Оба родились в Аиртаве, как и все их предки. До революции Аиртав, как свидетельствует мама, был большой, на 700 дворов, богатой станицей, застроенной добротными домами, некоторые поднимались в два этажа.

Родители деда Яши: Василий Трифонович Коровин (приблизительно 1860–1926) и Евдокия Филипповна Коровина (приблизительно 1860–1954) тоже аиртавские.

Мама рассказала о своих прадедушке и прабабушке по мужской линии. Трифон Коровин, наш прапрадедушка, отец Василия Трифоновича был, как говорит мама, старостой (во время смуты его убили красные). Они с женой (ее имени мама не называет) шили на продажу шубы, полушубки и хорошо этим зарабатывали. В семье был достаток во всем. Жили в большом крестовом доме. Баба Даша с восхищением рассказывала своим детям о быте в доме деда Трифона: «Придешь к ним и боишься пройти в передний угол, сесть на лавку – такая в доме чисто-та! Мужчины носили розовые ситцевые рубахи (из покупной фабричной ткани – В. Л.), а женщины – красивые станушки»¹². Бабушке это казалось невиданной роскошью. Перед крыльцом двор был открытым, чистым. Скот находился в стайках в за-

¹² Станушка – нижнее белье: лиф из ткани мануфактурной, фабричной, юбка – из более грубой домотканой льняной ткани.

дней части двора. Сеяли они немного: у них водились деньги и им не нужно было продавать на рынке зерно.

Есть свидетельство, что у деда Трифона в доме жила то ли гувернантка, то ли домашняя учительница.

У родителей деда Яши Василия Трифионовича и Евдокии Филипповны Коровиных родилось десять детей: пять сыновей и пять дочерей. Яков – первенец. Мама помнит, что Василий Трифионович был высоким, с пышной чёрной бородой. Он слыл мастером на все руки: плотничал, шил обувь, шубы, изготавливал лошадиную упряжь. Видно, его многому научил отец Трифон. И Евдокия Филипповна была ловкая на работу: пряла, вязала, шила, вышивала, чинила одежду.

Василий Трифионович и Евдокия Филипповна с сыновьями, снохами и детьми выстроили в Аиртаве большой, красивый крестовый¹³ дом. Семье приходилось много работать, потому что нужно было всех кормить.

Родители бабы Даши: Кирилл и Евдокия Савельевы, отчества мама не помнит. Оба Аиртавские, оба были из мордвы. Мордовцы в казачьих станицах уже ни по одежде, ни по образу жизни не отличались от остальных обитателей. Но они дольше всего сохраняли свой язык. Баба Даша могла немного говорить по-мордовски. И даже мама называла нам некоторые мордовские слова. Например, «чапомоловце» – кислое молоко.

По воспоминаниям бабы Даши, у её родителей, Савельевых, тоже был большой дом, у них останавливались купцы и служивые. Родители зерно сеяли только для себя и скота, а на продажу выращивали мак. Мак возили на рынки в Омск и Кокчетав. В хозяйстве были хорошие выездные лошади.

Мать бабы Даши рано умерла, и девочка осталась сиротой. Жила с братом Тимофеем и его женой. С ними жили и сестры Даши: Анисья и Крестья. Старшая сестра Василиса была уже

¹³ Крестовый – в отличие от пятистенника, где только две комнаты, большой четырёхкомнатный дом с горницей, кухней и обязательно комнатой-малушкой, где жили старики.

замужем. Позже, в голодные годы её убили и бросили в озеро. Сестры Дарью очень любили, особенно Анисья, которая была слепой от рождения. Она тоже умерла в голодные годы.

Баба Даша с благодарностью вспоминала брата Тимофея Савельева. Он был очень добрый, никогда её не ругал, утром рано не будил, давал поспать. Даша ещё девочкой начала работать с мужчинами на пашне. Она научилась ездить верхом на лошади. На поле во время посева управляла лошадьми, чтобы те шли ровно по борозде. Летом неделями жила на заимке, где находилась их семейная пашня. Приезжала домой по субботам, чтобы помыться в бане.

Когда умер и отец бабы Даши, хозяйство Тимофея стало хиреть, потому что у брата не рождались сыновья-помощники. А девок было слишком много. Вот и пришла пора выдавать Дашеньку замуж. Женихом стал Яша Коровин.

У Дарьи и Якова не случилось никакой романтической истории. Они не дружили до свадьбы, между ними не было любовных чувств. Наверное, они знали друг друга, так как жили в одной станице. Их поженили родственники. Дарье не исполнилось и семнадцати лет, значит, это произошло в 1916 или в 1917 году.

Для нее началась тяжкая жизнь. Она пришла совсем юной в большую чужую семью. На неё свалили всю домашнюю работу, к которой молодая девушка не была готова: не умела толком ни печь, ни стряпать, ведь большую часть времени, до самого снега, проводила в поле, на заимке. Свекровь обходилась с ней очень грубо, даже жестоко. Если Дарья спала на полу, пинками будила ее. Баба Даша, когда рассказывала уже много лет спустя об этой жизни своим дочерям, не могла сдержаться слез, и дочери плакали вместе с ней.

У Якова и Дарьи в семье Василия Трифоновича родилось трое сыновей, но все они умерли. Мама говорила, что этих младенцев плохо кормили, плохо следили за ними. Это странно, ведь тогда ещё в доме был достаток. Видимо, Дарье из-за домашней работы не давали возможности ухаживать за ними,

Яков и Дарья Коровины с детьми Анной, Марией, Еленой, Николаем.
Предположительно 1940 год

как должно. Всего у Якова и Дарьи родилось восемь детей: Анна, Мария, Елена, Николай и четверо умерло в детстве. Мама помнит имена двоих умерших детей: Ефим и Нина. Нина родилась уже после Отечественной войны.

Баба Даша была немногословна, молчалива, внешне выглядела неброско: широкое мордовское лицо, небольшие глаза. В радости она тихо улыбалась, в горе беззвучно плакала. Не помню, чтобы бабушка кого-то ругала, корила. Деда Яша был роста невысокого, сдержанно-горяч, с упрямым острым взглядом чёрных глаз. Смоляной чуб и в старости оставался пробеленным лишь редкими ниточками седины. Непокорно топорщились густые усы. Он много курил крепкие папиросы и самосад, часто кашлял. Ходил, опираясь на толстую палку. Помню его в галифе с узкими красными лампасами.

Судя по маминым рассказам, можно предположить, что род Коровиных относился к зажиточному, во всяком случае они не были бедняками. Это и определило их симпатии, которые в последующие годы были не на стороне большевистской власти. Деда Яша воевал в Колчаковской армии. В 1921 году представители их рода активно участвовали в антикоммунистическом восстании, за что и подверглись репрессиям.

Род Поповых скорее можно отнести к бедняцкому. Об этом прямо говорил папа в своей ранней автобиографии. Их социальное положение, видимо, повлияло на решение деда Саши Попова идти в Красную армию. Не исключено, правда, что он, как достигший в 1921 году призывного возраста, был демобилизован после захвата красными Кокчетавского уезда.

Глава 5

ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В 1917 году в России произошло две революции, в результате которых российский император Николай II был свергнут, к власти пришли большевики-коммунисты во главе с В. Лениным.

В ноябре-декабре 1917 года в большинстве городов Северного Казахстана, включая Акмолинскую область, власть перешла в руки большевиков. Несмотря на провозглашение советской власти, влияние красных ограничивалось городской территорией и железными дорогами.

Толчком к началу Гражданской войны в Северном Казахстане послужил мятеж чехословацкого корпуса, в состав которого входили вооруженные пленные чехи и словаки. Эшелоны с пленными стояли на Транссибе. Местные советы попытались разоружить корпус. 31 мая 1918 года части чехословацкого корпуса, находившиеся в Петропавловске, совместно с белым подпольем подняли мятеж и свергли советскую власть в городе. Начальником Петропавловского военного района объявил себя войсковой старшина В. И. Волков.

Утром 2 июня в Кокчетав из Петропавловска прибыл автомобильный отряд, посланный В. Волковым. Петропавловские повстанцы помогли местным казакам – разоружили Красную гвардию. Главой города Кокчетав и уезда стал казачий полковник Пелымский. Горожан созвали на базарную площадь, где им сообщили о свержении советской власти. В ходе переворота погиб один человек – кузнец В. Вишняков, начавший

открыто агитировать против повстанцев. Он был расстрелян казаками. Для свержения советской власти в сельской местности Пелымский на петропавловских грузовиках направил два отряда с пулеметом.

В течение июня 1918 года в руки антибольшевистских сил перешли Акмолинская, Семипалатинская, а также северная часть Тургайской области. Ведущую роль в этом перевороте сыграл Петропавловский повстанческий штаб¹⁴.

Добровольческие и партизанские казачьи отряды свергли власть большевиков в Западной Сибири.

Два наших деда попали в разные армии: Яков Коровин – в Белую (срок призыва неизвестен), а Александр Попов – в Красную (срок призыва, по утверждению тёти Раи, 1921 год). Оба вернулись домой невредимыми.

Семейные предания об участии дедов в Гражданской войне крайне скудны и противоречивы.

Первый призыв сибирских казаков на Гражданскую еще до установления диктатуры Колчака, летом 1918 года, состоялся при Сибирском временном правительстве¹⁵. В. И. Волков, который после свержения советской власти в Северном Казахстане объявил себя начальником Акмолинского района, приказал мобилизовать офицеров и молодых казаков 1918, 1917, 1916 нарядов (наряд – год призыва). Деда Яша Коровин состоял в наряде 1917 – в этот год он достиг возраста, когда казаки уходили на действительную службу.

К 12 июня 1918 года четыре конные сотни, призванные из станций Кокчетавского уезда, уже собрались в «столице» уезда. 6 июля 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк во главе с подъесаулом, талантливым военачальником А. В. Катанаевым выступил из Кокчетав на Омск. Возможно, в кон-

¹⁴ Шулдяков В. А., Гибель..., с. 72–73.

¹⁵ Эсеровское автономное правительство, существовавшее с января по ноябрь 1918 года. Передало власть Уфимской Директории. 18 ноября силами высших казачьих офицеров был совершен переворот, в результате которого к власти пришел Колчак.

Яков Коровин (слева)
с односельчанином.
Предположительно
Омск, 1919 год

ном строю ехал наш дедушка Яков Васильевич Коровин. 13 июля полк прибыл в Омск.

В августе 1-й Сибирский казачий полк участвовал в уничтожении красногвардейского отряда П. Сухова на Алтае. После выполнения задания 1-й полк возвратился в Омск.

Неизвестно, участвовал ли дедушка в этой операции. Близкие сообщают только, что в Омске Яков Коровин служил денщиком у офицера.

Мама и другие родственники также с уверенностью свидетельствуют, что деда Яша воевал в Колчаковской армии.

18 ноября 1918 года в результате переворота адмирал А. Колчак стал Верховным главнокомандующим Сибири. Под его властью оказалась вся Сибирь, включая и земли Северного Казахстана. Ставка адмирала находилась в Омске. Любопытно,

что осуществился переворот при участии и поддержке опять же 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка¹⁶.

Колчаковский режим провел тотальную мобилизацию в ноябре 1919 года, когда было призвано 26 нарядов (казаки 1896–1921 годов призыва). Если деда Яша не попал в армию с призывом 1918 года, то можно с большой долей уверенности утверждать, что осенью 1919 года он уже находился в Омске, в армии Колчака.

В семье Коровиных сохранились устные рассказы о том, что Яша Коровин дошел с Колчаком до Красноярска. Это ценное свидетельство позволяет хотя бы в общих чертах реконструировать отступление дедушки с белоказаками в Гражданскую от Омска до Красноярска.

Белые оставили Омск 14 ноября 1919 года почти без боя. Началось отступление Белой армии на восток, как теперь говорят в литературе – ледяной поход. Армия откатывалась на восток вдоль Транссиба, сдавая один за другим города и поселки. На-

¹⁶ 1-й Сибирский казачий полк несколько раз отправляли из Омска на подавление крестьянских восстаний, в том числе и в Кокчетавский уезд. Так, в мае 1919 года из-за реквизиций начались крестьянские восстания против Колчака в Кокчетавском уезде. Видимо, часть казачества принимала участие в этом восстании, потому что члены комиссии по реквизиции имущества были убиты в станице Сандыктавской. Косвенно об этом свидетельствует так же мнение Е. Полюдова, уполномоченного Сибревкома, который руководил военной операцией по подавлению восстания казаков в Кокчетавском уезде в 1921 году. Еще до восстания он говорил, что кокчетавских казаков он знает, они настроены революционно и первые выступили против Колчака. Кроме того, в одном из воззваний казачества Кокчетавского уезда, относящегося к 1921 году, вспоминаются события Гражданской войны: «Напуганные действиями наших высших офицеров и генералов, вы теперь тоже, вероятно, думаете, что казаки поднялись для восстановления колчаковского произвола. Нет, братья, нам не нужно того, что отброшено историей. Колчак пал потому, что не понял духа свободолюбивого сибирского крестьянина и казака».

В. А. Шулдяков в своей монографии приводит данные о том, что штаб отряда Катанаева в конце мая проводил в округе мелкие карательные операции в Кокчетавском уезде. Например, разбили партизан-дезертиров в поселке Лавровка. Партии пленных отправили к станице Щучинской, где расстреляли. К началу июня все повстанческие очаги в уезде были уничтожены.

чалось массовое дезертирство. Страшным бедствием стала эпидемия тифа, потери исчислялись десятками тысяч. Умерших от тифа штабелями складывали вдоль железнодорожной линии. Зима 1919 года выдалась на удивление морозной. Солдаты страдали от холода и голода, лошади – от бескормицы. И все это в условиях постоянных, изнурительных боев. Темп наступления красных нарастал, досаждали красные партизаны. Таким был путь дедушки от Омска до Красноярска.

Под Красноярском 6 января 1920 года произошла военная катастрофа – огромная часть Белой армии попала в окружение, которое закончилось пленом. В плену оказалось около 50 тысяч белогвардейцев, среди них очень много подразделений Сибирского казачьего войска.

Красные фильтровали пленных: рядовых, набранных по призыву, отпускали, офицеров и добровольцев расстреливали или отправляли в лагерь. Родственники не сообщают о плене дедушки. Мама передала нам лишь такие слова деда Яши: «Красные как дали – и мы все разбежались». Но белому дезертиру с документами рядового Колчаковской армии пробраться домой по красной территории было очень сложно. Красные давали плененному документ о том, что он сдался в плен, и тогда с этой бумагой он мог беспрепятственно ехать домой.

Мой двоюродный брат, Сергей Кулешов, со слов родственников сообщает следующее: офицеры забрали у деда коня. И тогда он украл лошадь у крестьян и добрался до Аиртава.

Подробности восстановить сейчас уже трудно, но можно понять и представить, что пережил и увидел дедушка по пути из Омска до Красноярска и обратно до Кокчетова. И дорога назад по морозу, без средств, без возможности где-то остановиться, чтобы отдохнуть, была не менее трудна и опасна, чем военная. Если я реконструировала всё правильно, то дома дедушка появился в январе 1920 года, когда Аиртав уже около двух месяцев как был взят красными.

В сентябре 1919 года остатки Южной армии белых во главе с атаманом А. И. Дутовым отступили на юг, в глубь казахских сте-

пей. Дутовцы проходили через станицы Кокчетавского уезда, поголовно мобилизуя и малолеток, и стариков. Казачий атаман собирался удержать линию Аиртав–Келлеровка. 31 октября 1919 года из Кокчетав Дутов послал Колчаку письмо, где сообщал об отчаянном положении своей армии и просил прислать вооружение и тёплое обмундирование. Призванные насильно в армию разбежались. Дутовцы проводили реквизиции продовольствия, фуража, каких местное население ещё не знало. Они угрожали, пороли и вешали сопротивляющихся, что оттолкнуло и озлобило местное население, в том числе и казаков.

Раздетая, замерзающая, тифозная армия Дутова не могла противостоять красным. Красные легко сбили заслоны на линии Аиртав–Келлеровка. Преследуя части атамана, они 12 ноября 1919 года с боем овладели Кокчетавом¹⁷. Весной 1920 года остатки армий Дутова и атамана Анненкова отступили в Китай. Казахстан полностью оказался под властью большевиков.

Казачьи станицы Акмолинской области встречали красных нерадостно, как побежденные – победителей, они ждали мести и репрессий. Ведь в большинстве семей были убитые или раненные в боях с коммунистами, или ещё воюющие на стороне Колчака. И только когда стали возвращаться с Гражданской войны отпущенные казаки, напряжение спало.

Но я все-таки приведу свидетельство мамы о поведении красных в станице Аиртавской, очевидно, после того, как она была ими занята: «Издевались над зажиточными крестьянами: водили их поить на прорубь, раздевали догола, выгоняли семьями из дома. Отбирали продукты, скот, хорошую одежду. На ворота тех, кого считали классовыми врагами, по выражению мамы, «вешали бойкот», чтобы к ним никто не ходил, не общался с ними. А потом хозяина увозили куда-то, и он больше не возвращался, о нем ничего не было слышно, как будто в воду канул».

¹⁷ Шулдяков В. А. Гибель..., с.528–529.

Ко времени Гражданской войны мама относит трагическую гибель своих прадеда и дяди.

В то время к деду Якову, старосте Трифону Коровину (нашему прапрадедушке) и его сыну Роману пришли красные и попросили их одеться. Отец и сын надели всё новое: валенки, полушубки, как на смерть. Родственникам не разрешили следовать за ними. Их вывели за село за 1,5–2 километра. Но не убили. Сняли всю одежду и отпустили (это было в марте, какого года – мама не сообщает). Домой они прибежали раздетые.

Через некоторое время за ними пришли опять. Родственники до подробностей сохранили в памяти эти минуты. Старшему сыну дяди Ромы, Ванюше, кто-то из близких шепнул: «Проси у них, чтобы оставили или деду, или тятю», – в надежде, что просьбы ребенка смягчат сердца убийц. И Ванюша стал просить у солдат оставить в живых или дедушку, или отца. Мальчик в отчаянии уцепился за ноги одному солдату и волочился по земле за ним до самых ворот, умоляя: «Дяденька, оставьте нам или деду, или тятю!». Тот как будто остановился, но другой на него сурово зыркнул и оттолкнул Ваню.

Убили их недалеко от села в лесу и бросили там. Яков с братьями ездил за их телами. Они лежали крест накрест. Дяде Роме выстрелили в затылок. На месте, где их убили, родные поставили крест. Мама его еще помнит, видела в детстве, ходила туда с родственниками. У Елены, жены дяди Ромы, осталось четверо детей, мал мала меньше (к ней потом ушли жить Яков и Дарья).

Деда Саша Попов, как сообщает тетя Рая, попал в Красную армию в 1921 году. Где он служил и когда вернулся – об этом никаких свидетельств нет. Тётя с неуверенностью сообщает, что его привозили домой больным тифом, и потом он снова ушёл в армию.

Обратимся к свидетельствам тёти Раи:

«Вскоре после того, как Александр и Ульяна поженились, Александр Попов попал в Красную Армию (а поженились

они в 1919 году). Когда к Чалкару приближались войска Колчака, братья Александра Яков, Леонтий, Семеон и еще четверо сельчан ушли на заимки. Братья не хотели идти в Белую армию и воевать против Красной, где служил Александр». Тетя Рая передает их слова: «Как же мы пойдём против брата своего? Он в Красной армии, а мы пойдём к Колчаку?». Ульяна в то время убежала к своим родителям.

Когда в село вошли колчаковцы, мать Александра, Елена Попова (наша прабабушка, в девичестве Редченко) с шестнадцатилетним сыном Николаем (брат Александра) спрятались в подпол. Через некоторое время Коля говорит: «Мама, я пойду побачу в окно, что там делается». Поднялся из подполья, только выглянул в окно – в него выстрелили. Он упал, подполз к подполу. Мать говорит ему: «Коля, читай «Отче наш!». Он только произнес «Отче наш...» и умер.

А когда стала наступать на Чалкар Красная армия и выбивать Колчака, отряд красноармейцев зашел на заимку, где скрывались братья Александра с односельчанами. Увидели семерых молодых парней и, ничего не выясняя, зарубили их шашками.

И так Елена, наша прабабушка, лишилась сразу четверых сыновей: одного убили белые и троих – красные. Тётя Рая рассказала нам, что за месяц до этих трагических событий у Елены было видение, в котором высшие силы предупреждали ее о грядущей беде. Как-то возвращалась она ночью от роженицы. Было очень темно. Вдруг стало светлеть, небо начало открываться, и с неба сошла женщина в длинном платье (розовом или голубом, тетя Рая из рассказов точно не помнит). Елена упала на колени и сказала: «Господи!¹⁸ Помяни за упокой Якова, Леонтия, Семеона и Николая». А остальных помянула за здравие. Когда очнулась – вокруг опять темно, она стоит на коленях. Встала и говорит: «Что же я наделала!? Живых детей помянула за упокой!» И после она сильно мучилась

¹⁸ Так говорит тетя Рая, но, наверное, Елена обращалась к Царице Небесной.

и страдала. Наверное, в ней росло ожидание чего-то ужасного, и она готовилась к этому. А если бы случилось всё это внезапно, сердце её могло бы не вынести такого горя. Умерла она в 1934 году. Остальные её дети дожили до старости».

В свидетельствах тётки Раи всё же не всё ясно. Указанная ею дата вступления дедушки в Красную армию – 1921 год – порождает много вопросов. Тем более, что тётя связывает это время с тотальной мобилизацией Колчака. Гражданская война здесь к этому времени уже закончилась, а колчаковские части были отброшены, как уже говорилось, в 1919 году. Кокчетавский уезд находился под властью белых с июня 1918 до ноября 1919 года.

Но 1921-й – это как раз дедушкин год призыва, ему исполнился 21 год, и скорее всего он был призван на действительную службу в Красную армию. Но зачем тогда нужно было его братьям уходить на заимку, прятаться от колчаковского призыва? Армии Колчака уже не существовало.

Документальное восстановление событий, развернувшихся в Кокчетавском уезде после Гражданской войны в 1921 году, ставит под сомнение не содержание, но хронологию воспоминаний мамы и тётки Раи. Речь идет о грандиозном восстании крестьян и казаков, охватившем обширные области Западной Сибири, включая Акмолинскую область и Кокчетавский уезд. Скорее всего трагические события в истории наших семей произошли не в Гражданскую войну, а во время мятежа 1921 года. Об этом будет идти речь в следующей главе.

Итак, в боях августа-ноября 1919 года Сибирское казачье войско было фактически сломлено и уничтожено. 2 декабря 1919 года Сибревком приказом № 1 ликвидировал Сибирское казачье войско, отменил все казачьи чины и сословия и, по сути, упразднил казачество. На некоторое время за бывшими казаками оставили юртовые земли. Но самосознание невозможно отменить декретом или приказом. Станичники не забывали, кем они являлись.

Глава 6

ВОССТАНИЕ

Я узнала о мятеже казачьих станиц в Кокчетавском уезде, произошедшем в 1921 году, лишь в период создания этой книги. Удивительно! Мои близкие родственники являлись непосредственными участниками событий, а я, уроженка тех мест, ничего не слышала об этом. Вокруг восстания царил заговор молчания. Молчали дед Яков, участвующий в этих событиях, его жена, братья. Правда, со слов моего двоюродного брата, Сергея Кулешова, баба Даша однажды сказала несколько слов дедушке, что ты, мол, тогда ходил под Лобаново. Тот промолчал.

Скучно и неохотно освещались эти события в советской историографии. Их представляли как незначительные, хотя антикоммунистическими мятежами была охвачена вся Западная Сибирь, включая земли Северного Казахстана и Южного Урала. Мятеж казаков в Кокчетавском уезде был частью обширного, сопоставимого по масштабам с Гражданской войной восстания, которое теперь справедливо называют Западно-Сибирским.

Переданное мамой свидетельство об убийстве красными в Гражданскую деда Трифона и его сына Романа Коровиных, о чём написано в предыдущей главе, на самом деле, как мне кажется, относится к более позднему времени – периоду восстания 1921 года. Косвенным доказательством является тот факт, что мама, не зная года, с уверенностью сообщает, что это случилось в марте. Как раз в середине марта был взят мятежный Аиртав, после чего начались зачистки. Кроме того, мама сообщает, что после убийства деда Трифона и дяди Романа, Яша с Дашей перешли жить к его вдове Елене, которая

осталась с маленькими детьми. И там у них родился и выжил первый ребенок – наша мама, она родилась в 1922 году, как раз спустя год после восстания.

Так и тётя Рая сообщает о том, что три брата деда Саши погибли в Гражданскую на Чалкарской заимке в 1921 году от рук красных. Они укрывались там, не желая идти к Колчаку, потому что их брат Александр ушёл в Красную армию, о чем было написано выше. И тогда же убили четвертого брата Николая в самом Чалкаре, по словам тётки Раи, убили колчаковцы. Первоначально я думала, что тётя ошиблась с годом. Но теперь, я думаю, она ошиблась с Колчаком. В 1921 году Колчака, Дутова и их армий, как известно, уже не существовало, но именно в 1921 году шли жестокие бои мятежных казаков с частями Красной армии. И Чалкар был одним из центров упорнейшего сопротивления красным. В 1921 году деда Саша ещё, видимо, служил в Красной армии, возможно, даже в пределах Кокчетавского уезда. И трое его братьев решили уйти на заимку из мятежной Чалкарской станицы, готовящейся дать бой частям Красной армии. Но тогда получается, что все четверо сыновей Елены и Алексея Поповых были убиты красными – трое на заимке и один при штурме станицы. Или, может быть, Николая сразила шальная пуля во время перестрелки.

Видимо, в сознании тех, кто не был участником событий, а передавал их по рассказам близких и очевидцев, Гражданская война и восстание 1921 года слились в одно событие. Я не могу самовольно изменять хронологию воспоминаний мамы и тётки Раи, связанных с Гражданской войной. Но все-таки мне кажется, подчеркну это ещё раз, что убийство красноармейцами деда Трифона и сына его Романа Коровиных связано с зачистками в марте 1921 года, проводимыми в казачьих станицах после восстания. Точно так же и гибель четырех братьев деда Саши Попова могла произойти скорее всего в кровавой, жестокой сече 1921 года в Чалкаре и его окрестностях.

Напомню, что в Гражданскую войну в Кокчетавском уезде не было затяжных боев. А в 1921 году в эпицентре мятежных

событий в Кокчетавском уезде оказались как раз казачьи станции: Щучье, Арык-Балык, Лобаново, Чалкар, Аиртав, Сандыктав и другие.

Причиной восстания повсеместно послужили так называемые продразвёрстки. Большевики с 1918 года начали политику «военного коммунизма». Основным методом этой политики была продовольственная разверстка: насильственное изъятие избытков сельхозпродуктов для нужд армии и пролетарского населения городов, запрет на торговлю хлебом. Цифры продразвёрстки спускались фантастические, не связанные с особенностью региона, урожайностью и прочими условиями. Чтобы выполнить план, большевики изымали у крестьян не только лишнее, но и необходимое для пропитания и посева: зерно, продукты, скот. Брали заложников в селах, которые не могли дать нужного им объема продуктов. Для выполнения плана по «шерстяной» разверстке заставляли крестьян осенью, в холод стричь овец. Поголовье овец от холодов гибло.

Мама вспоминает: люди, чтобы спастись от грабительской продразверстки и голода, рыли ямы в земле и прятали пшеницу. Власти делали повальные обыски. Острыми железными прутами солдаты прощупывали землю, стога сена и находили зерно в мешках. Обыскивали везде: на улицах, во дворе, в амбарах под полом, в комнатах. И забирали продукты. Во многих районах Казахстана начался голод. При этом на сыпных пунктах гнил отобранный у крестьян хлеб, так как его не могли вывезти в города.

Продразверстка в уезде порой превращалась в бандитский грабёж, о чем свидетельствует, например, выписка из протокола заседания Кокчетавского уездного комитета РКП/б от 21 января 1921 года, где говорится, что «отдельные личности» устраивают реквизиции одежды, обуви у крестьян (№ 2)¹⁹.

¹⁹ Номер в круглых скобках указывает на порядковый номер документа в «Приложении», помещенном в конце книги.

Дикие, жестокие методы экономической политики не могли не вызвать открытого возмущения и сопротивления крестьянства и казачества.

В ряде областей Западной Сибири вспыхнули мятежи против коммунистов. Они проходили под лозунгами: «Долой коммунистов, да здравствует советская власть!», «Долой коммунистов и хлебные разверстки!» «Да здравствует свободный труд в свободном государстве!», «Власть должна принадлежать всему народу, а не какой-нибудь группе или партии!».

Таким образом, восстание носило не просто экономический, но и политический антикоммунистический характер. Большевики пытались представить его как кулацкий мятеж, а всех его участников называли «бандитами». «Бандиты» образовывали целые армии, фронты. Восстание имело высокую степень организованности, это признавали и сами большевики. Если одна-две станицы выставляли повстанческий отряд численностью в 2–3 тысячи человек, то это говорит о массовых протестах всего населения, а не о «бандитских шайках». По сводкам самих красных военачальников в Кокчетавском восстании принимало участие всё казачество, более половины крестьянства и часть казахов (№ 20).

Я опишу коротко основные события восстания. Подробнее о нём можно узнать, ознакомившись с материалами «Приложения» в конце книги, где приводятся интереснейшие документы, связанные с историей повстанческого движения в Кокчетавском уезде в 1921 году.

Не позднее 18 февраля власти получают первые сведения о начале восстания казаков в станицах Кривоозёрной, Чалкарской, Имантавской Кокчетавского уезда. 19 февраля в оперативной сводке штаба Кокчетавской уездной тройки сообщается о том, что вспыхнуло восстание в Аитраве (Иртаве). В Чалкар был послан отряд красноармейцев, там, якобы вырезали несколько семей коммунистов. Отряд, встретив жесткий отпор, в панике бежал оттуда, бросив два пулемета.

ПЕТРОЛАВЛОВСКИЙ

КОКЧЕТАВСКИЙ

АКТИУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

КОКШЕТАВСКИЙ

АКШУБСКИЙ

В Чалкаре был образован Чалкарский военный совет, председателем которого стал Чепрасов²⁰. Такой же совет создан в станице Сандыктавской. Можно предположить, что подобные органы возникали и в других мятежных станицах, так как позже это предписывалось всем территориям приказом Главного военного совета повстанческой армии Кокчетавского уезда.

Таким образом, повстанцы действовали довольно слаженно, у них существовал общий центр и руководство на местах.

В Ишимском уезде был создан Сибирский повстанческий фронт во главе с бывшим учителем В. Родиным. 20 февраля 1921 года В. Родин объявляет о создании в станице Ново-Николаевской Главного штаба объединенного Сибирского казачьего войска. Начальником штаба утвержден Александр Кудрявцев, которого повстанцы называют бывшим полковником Генерального штаба. На самом деле до начала восстания он работал заведующим отделом Петропавловского уездного военкомата по учету конского состава, имел воинское звание рядового и к Генеральному штабу никакого отношения не имел.

А. Кудрявцев появится потом в Кокчетавском уезде.

Местные части Красной армии были не в силах справиться с восстанием в Кокчетавском уезде. Отдается приказ о переброске туда двух батальонов, одной батареи и 26 кавалерийского полка из Бийска.

Между тем восстание в уезде расширилось и охватило ряд казачьих станиц к западу и юго-западу от Кокчетавы.

21 февраля повстанцы заняли Кокчетав (№ 21).

В Кокчетаве мятежники создали Главный военный штаб, который начал руководить работой по нейтрализации коммунистов, обеспечению населения продовольствием, созда-

²⁰ Сохранился один документ Чалкарского совета: «Донесение председателя Чалкарского военного совета в главный военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда» от 19 февраля 1921 года, где сообщается о зверских пытках повстанцев, посланных в разведку и пойманных красноармейцами (№ 6).

нию на местах новой выборной власти в виде военных советов и исполкомов. Штаб приступил к созданию добровольческих формирований в уезде, организовал взаимодействие с петропавловскими мятежниками. Было арестовано около 600 красноармейцев и советских работников. Повстанцы заняли типографию, где начали печатать свои приказы и воззвания. Благодаря этому мы имеем ряд документов, созданных в Главном штабе повстанцев, а также воззвания Временного исполнительного комитета мятежников, которые печатались в Кокчетавской типографии.

Первое воззвание Временного исполнительного комитета Кокчетавского уезда к повстанцам содержало призыв не чинить самосуд над оставшимися коммунистами, «так как от последних зависит жизнь наилучших граждан г. Кокчетава и его уезда, увезенных в коммунию как заложников». И далее: «Уводившие с собой наших отцов и братьев-беспартийных бесстыдные коммунисты говорили: за каждого расстрелянного коммуниста будем расстреливать десять заложников. Будьте, братья-воины, терпеливы по отношению к оставшимся коммунистам. Каждого задержанного коммуниста немедленно отправляйте во временно избранный исполнительный комитет г. Кокчетава.

Да здравствует советская власть!» (№ 8).

24 февраля 1921 года начальник формирования при Главном военном штабе повстанцев Кокчетавского уезда Иван Карпов издает приказ № 1: «Начатое народное дело восстания против угнетателей жидов и их прихвостней коммунистов сделано наполовину. Все, как один, от мала до велика пошли на своих врагов, кто с чем мог. Волна движения охватила весь Кокчетавский уезд, а по имеющимся точным сведениям то же происходит во всех уездах Омской губернии и в других губерниях, смежных с ней. Дело нужно довести до конца возможно скорее, ибо приближается весна, а с ней и весенние полевые работы. А потому предлагается всем волостям, ста-

ницам, поселкам и аулам приступить к добровольному формированию отрядов...» (№ 11).

Движущей силой восстания было казачество. Об этом свидетельствует «Воззвание руководства повстанцев Кокчетавского уезда к красноармейцам, крестьянам и горожанам», где говорится, что казаки поднялись против узурпаторов – кровавых коммунистов за свободу и свободный труд. В этом воззвании, как и в ряде последующих, предлагалось создать широкую коалицию из рабочих, крестьян, казаков, киргизов в борьбе за советскую власть – подлинную власть народа (№ 16).

На мой взгляд, это была грамотная и единственно верная в тех условиях политическая позиция. Повстанцы выдвинули своего рода либерально-демократическую программу: неприкосновенность личности и частной собственности, свободу слова, печати, союзов, убеждений.

Вскоре в уезд прибывает 26-й кавалерийский полк и другие части Красной армии. Первый бой повстанцы дали у станции Новоявленской. Здесь сосредоточился отряд численностью до трёх тысяч человек. Повстанцы были разбиты.

Регулярные части Красной армии приближались к Кокчетаву. В этих условиях 2 марта 1921 года Главный военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда издает приказ о всеобщей мобилизации (№ 18). Хотя повстанцы храбро и дружно обороняли Кокчетав, они не смогли устоять против силы регулярных войск. К тому же у них не хватало оружия и боеприпасов.

5 марта части Красной армии с боем взяли Кокчетав. Сюда прибыл со штабом назначенный командующим Кокчетавской группой войск Е. Полюдов. Его первой задачей было не дать повстанцам соединиться с восставшими Петропавловского уезда.

7 марта после упорного боя занята станица Сандыктавская. 10 марта красные с боем заняли Щучинское и Котуркульское и после взятия Еленовки начали готовиться к наступлению на Чалкар, Лобаново и Антоновку. По данным разведки

красных в Лобаново к тому времени находилось два штаба повстанцев: перешедший туда Кокчетавский штаб во главе с Карповым и Петропавловский во главе с Кудрявцевым. Именно здесь, в Лобаново, среди повстанцев находился наш дедушка Яков Коровин.

11 марта 1921 года Е. Полюдов²¹ дает телеграмму в Омский губком РКП/б, в которой сообщает: «С рассветом будем наступать на главные гнёзда бандитов: станицы Лабановская, Чалкарская, Антоновский посёлок. Заметно умелое руководство бандитами. У них есть офицеры, правильно организованные части. Численность противника определяется в указанных гнёздах (сёлах – В. Л.) в пять или шесть тысяч» (№ 26).

12 марта в 4.30 утра 233-й полк пошел в наступление на станицу Лобаново. Здесь произошел жесточайший бой. В оперативно-разведывательной сводке штаба Кокчетавской группы советских войск он описывается так: «Бой проходил на улицах станицы. В домах казаков устроены были засады, откуда бандиты обстреливали наступающих. Положение становилось критическим. Банды с вилами, пиками, топорами бросались из-за углов домов в атаку, почему чуть ли не каждый дом приходилось брать приступом. Положение заставило поджечь несколько домов с целью выкурить пьяных, сидящих в домах и обороняющихся бандитов. В 12 часов деревня была очищена от банд, но в 14 часов отступивший противник перешёл в контратаку, которая нами была отбита с успехом. В 15.30 банды с подоспевшей к ним поддержкой повели новое наступление. После полуторачасового боя банды отброшены в сторону станицы Имантавской <...> Наши потери: 40 человек убиты и до 90 ранены. Потери противника: до 900 человек убитыми, количество раненых не поддается счёту» (№ 30).

Главный штаб повстанцев ушел в станицу Аиртавскую.

²¹ Е. Полюдов – бывший казак Павлодарской станицы, бывший хорунжий военного времени из народных учителей, в 1918 году перешел на сторону красных.

В тот же день 12 марта в 10 часов 26-й кавалерийский полк повел наступление на станицу Чалкарскую. Станица была укреплена окопами и обложена боронами. Здесь, по сообщениям красных, сосредоточилось до 3000 повстанцев. Полк провалился в станицу, начались жестокие уличные бои. Красные потеряли 70% командующего состава. В этом бою убили и командира чалкарских повстанцев Маслова. Встретив упорное сопротивление, красные отступили. Чалкар был взят только через два дня, 14 марта в 9 часов (№ 30). Следующей мятежной станицей, подлежащей покорению, был Аиртав. Баба Даша в том же невнятном разговоре с дедушкой обмолвилась, что войска на Аиртав шли со стороны Чалкара.

В оперативно-разведывательной сводке Кокчетавской группы войск от 16 марта 1921 года сообщалось: «15 марта 233-й полк после непродолжительного артиллерийского обстрела занял станицу Аиртавскую. Банды отступили на станицу Орловскую, что в 10 верстах западнее станицы Аиртавской» (№ 33). Это первое и единственное упоминание об использовании артиллерии для захвата мятежной станицы в уезде. Дело в том, что 14 марта 1921 года начальник штаба помглавкома по Сибири Ф. Афанасьев дает телеграмму Е. Полюдову с приказом перед наступлением «в полной мере» использовать огонь артиллерии для ликвидации «наиболее значительных повстанческих гнёзд», «дабы избежать излишних потерь» (№ 28).

Е. Полюдов в телеграмме председателю Сибревкома Смирнову сообщает, что Аиртав взят утром 15 марта и далее: «Главные силы бандитов в боях под Чалкарским, Лабановским и Аиртавским нами уже разгромлены (№ 32).

Документы свидетельствуют, что повстанцам катастрофически не хватало оружия. Доведенные до отчаяния люди с палками и топорами сражались против регулярных хорошо вооруженных частей и гибли при этом сотнями. Красные командиры действовали быстро, усмиряя по отдельности мятежные сёла.

Одна за другой красными берутся станицы Якши-Янгыз-ставская, Акан-Бурлукская, Нижне-Бурлукская. Участники восстания поодиночке и группами возвращаются домой. Последней в Кокчетавском уезде была взята станица Арык-Балыкская.

6 апреля 1921 года начальник стрелковой дивизии Егоров сообщает властям: «Кокчетавский район и бывшая моя южная группа: казачество в большинстве – две трети – революционно и вполне поняло своё заблуждение. С этой стороны ожидать вспышек, полагаю со слов видных политических деятелей, нельзя. С военной точки зрения казачество узнало силу красноармейского оружия» (№ 36). Кокчетавский уезд был усмирён.

В мае власти сообщают о ликвидации Штаба Сибирского фронта Народной армии. В боях погибли командующий Народным фронтом В. Родин и начальник штаба А. Кудрявцев (№ 37).

В других регионах Западной Сибири мятеж полыхал до осени 1921 года.

Конечно, нашим дедам было горько, что они не смогли отстоять свою свободу, достоинство, что потом ими так цинично стали помыкать власти, обратив их в бесправных и нищих колхозников. Потому, наверное, никогда не говорили они об этих событиях. Да и опасно было ворошить прошлое. В ходе этой по сути Гражданской войны коммунисты показали жестокость и беспощадность своего режима, нежелание вести диалог с гражданским обществом, абсолютную глухоту к нуждам народа, злобность, непримиримость, готовность к неограниченным кровавым жертвам ради своих идей и власти. Все эти установки большевиков в полной мере проявятся в период массовой коллективизации.

Глава 7

СТРАШНЫЕ ГОДЫ

После Гражданской войны и продразверстки в условиях новой экономической политики, на которую вынуждены были пойти большевики, наступил недолгий относительно благополучный для крестьян период, когда они могли, как и прежде, самостоятельно хозяйствовать на своих землях, производить и продавать излишки продукции.

В 1921 году Яков и Дарья ушли жить к своей тётке Елене, оставшейся вдовой после, как я думаю, 1921 года, и там у них 7 июля 1922 года родилась дочь Анна, наша мама. Девочку выносили и вырастили. Баба Даша говорила, что маленькую Аню очень любили, хорошо кормили и одевали.

Через четыре года Яков и Дарья вернулись в семью Василия Трифоновича Коровина, потому что тётка Лена загуляла, и молодым это не понравилось. Они всё время работали на пашне, а у тётки Лены – «шуры-муры». Но отношения у них с тёткой не испортились. Она им за работу дала амбар, кое-какую утварь. Всегда потом радушно принимала их у себя, хорошо угощала.

В 1926 году Якова с Дарьей отделили от родительского хозяйства.

Им дали скот, поставили дом-пятистенник. Мама помнит этот дом. Когда они въехали в него, он был ещё не достроен. Кухню, её называли изба, отделали, а горницу – нет. Печь дымила, дом не был покрыт, и Аня с Марусей (в 1927 году у Дарьи Кирилловны родилась вторая дочь Маруся) прятались от дождя под столом. Потом дом покрыли соломой: солону вя-

зали в снопы, смачивали их в глиняном растворе с водой и рядами укладывали на крышу. Получалось даже красиво.

Яков и Дарья стали настоящими хозяевами. Оба были работающие. У них имелись две лошади, две пары быков, корова и телка, овцы, куры, гуси. В эти годы коммунисты ещё не отняли земли у казаков и крестьян. Дарье и Якову выделили земельный участок. Они сеяли хлеб, а также лён и коноплю, из которых сами делали волокна и пряли их. Дарья пряла, ткала, шила на руках, всем готовила обновки к Рождеству, Пасхе и большим праздникам. Иногда приходилось работать ночами, а утром вставали рано.

Хоть и приходилось много и тяжело работать, тот, кто не боялся труда, всегда имел в доме достаток. Деда Яша часто говорил: «Если бы не революция и коллективизация – ой как бы мы жили лет через десять. Уж я бы обязательно был кулаком!»

Но в конце 1920-х годов на крестьян вновь обрушились такие беды, которые трудно было и представить.

Большевики объявили, что все крестьяне должны объединиться в колхозы – коллективные хозяйства, чтобы всё у них было общее: земля, скот, орудия труда. Так они хотели воплотить свою идею счастливого будущего: всё зло идет от частной собственности, её надо искоренить и заменить общественной собственностью. Фактически это было возвращением к политике продразверстки, только теперь ограбление крестьянства носило тотальный и необратимый характер. Их навсегда лишали имущества и прав.

Начался безумный и жестокий эксперимент в русской деревне. Кто не хотел вступать в колхозы, того загоняли силой. Массовая коллективизация началась в 1929 году.

Как утверждает мама, те, у кого ничего не было – лодыри и пьяницы – охотно пошли в колхозы. А крестьяне, которые имели крепкое хозяйство, много скота, землю, отдавать всё это в общее пользование не хотели. Их объявили кулаками, классовыми врагами и стали насильно загонять в колхозы.

В 1929 году маме исполнилось семь лет. Она запомнила эти страшные годы и сохранила обжигающие сердце воспоминания об ужасном времени. Это было бесчеловечное преступление большевиков против народа.

У тех, кто не хотел идти в колхоз, власти отбирали имущество: скот, птицу, зерно, дабы лишить средств к существованию и сломить сопротивление. Забирали всё, вплоть до горсти муки из сельницы. А ведь в каждом доме было много детей, которых обрекали на голод. Борцы за светлое будущее это видели и знали.

Стали забирать дома. В Аиртаве стояло много хороших двухэтажных и больших крестовых домов. Хозяев выселяли в холодные, вонючие избушки, построенные во дворе для скота. Потом дома увозили в районный центр – Володаровку и дальше – в Кокчетав. Мама утверждает, что все госучреждения в Володаровке построены из аиртавских домов.

Крестьяне были доведены до отчаяния. Они стали убегать, бросая дома, огороды, постройки. С собой брали только то, что могли увезти. Люди уезжали со своих родных мест в далекую Среднюю Азию, в Тайгу, на Урал. Многие умирали на чужбине, особенно мужчины. Мама помнит, как однажды утром отец пришёл от соседей, кумовьев Максимовых, и сказал: «Они все уехали, дом пустой, самовар на печи ещё тёплый». Это было бегство от безысходности.

Аиртав пустел. Все хорошие дома остались без хозяев. Мама вспоминает: как-то вечером они с отцом пошли к бабушке. Идти было жутко: вокруг темно, дома стоят чёрные, без света, ставни хлопают от ветра, ворота скрипят.

Некоторые «кулаки», над которыми нависла угроза, днем скрывались в лесах, а на ночь приходили к родственникам, надежным друзьям, отогревались у них и опять уходили в лес. Их там ловили, устраивали облавы, как на волков.

Когда власти расправились с «кулаками», дошла очередь и до середняков, каковыми и являлись Яша и Даша Коровины.

У них всё отобрали. Нечем было заняться, нечем кормить детей. К этому невозможно было привыкнуть.

Утром Дарья, как обычно, выходила с ведром во двор доить корову. Двор – пустой. Нет ни цыпленка. Она начинала голосить, плакать. А дети сидели на печи и ревели. Отец не находил себе места: метался по маленькой комнатушке одетый, в рукавицах, готовый ухаживать за скотом. Мать только заходила – отец стрелой выбегал во двор. Возвращался, заворачивал папиросу, курил закрутку за закруткой. Что творилось в это время в их душах?!

Все братья Яши разъехались: Андрияша уехал в Тайгу, Михаил – в Свердловск, Гавриил – в Кокчетав. Младший Ваня был холост, он перекинул мешок через плечо и ушел на заработки. Осталась только мать Якова с тремя дочерьми и сам Яков с Дарьей и детьми. В 1930 году у них родилась третья дочь Елена.

Семья Якова и Дарьи была загнана в угол: ни скота, ни зерна, ни продуктов. Надо было что-то делать. И вот Яков решил пойти в коммуну, которая называлась очень красноречиво: коммуна «Волна». Пошвыряла их эта «Волна» чуть не до смерти.

Коммуна располагалась в километрах 20–25 от Аиртава. Яков подал заявление. Дали ему две повозки, чтобы перевезти весь скарб. В одну повозку посадили детей – Анну, Марию и Елену, накрыли их подушками, в другую погрузили всю утварь. Мама вспоминает, что даже у неё, у ребенка, появилось ощущение краха, гибели, когда они ехали неизвестно куда на этих повозках – ограбленные, лишённые средств к существованию, одинокие и незащитные.

Мама не помнит точной даты переезда в «Волну», но с определенностью можно сказать, что он состоялся не ранее 1931 года, так как, по воспоминаниям мамы, в школу она пошла в Аиртаве в девять лет, то есть в 1931 году.

Воспоминания нашей мамы о коммуне «Волна» являются, на мой взгляд, ценным историческим свидетельством. Жизнь

в этой коммуне была страшнее Платоновских «Котлованов» и «Ювенильных морей». Быстро, неотвратимо и жестоко действительность расправилась с глупыми схемами большевиков, а жизнь коммунаров превратила в ад.

Когда Яков Коровин с семьёй прибыл в коммуну, жилья для них не нашлось. Их поселили в избушку к Пельымским, а у тех и вовсе ничего не было, сидели голодные и дети, и хозяйева. Коровины привезли с собой немного картошки. Делили по две картошки на человека. Картошка быстро закончилась (конечно, не без помощи соседей, которые её воровали). Яков пошёл в правление коммуны. Мама не знает, что там отец говорил, но им дали другую избушку. И попали они из огня да в полымя. В пятистеннике уже обосновалось три семьи, Коровины – четвертая. Все спали вповалку на полу. Негде было не то что поесть, даже посидеть. Мама помнит, что с ними в этом доме жила и молодая бездетная ещё семья казахов: Кокуш и Лизам.

В коммуне всё было общественное, включая дома и скот. Отобранный у крестьян скот отдавали коммунарам: половина скота здесь погибло, половину поели. Голодные, бесправные, загнанные по необходимости в коммуну люди, как они могли хозяйствовать?

Поначалу, пока оставались отобранные у «кулаков» продукты, коммунарам давали молоко, масло, творог, муку. Это и привлекало голодных людей в коммуну. Не всех желающих принимали, некоторым отказывали. «Лучше бы нам отказали! – говорила мама. – Мы бы не видели такого голода!»

Якову с Дарьей дали потом избушку без двора, холодную, обдуваемую со всех сторон ветрами. В избе стояли стол, кровать, табуретка и скамейка. По стенам – неподвижные пристенные лавки. Родители спали на скрипучей кровати, которую мама иронично назвала «золотой», а дети – зимой на печи, а летом на полу. Одежонка, в которой бегали, служила и постелью.

Жить становилось все голоднее. К весне (мама не указывает дату, но, видимо, это 1932 год) коммунарам почти ничего не стали распределять.

Утром и вечером давали понемногу обраты – сепарированного молока, в котором ни жиринки не было. Аня ходила за этим обратом на молоканку. Когда молоко сепарировали, в ушатах оставалось много пены. До раздачи эту пену можно было набрать в свои ведёрки. И дети, и взрослые ели пену руками. Дома обрат кипятили и заквашивали, потом делили на всех, взрослым побольше, детям поменьше.

Однажды Аня заснула на молоканке и проспала около своего ведра всю раздачу молока. Девочку никто не разбудил (не проснулась жалость в коммунарах), и она пошла с пустым ведром домой. Семья осталась без молока.

Отец заболел дизентерией, перестал ходить. Мать работала в коммуне за литр болтушки в день. Девочки Аня и Маруся собирали в лесу грибы, травы. Всё мыли, варили и ждали маму. Она прибегала на обед с поля, приносила заработанную еду. Болтушку давали с выработки: за один трудовень – один литр бурды, а если работал меньше, то давали и 0,75, и пол-литра. Болтушку мешали с травой и все понемногу ели. Этой болтушкой в то лето Дарья спасла от голодной смерти детей и мужа (а значит и нас, своих внуков и правнуков).

А вот подружка ее, Марья, не стала носить с поля детям еду. «Да что там, Дарья, носить, разве я их этим накормлю?», – говорила она. Ела её одна на поле. У неё все дети поумирали.

Один раз Аня и Маруся отравились грибами. Набрали поганок, сварили и наелись. На них напал безудержный смех. Они уже плачут, а удержаться от смеха не могут. Девочки тогда накрыли головы подушками, чтоб не слышать друг друга. Но только одна хихикнет – другая тут же смехом залетится, и они опять гогочут до изнеможения. Тут пришла соседка тётя Маруся и спрашивает у отца: «Яков, что это они смеются?» – «А язва их знает». Тетя Маруся посмотрела – а у них уже пе-

на изо рта идет. Она побежала в контору, выпросила на молоко-канке молока и отпоила девочек.

Мама помнит, как отравилась семья Ивановых, тоже, наверное, грибами. Идут по улице отец, мать и несколько детей, шатаются, держатся друг за друга, зады у них мокрые, а сами поют. Жуткая картина. Отец, мать и дочь остались живы, а остальные умерли.

Самый страшный год – 1933-й. К этому времени вымерла половина коммуны. Когда Коровины приехали в «Волну», на хуторе стояло 60 дворов и жить было негде, а после 1933 года остались пустые хибарки, в которых погибли от голода все члены семьи.

Это было жуткое время, мама так о нем вспоминает: «Идёт человек, шатается, опустится на землю или около забора и умрёт. Хоронить не было сил. Выроют небольшую ямку и кладут в неё по несколько человек, грязных, в рванье. Засыплют сверху землёй. А мы ходили за травами в поля возле поселка и заходили на кладбище. Земля оседала, и оголялись руки, ноги, волосы мертвецов. Мы были до того ко всему безразличны, что ничего не боялись. И в поле ходили вдвоём с сестрой, и в лес. Всё переели: и воронят, и сорочат, и кошек, собак. Дело дошло до людоедства. Одна женщина съела свою дочь. Видимо, помешалась от голода».

Овощей не было, потому что семенной картофель в голодную зиму съели, и садить было нечего. В один год мать посадила морковь, но дети не дали ей вырасти. Как только стала она величиной с ниточку – по три раза ходили на огород, ели её и быстро опустошили грядки.

Отцу становилась всё хуже. Работала одна мать – голодная, убитая горем. Младшая сестра, трёхлетняя Лена, перестала ходить, ползала на четвереньках. Мать пошла на базар и выменяла две шали, подшалок, шерстяные кофту и юбку на булочку хлеба, немного муки и крупы. Стала подкармливать отца и, как предполагает мама, младшую Леночку.

Все продукты стояли на полке. Детям не разрешали их брать. И они, терзаемые голодом, не брали ни крошки.

Отец и Леночка стали поправляться, а мать совсем ослабла. Она распухла от голода, плохо вставала и во сне все шамкала, как будто ела. Не могла уже ходить на работу. Пришла соседка тётя Маруся, посмотрела, что Дарья уже совсем погибает, и стала звать её на работу в поле. Как раз начали пшеницу собирать. Дарья говорит:

– Видишь, не могу я работать.

– Будешь со мной ходить на работу. Хоть как-нибудь – где посидишь, где поработаешь.

Соседка дотащила Дарью до поля. Посадила около снопов, намолотила вручную немного пшеницы и дала ей, чтобы она съела и говорит:

– Больше не ешь, нельзя тебе пока.

Дарья съела горсть пшеницы.

Вечером женщины принесли домой немного зерна – украли у «самого гуманного в мире рабоче-крестьянского государства».

Матери шили длинные узкие мешочки для зерна и привязывали их под юбкой, между ног. В этих мешочках они тайком приносили с поля несколько горстей пшеницы для своих голодных детей. Без преувеличения можно сказать, что матери рисковали жизнью. Ведь за горсть зерна «гуманное рабоче-крестьянское государство» могло отправить в лагерь или просто расстрелять, чтоб неповадно было «несознательным элементам грабить народ».

Мать приносила с поля зерно, Аня с Марусей на дранке мельчили его, делали крупу и варили суп с травами и грибами. Все немного ожили.

И так бабушка наша, Дарья Кирилловна второй раз спасла свою семью, а значит, и всех нас – внуков и правнуков. «Молитесь за неё», – просила нас наша мама. Помяни, Господи, рабу Божью Дарью в Царствие Твоем! Светлая ей память. Нельзя забывать эти муки и жертвы.

Коммуну «Волна» ликвидировали и переименовали в колхоз «Вторая пятилетка», а хутор стали называть «Красная горка». Если мама всё правильно указала, то «Вторая пятилетка» могла появиться не ранее 1933 года, так как второй пятилетний план – это 1933–1937 годы. Утвержден он был, как ни странно, в 1934 году на 17-м съезде ВКП/б. Поэтому годом ликвидации коммуны мог быть и 1934 год.

Когда отцу стало лучше, он пошёл на работу сторожем скота, стал получать паёк. Зерна на выпечку хлеба по-прежнему не хватало, поэтому его не пекли. Делали болтушку и затирку: затирали воду с мукой, подсушивали и варили.

Позже начали выдавать зерновой паёк из района – Володаровки. Это зерно лежало в мешке на знаменитой «золотой» кровати вместо подушки. Каждое зёрнышко было на счету.

Потом стали выпекать хлеб, но ели не досыта, по порциям: съешь свою порцию – и больше не жди. Появились семена, начали сажать огороды. Земли возле избытки было мало, поэтому сажали всего понемногу.

А потом родителям дали скот: стельную тёлку, две овцы. Вот это было счастьем! За ними ухаживали как за маленькими детьми. Каждый не доедал свою порцию хлеба и бежал кормить тёлочку и ягнят. Корова принесла телёнка, и появилось молоко.

Отец с матерью работали день и ночь. Дарья работала ночным сторожем, а днём ходила на ток очищать зерно для посева и на другие работы, куда назначат. Яков работал скотником. Летом трудился на сенокосилке и пас быков. Зимой подвозил сено скоту. Вместе с Кокушем управлял обозом в 12 саней. Они сами загружали на полях сено и разгружали на сеновале. Времени оставалось только, чтобы поужинать вечером. И так каждый день. Выходных у колхозников не было.

Хлеб стали есть вволю только в 1936 году. К этому же времени Коровины неимоверными усилиями накопили немного денег, перевезли недостроенный ещё дом из Аиртава и достроили его. Случилось это в 1936-м или 1937 году.

В 1936 году в семье Коровиных родился сын Николай.

Яков и Дарья, как и все колхозники, жили без паспортов. Им нельзя было без разрешения не то что куда-либо выехать, но даже отлучиться на несколько дней. Чтобы уехать, надо было подать заявление в правление колхоза о предоставлении справки. Там решали: отпустить или нет. Если отпускали, то выдавали справку, что гражданин такой-то является членом данного колхоза и он отпущен на такой-то срок. Эта система была ничем иным, как советским крепостным правом.

Ездили колхозники в город, чтобы купить одежду для своего семейства. Так как денег им не платили, они вынуждены были торговать маслом, яйцами, мясом, мукой, при этом сами не доедали.

Мама также ходила каждое воскресенье торговать на рынок в Володаровку.

Возможность продавать пшеницу и муку у колхозников появилась только в 1938 году – тогда случился необыкновенно хороший урожай зерновых. Зерна по трудодням колхозникам давали так много, что его некуда было ссыпать.

Жизнь стала потихоньку налаживаться, но в 1941 году началась Отечественная война, и опять – мытарства.

Глава 8

СТЕПНЯК

К сожалению, нет подробных свидетельств о жизни Поповых в Чалкаре после 1921 года. В официальной папиной автобиографии написано, что родился он в 1923 году в крестьянско-бедняцкой семье и что его родители в Чалкаре занимались земледелием.

В папиных записках есть весьма своеобразные воспоминания о своём детстве в Чалкаре. Они выглядят как перечень каких-то ощущений, образов и событий:

«Раннее детство. Чалкар.

Розовое. Дымка. Чайки у моря. Горы. Скот. Кладбище. Отцовские сказки. Дядя Поликарп. Конёк Васька. Отъезд от бабушки. Щемящее чувство. Разбил окно. Разлука с отцом. Его песни. Запах. Купание в ведре. Высокие горы. На покосе. Мёд. Обжётся. Большая семья. Переезд на хутор. Пас свиней. Белые камни на озере. Осень. Прогулки. Дедушкина охота на рябчиков. Колхоз. Вечернее. Лошадь убила Петра Зуева. Дружок Козлов. Сосны. Цветы. Травы. Морской пейзаж».

В этих словах чувствуется поэтическое восприятие природы, мира и того уголка, где папа провел раннее детство. Чалкар был расположен в очень красивом месте, на берегу большого озера, в окружении сопок и сосновых боров. И вот сопки превращаются в высокие горы, а озеро – в море.

В одной из записок папа писал: «В 5–7 лет у меня было необыкновенное воображение. Слова для меня имели не только смысл, звучание, но и совершенно четкую яркую форму, цвет, и я отождествлял их (видимо, с цветом и формой – В. Л) и наоборот. И я сознавал необычность этого».

Папе одиннадцать лет.
Степняк, 1934 год

В 1930 году Александр и Ульяна Поповы с детьми, Леонидом и Павлом, переезжают в город Степняк Кокчетавской области. Возможно, их переезд был связан с коллективизацией. Во всяком случае, наш дед Саша поступил очень прозорливо, превратившись из крестьянина в пролетария. Его семья избежала ужасов коллективизации.

В 1934 году дедушка Александр Алексеевич начал работать старателем на золотых приисках Степняка. Жизнь семьи Поповых теперь зависела от шахтерской удачи. Платили шахтерам золотыми бонами в соответствии с тем, сколько они добыли золота. Если находили золото, то вся семья жила в достатке. Родители покупали впрок всяких припасов: муку, крупу, орехи – мешками, мануфактуру (фабричную ткань) – рулонами. Если добыча золота уменьшалась, то продавали припасённое. Хитроумные шахтеры также припрятывали золото, когда попадали на хорошую золотоносную жилу. Баба Уля говорила, что самородки замазывали в стену на печке до тяжёлых дней, то есть до тех времен, когда добыча золота иссякала.

В Степняке у них хозяйства не было, баба Уля работала по дому. В 1931 году папа пошёл в школу. Тётя Рая вспоминает, что в школьные годы Леонид любил читать. Читал ночами, до 2–3-х часов, так что мать отбирала у него книги. Учился в школе неплохо, с желанием, родители гордились им и даже особенно не загружали его домашней работой.

Если детские годы нашей мамы Анны полны ужаса, голода и постоянной близости смерти, то те же годы, прожитые папой в Степняке, он вспоминает как самые счастливые. Вот его дневниковая запись от 2 августа 1949 года:

«В Степняке я провел свои лучшие годы детства и юности. Всегда с восторгом, замиранием сердца ожидаю я встречи с этим захолустным, по-восточному грязным, для чужих неуютным, но милым и близким моему сердцу городишком... Здесь я впервые с трепетом, с благоговейным почитанием робко переступил порог школы и начал постигать азы науки. Знакомство, а потом и благоговение перед Пушкиным и Лермонтовым, Гоголем и Тургеневым, Толстым и Чеховым, Горьким и Шолоховым неразрывно связаны с этим местом. Они научили меня любить и ненавидеть, восторгаться, плакать и радоваться, ценить и осуждать, бороться, но не бездействовать. Это здесь вместе с их героями я жил и постигал.

Я бродил по окрестным лесам и степям с томиками замечательных романистов – Ф. Купера, М. Рида, М. Твена, Д. Лондона. В скудных и бедных родных степях и лесах я представлял девственные и великие канадские леса, а себя воображал заправским индейцем, свирепым и диким, но смелым и честным. А когда шёл по полю, в моём воображении быстро вставали приволье и красота американских прерий. Я мысленно переносился вглубь пространства и времени, представлял богатство красок этого простора. Я видел скачущих на мустангах отважных ковбоев.

И уже в юношеском возрасте я, как ребенок, восторженный и беззаботный, резво переносился из одного места в другое, разыскивая хоть небольшое подобие пейзажей из романов.

Нередко мне хотелось поскакать на быстроногом скакуне, ощутить напор ветра; и часто, оседлав свою единственную кургузую, но ещё резвую клячу, напялив на себя что-нибудь подобное ковбойскому одеянию, я мчался по этим полям, до тех пор, пока моя кляча не обессиливала вконец. Я пускал её шагом. Мне хотелось ехать все дальше и дальше, за синюю

Четвёртый класс. Папа во втором ряду второй справа.
Степняк, 25 марта 1934 года

дымку. И вот я чувствую себя наверху счастья и блаженства, как будто я скакал вместе с отважными ковбоями». Да, не зря папа называл себя «мечтательной натурой».

Из этих строк видно, какое большое значение, начиная уже с детства, имела для отца книга, какое влияние она оказывала на него. Книги, чтение стали его самой большой страстью, его неизменными спутниками.

Они воспитывали его, расширяли горизонты его видения. Думаю, именно русская классика сформировала в папе стремление служить идеалам, не изменять правилам чести и достоинства.

Папа собрал большую библиотеку. Куда бы он ни приезжал, будь то столица или маленький посёлок, первым делом шёл в книжный магазин. Редкий день обходился у него без чтения. Он не только прочитывал книгу, но и старался её

проанализировать, составить впечатление о ней. В его архиве осталось пять общих тетрадей с аннотациями. Всю жизнь папа усиленно самообразовывал себя через книгу, чтение. Он стал поистине эрудитом.

У отца был необычный систематизирующий подход ко всему. Прошедшую действительность, свое окружение, людей, знания, опыт он укладывал в перечни, списки, статистические своды. Таких списков и перечней в его архиве осталось несколько десятков: список его путешествий, городов, где он был, список друзей, подруг, коллег, просто окружающих его людей, список героев, гениев, мучеников, перечень черт характера какого-либо человека и т. д. Есть короткая биография в виде погодного списка.

Школьный класс. Папа во втором ряду крайний справа.
Степняк

Есть у него и список любимых школьных учителей в Степняке. В этом списке – пятнадцать имён. И все, за редким исключением, с отчествами, фамилиями, с перечислением предметов, которые они вели, и в каких классах. Действительно, как он говорил, у него была отменная и, можно добавить, благодарная память.

Среди прочих у папы есть список, который можно шутливо назвать «донжуанским» (на самом деле он никогда не был Дон Жуаном – В. Л.) – это список подруг. Он начинается с 1934 года, и открывает его Н. Симбирякова. Из папиных автобиографических заметок можно узнать, что Симбирякова – это учительница, которую папа узнал в 1932 году²². Выходит, что он в 11 лет влюбился в школьную учительницу. Папа и в этом был романтик. Возможно, эта детская любовь к учительнице и определила его дальнейший путь.

В поздних дневниковых тетрадях я обнаружила еще один «донжуанских список», вернее, его «редакцию», составленную в 1980 году. Если в первом списке 19 имен, то во втором, «отредактированном» – 11, очевидно, оставлены те, к кому было более глубокое чувство. Во втором списке указано также, во сколько лет случились с папой эти влюбленности. И этот поздний список опять открывает Симбирякова. Там помечено, как я и предполагала, что папе было 11 лет.

Из его одноклассниц в «донжуанский» список вошли Надя Неклюдова (1938–1939), Леля Морина (1940–1941), Шура Соловая (1939–1941), но во второй редакции списка осталась только Шура Соловая.

В папиных дневниках есть несколько фраз, бросающих свет на его воспитание в детстве и отношения с родителями. Отец и мать его и пальцем не трогали. Хотя тётя Рая вспоминает, что мать держала детей очень строго, так что в детстве Рае даже казалось, что Ульяна – не её мать. У каких детей не

²² Н. Симбиряковой нет в списке любимых школьных учителей. Значит, возможно, она не была его школьной учительницей.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Народный комиссариат просвещения

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Копову Леониду
Александровичу РОДИВШЕМУСЯ _____ И 19 43

ГОДУ, В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В
СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ имени Сталина в Сталинск.
Ильинской области ОКОНЧИЛ

ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ
ПРИ отличии ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ <u>хорошо</u>	ПО ЯЗЫКУ <u>хорошо</u>
ПО ЛИТЕРАТУРЕ <u>хорошо</u>	ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ <u>хорошо</u>
ПО КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ <u>хороший</u>	ПО КОНСТИТУЦИИ СССР <u>хорошо</u>
ПО АЛФАВИТУ <u>хорошо</u>	ПО ИСТОРИИ СССР <u>хорошо</u>
ПО АЛГЕБРЕ <u>хорошо</u>	ПО ИСТОРИИ <u>хорошо</u>
ПО ГЕОМЕТРИИ <u>хороший</u>	ПО МАТЕМАТИКЕ <u>хорошо</u>
ПО ТРИГОНОМЕТРИИ <u>хорошо</u>	ПО ФИЗИКЕ <u>хорошо</u>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ <u>хорошо</u>	ПО ХИМИИ <u>хорошо</u>
ПО ИСТОРИИ <u>хорошо</u>	ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОБЩЕЙ ПОЛГО.
ТУРА <u>хорошо</u>
ПО РУССКОМУ ПИСЬМУ <u>хорошо</u>	
ПО КАЗАХСКОМУ ПИСЬМУ <u>хорошо</u>	

1943

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ Мартынов УЧИТЕЛЬ Васильев

возникало таких фантазий? Был случай, когда папа в тяжёлом 1932 году потерял продовольственные карточки на всю семью. И отец не сказал ему ни слова, даже защитил от матери, которая в отчаянии накинулась на сына.

И в зрелом возрасте, и на склоне лет, подводя итоги жизни, папа вновь и вновь писал о детстве и юности, проведенных в Степняке, как о самом счастливом времени. Вот запись 1963 года, сделанная в Степняке: «Утром шёл по знакомым, с детства дорогим и близким местам. Моросил дождичек. Испытывал трепетное волнение, восторг, тепло. Плохо это или хорошо, когда любишь, очень, очень, до боли любишь этот клочок земли с небольшими сосновыми и берёзовыми рощицами, низенькими землянками, грязными улочками? Тогда он, этот клочок земли, был целым огромным миром».

В 1941 году папа окончил школу в Степняке.

Летом 1941 года началась война.

Глава 9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Северный Казахстан во время войны был, что называется, глубоким тылом, но война не обошла ни один дом, и наши семьи тоже.

Как только началась война, Александра Алексеевича Попова, нашего дедушку, забрали на фронт.

Из первой папиной автобиографии мы узнали, что папа в 1941 году по добровольному заявлению был призван в армию. Ему исполнилось 18 лет. Папа был худ и мал ростом – меньше всех солдат в строю. Бабушка очень плакала за обоими – мужем и сыном. Зашивала им в фуфайки «святые письма» – наверное, молитвы. Может, эти «святые письма», может, бабушкины молитвы хранили их. Папа прошёл всю войну и даже не был ни разу ранен. И дедушка вернулся живой, хотя и побывал в плену, и в немецких, и в советских лагерях.

Военную биографию папы можно проследить по следующим источникам: короткая неофициальная автобиография, размещившаяся на одном листочке школьной тетради, несколько его официальных автобиографий, написанных в разные годы, военные документы папы – красноармейская книжка, военный билет, список его путешествий и песенник военных лет, в котором после каждой песни стоит дата и город, где она была записана.

После призыва отец был направлен для прохождения комиссии в авиационное училище. По списку его путешествий это были города Петропавловск и Семипалатинск. Я смутно помню папины рассказы об этих первых месяцах призыва. Папа, как любой юноша того времени, мечтал поступить в лётное училище и стать лётчиком. Он пишет, что комиссию

Папа накануне призыва.
Степняк, ноябрь 1941 года

прошёл успешно и был откомандирован в Степняк до особого призыва. Но в устных рассказах папа вспоминал: в военкомате он сказал, что является сыном кулака. Ему пришлось прибегнуть к этой хитрости, чтобы не попасть в другие войска. Видимо, всё-таки с комиссией в авиационные войска было не всё гладко. Возможно, поэтому его отправили обратно.

Вернувшись в Степняк, папа начал работать забойщиком на шахте им. III Интернационала треста «Каззолото». В январе 1942 года он снова подает добровольное заявление в армию. Папу направили в Ташкент, на 3-тьи Радиотелеграфные курсы. А из Ташкента в апреле 1942 года он едет на Западный фронт, где служит сначала радистом, а потом начальником радиостанции, командиром радиоотделения в 325-й стрелковой дивизии. В автобиографии папы под 1942 годом сделана такая запись: 1942 год – Степняк – Новосибирск – Ташкент – Москва – Смоленск – Калуга.

Видимо, где-то в районе Смоленска папа прошёл своё первое боевое крещение. Мне кажется, что военный эпизод, рассказанный тётёй Раей с папиных слов, относится именно к этому времени.

Однажды немцы бомбили с воздуха. Бомбы рвались рядом, одна за одной, был настоящий ад. Все попадали в ров. Шансов выжить почти не было. Неподалёку стоял танк. Папа видит: один солдат полез в танк. Но танкисты этого солдата почему-то

Красноармейская книжка
Леонида Попова

оттолкнули, а позвали папу: «Иди скорее сюда!» Папа подошёл, они его затащили в танк и вывезли из-под ужасной бомбежки в какую-то деревню. Потом он снова нашёл свою часть.

В январе 1943 года в составе дивизии отец был отправлен на Воронежский фронт, где участвовал в сражении на Курской дуге. Здесь папа получил свою первую боевую награду: за образцовое выполнение боевых заданий командования награждён медалью «За отвагу».

Из списка папиных путешествий: 1943 год – Калуга – Москва – Елец – Курск (Курская дуга) – Украина – Полтава.

Тётя Рая передает ещё один эпизод войны, который смутно помню и я.

Однажды папа не исполнил воинского долга. По-моему, это даже не он, а его подчиненный бросил под обстрелом катушку с проводом и убежал. Папе дали приказ к утру на-

Взвод радиоправления КАД 26-й гвардейской механизированной дивизии. Папа сидит в центре.
Германия, Бельгард, 7 ноября 1945 года

ладить связь – иначе расстрел. Ночью он отправился выполнять задание. Земля была усеяна мертвыми солдатами, через которых надо было переползать, слышалась отдаленная пальба, небо озарялось вспышками. Было страшно. Ему удалось выполнить приказ и наладить связь.

В сентябре 1943 года дивизия, переименованная в 90 сводную гвардейскую стрелковую, была отправлена на Первый Прибалтийский фронт. Папа служил во взводе управления командующего артиллерией дивизии, работал по руководству артиллерийским огнем. В боях за Прибалтику за образцовое выполнение боевых задач в августе 1944 года отец был награждён орденом Славы III степени. Тогда же, в 21 год, папа вступает в члены ВКП/б по льготному набору. Боевой маршрут отца за 1944 год: Витебская область – Полоцк – Западная Белоруссия – Латвия – Литва (Каунас). 1945 год: Литва

– Штеттин (Польша) – Германия (Померания) – Бельгард – Москва – Кокчетав – Чалкар.

После победы над Германией, в 1945 году, папе дали отпуск, но ещё не демобилизовали. Он приехал на побывку в Чалкар, где жила с детьми его мать Ульяна.

После того, как забрали старшего сына и мужа, единственного кормильца, Ульяна осталась без средств к существованию, одна с четырьмя детьми: Павлом, Виктором, Владимиром, Раей. Она перебралась из Степняка в Чалкар, поближе к своим родителям.

Это были тяжкие для них времена. Они жили так бедно, что дети зимой не ходили в школу и не бывали на улице, потому что нечего было надеть. За неуплату налогов налоговые агенты забрали у Поповых корову, тёлку и трёх куриц. Дети остались без молока. Бабушка сильно плакала. И тут возвращается с войны в отпуск её старший сын Леонид.

Тётя Рая помнит в подробностях эту встречу. Когда Леонид зашёл, она стояла на скамейке и ела чёрные драники. Бабушка пекла их из мороженой картошки, которую дети весной собирали на поле. А бабушка в это время забралась в печь и мазала её глиной. И вот заходит солдат. Бабушка выглянула из печки, увидела только сапоги и солдатскую шинель и решила, что это опять пришел налоговый агент – тот тоже был одет по-военному. Думает: «Что ему надо? Всё уже забрал». Вдруг слышит голос сына: «Мама!». Бабушка выбралась из печи, увидела Лёню и упала от нахлынувшего на неё счастья! Дети получили гостинцы. Жаль только, что тётя Рая не сказала, какие.

Из Чалкара папа вернулся опять в Германию, в Бельгард. В 1946 году 90-я дивизия была реорганизована в 26-ю гвардейскую механизированную дивизию. В ней папа прослужил до декабря 1946 года, то есть до демобилизации и увольнения в запас.

В скудных записях отца о войне есть несколько ключевых слов, одно из которых – «друзья». Действительно, за годы вой-

ны папа приобрёл много верных друзей (можно даже посчитать по его списку – восемь). С некоторыми из них он переписывался, встречался до конца жизни, например, со Львом Локтевым.

Вообще, папа был необыкновенно предан и глубок в дружбе, но и очень требователен.

Есть и романтическая страница в его военной жизни – это подруги. В папином «донжуанском списке» за период 1944–1946 годов названы четыре девушки. Одна из них – загадочная немка Лизи – Луиза, с которой папа познакомился в Германии в 1946 году. Ему было 22 года. Кажется, она была переводчицей. Имя «Луиза» оставлено и во втором списке 1980 года, куда вошли «избранные». Больше нам о ней ничего неизвестно.

В 1946 году папин отец, Попов Александр Алексеевич, находился в Карелии, куда его сослали после плена. Папа едет к нему сразу после демобилизации. Встречается с отцом в Виррандо-озере и возвращается Чалкар.

У нас сохранился, как я уже упоминала, папин песенник военных лет – потрёпанная записная книжка в чёрном переплёте. Корешок прошит оранжевыми нитками. Первая запись – песня «Челита» – сделана 28 мая 1944 года в Невеле. Написано так: «П.П.Ф²³. Невель».

По датам можно более точно проследить папин маршрут за 1944–1945 годы: 11 июля 1944 г. – Полоцк; 30 июля 1944 г. – Двинск (Даугавпилс); 10 августа 1944 г. – Турмонт (Латвия); 15 августа 1944 г. – Поневежис (Латвия); октябрь 1944 г. – Вайнодэ; январь 1945 г. – Приэкуле; 15 февраля 1945 г. – Можейкяй (Литва); 12 апреля 1945 г. – Каунас (Литва); 20 апреля, 1945 г. – Дембово Будда (Белоруссия); 5 мая 1945 г. – Штеттин (Польша), 2-й Белорусский фронт²⁴. Это последняя запись перед

²³ Первый Прибалтийский фронт.

²⁴ Штеттин – бывшее немецкое название польского города Щецин. Он был главным городом прусской провинции Померании на реке Одер.

Леонид Попов при всех наградах. Германия. Бельгард. 1 мая 1946 года

победой. В этот день папа записал песню «Когда я на почте служил ямщиком». Песня «Тройка» записана 20 мая 1945 года уже в Германии, в Мейерсберге²⁵.

Далее идут немецкие города: Юкермюнде (23 мая), Бельгард (1 июля), Духеров²⁶. Последняя запись песни в Германии сделана уже после победы, 28 июля 1945 года в городе Духеров. Это шутливая песня «Огонёк», написанная на мотив знаменитой песни времен Гражданской войны «На позицию де-вушка провожала бойца».

²⁵ В словарях название этого населенного пункта не обнаружила. Возможно, Меербург.

²⁶ От Советского Информбюро 29 апреля 1945 года сообщалось: «Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление, овладели городами и важными узлами дорог: Анклам, Фридланд, Нойбранденбург, Лихен и вступили на территорию провинции Макленбург, а также заняли населенные пункты Юкермюнде, Менкебузе, Духеров, Путцар, Шенбек, Кельпин, Бург-Штаргард, Грамелов, Ганденицт, Хаммельшпринг». Из этого сообщения можно заключить, что подразделение отца работало не на передовой линии фронта: Юкермюнде был взят 29 апреля, а папа появился там не ранее 23 мая.

*Не успел за туманами утонуть огонёк,
На пороге у девушки уж другой паренёк:
С золотыми погонами, с папирской в зубах
И с улыбкой нахальной на счастливых устах.
Не прошло и полгода, парень пишет письмо:
«Оторвало мне ноженьку и побило лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонёк,
Приезжай, заberi меня, мой любимый дружок».
И подруга далекая парню пишет ответ:
«Нет, с тобой всё покончено, и любви больше нет.
Ковыляй потихонечку, обо мне позабудь.
Заживёт твоя ноженька – проживешь как-нибудь».
Утром рано, на зореньке, где горел огонёк,
Из боёв возвращается молодой паренек.
И лицо – то же самое, и вся грудь в орденах,
Шёл походкою твердою на обеих ногах.
Тёмной ноченькой встретились на ступеньках они.
«Милый мой, – говорит она, – ты меня извини.
Написала по глупости, и по-прежнему я
Ещё крепче люблю тебя и навеки твоя».
Отвечает ей с гордостью молодой паренек:
«Нет, теперь всё покончено и потух огонёк.
Ты любовь настоящую променяла на ложь.
Ковыляй потихонечку, как-нибудь доживёшь».*

Вот такая солдатская лирика.

В 1946-м отец получает медаль «За победу над Германией».

Тётя Рая помнит день возвращения папы с войны зимой 1946 года. Они с братом Володей сидели у окна и смотрели через замёрзшие стекла на улицу. Вдруг видят: подъезжает к дому подвода, а в ней – военный. Володя как закричит: «Мама! Приехал то ли братка, то ли папа!» Заходит Леонид – он вернулся домой!

Только на фронте, ✓

Кто сказал, что надо бросить
Гости на войне,
После боя сердце просит
Музыки в войне.

Трихер: Нам не предашка,
А завтра выйдем к бою
Что же твой совет не слышно
Друг нам пологий, баян.

Кто сказал что сердце губит
Свой огонь в бою,

Войн всех сильнее любит
Милую свою.

Только на фронте проводим
Лучшие чувства все свои,
Только на фронте излучим
Силу и крепость любви.

Кто придумал, что грубейше
На войне сражаться,
Только здесь охранять уселом
Друзьбу до конца.

В битве за друга всю душу,
Силою полагая друзей,
Ни расколоть ни нарушить,
Дружбу военной неволь.

Три кав.: Улане у нас переднем
А завтра вернется к бою
Силою твоей собою
Дружбу нам походный брань

2. Моему кав

15 декабря 1945.

В этот раз Рая запомнила, что привёз брат: необыкновенно красивое душистое розовое мыло (наверное, немецкое) и зубную щётку. Про зубную щётку дети слыхом не слыхивали, не знали, зачем нужна эта штукавина.

Папа закончил войну в чине гвардии сержанта, было ему 23 года.

Дедушка наш, папин отец Александр Алексеевич Попов, воевал в пехоте. В 1942 году он попал в плен под Сталинградом. Дедушку вместе с другими пленными погнали в Германию и дальше во Францию.

Тётя Рая так передает свидетельства дедушки: «Нас где везли, где вели, почти не кормили. Все были голодные. Некоторые из пленных увидят помойку или какие-нибудь кости на обочинах и выбегают из строя. Их сразу расстреливали. А я думаю: «Нет, не буду выбегать, может, я ещё с семьей увижусь». Пока вели – все завшивели, вшей было так много, что их вытряхивали из рубах».

Я тоже смутно помню дедушкины рассказы о плене. Выпив, он нередко вспоминал, как их морили голодом, как расстреливали пленных за малейшую провинность, плакал.

По свидетельству тёти Раи, в плену деда Саша работал на шахте у хозяина. Но папа в своей ранней автобиографии сообщает, что его отец был в концентрационном лагере во Франции²⁷. Очевидно, все эти воспоминания о голоде, вшах, страхе, расстрелах были связаны именно с немецким лагерем. В 1944 году деда Саша был освобожден англо-американскими войсками и отправлен на Родину, по словам тёти Раи – в Ленинград. После возвращения дедушка написал письмо жене Ульяне. А та уже не надеялась на его возвращение и считала, что он погиб, ведь от мужа два года не было писем.

²⁷ Номера узника концентрационного лагеря, который обычно немцы наносили на руку, у дедушки не было. Об этом с уверенностью сказала тётя Рая.

Александр Алексеевич Попов.
1945 год

Тётя Рая помнит, как принесли это первое после двух мучительных лет ожидания и утраты надежды счастливое письмо от нашего дедушки. Они с братьями Виктором и Володей сидели на печке, а мать мазала земляной пол глиной. Приходит почтальон: «Тётя Уля, от дяди Саши вам письмо». Бабушка не поверила: «Да ну! Его уж давно, видно, в живых нет. Ну-ка, читай!». Бабушка была неграмотная, читать не умела. Почтальон прочитал ей письмо, бабушка расплакалась от счастья: муж жив! Пришли соседи. Потом Ульяна побежала к родителям со своей великой радостью.

Но встретиться с дедушкой им пришлось нескоро.

Советская власть относилась подозрительно ко всем, кто побывал в плену, считая, что они плохо исполнили воинский долг: не погибли, а попали в плен. Поэтому русских военнопленных, возвращающихся на родину из-за границы, отправляли не домой, а в лагеря, то есть ссылали в спецпоселения, давали сроки. Бывших пленных опять лишали свободы и принудительно заставляли работать на стройках, лесоповалах и других тяжелых работах – только теперь уже на родине.

Так Александр Алексеевич Попов после плена получил срок – пять лет. Так сообщает тётя Рая. Но если считать с 1944 по 1953 год включительно – получается десять лет. Деда Саша оказался в Карелии, в поселке Вирандо-озеро. Работал

там грузчиком при леспромхозе (грузил лес в вагоны), потом плотником.

Дедушка был условно осуждённый: он свободно жил в поселке, а раз в месяц ездил на поезде в город Беломорск отмечаться в комендатуре: что, мол, не сбежал.

В 1948 году Александр Алексеевич получил возможность пригласить семью на жительство в Карелию. Он выслал денег на дорогу, и Ульяна вместе с детьми стала собираться к мужу.

Провожал их Павел, второй сын бабушки. Виктор, третий сын, учился тогда в четвертом классе, Володя – во втором, а Рая – в первом. Ей исполнилось девять лет.

Денег, высланных бабушкой, оказалось маловато. Доехали всем семейством до Москвы. А дальше денег – только на два билета, а их – пятеро. Решили пока отправить к отцу Павла и Володю, а бабушке дали телеграмму, чтобы он прислал в Москву денег на билеты. Ночь бабушка с детьми провела на холодном вокзале, укутывая их рваной одеждой и тряпками – все имущество, которое везли они с собой. А на следующий день уже пришли деньги, и бабушка с детьми сели на поезд, шедший в Карелию.

Из еды у них были только чёрные сухари, которые бабушка засушила в дорогу. Эти сухари и грызли Рая и Витя, сидя на полке. А с ними ехала женщина, веселая, симпатичная – такой запомнила её тётя Рая. Она говорит: «Мамаша, что же вы детей таким хлебом кормите?» А бабушка отвечает: «Где ж я другой возьму?» – и заплакала. Тогда добрая попутчица дала детям белый батон и шоколадные конфеты. Дети раньше шоколадные конфеты и в глаза не видели, не то чтобы их попробовать. Рая и Витя стали маму угощать, она ни крошки не взяла: «Ешьте, ешьте сами», – говорит.

Добирались они до отца, как вспоминает тетя Рая, около 20-ти дней и прибыли туда после 7 ноября 1948 года. Доехали до станции Вирандо-озеро. Следующая, как им показалось, их остановка – полустанок «Ухтица». Поезд там стоит одну минуту. Наверное, у бабушки от волнения сердце выпрыги-

Александр и Ульяна Поповы с детьми Виктором, Владимиром и Раисой.
Вирандо-озеро, 3 марта 1950 года

вало из груди перед встречей с дедушкой. Ведь она не видела мужа семь лет.

Вышли из вагона, оглядываются: никого нет, никто их не встречает, вокруг глухомань – ни одной живой души. Ульяну сразу охватило отчаяние: «Господи! Куда мы приехали!?» – вскрикнула она. Поезд стал отходить, набирать ход, вагоны промелькнули – и нет его. Тётя Рая смотрит, а по другую сторону пустого железнодорожного полотна стоит мужчина, похожий на дядю Сережу Попова, брата Александра Алексевича. Ульяна говорит: «Дети, вот ваш отец». Родителей переполняли чувства. Они смотрели друг на друга и плакали, плакали. А дети рассматривали своего отца, ведь когда он уходил на войну, Рае исполнилось два года, а Володе – пять лет, и они совсем не помнили его облик.

Получилось так, что бабушка с детьми проехали свою станцию (видимо, как раз Вирандо-озеро). Дедушка пришел встречать, видит: нет их, он понял, что они поехали дальше и прыгнул на подножку поезда. Так, на подножке, добрался до следующей станции, которая располагалась в пяти километрах от Вирандо-озера, и спрыгнул с другой стороны железнодорожного полотна.

Дедушка повёл своих родных к себе. Раю нёс на руках: девятилетняя дочь была маленькой и лёгонькой, как пушинка. Александр Алексеевич жил в мужском общежитии. Там уже управлялся старший сын Павел, прибывший с Володиёв раньше. Они наварили картошки. К приезду жены и детей дедуш-

Владимир и Раиса Поповы с невесткой Ольгой Поповой.
Вирандо-озеро, 1952 год

ка купил сахар, макароны и булку белого хлеба. У тётки Раи эта булка до сих пор будто стоит перед глазами: красивая, с блестящей, словно лакированной верхней корочкой. В общем, был сказочный пир. Тётя Рая запомнила его на всю жизнь.

Через некоторое время Павел уехал домой, в Чалкар. Дедушке с бабушкой дали большую комнату в бараке, правда, на двух хозяев: в одном углу жила семья белоруссов Олещенко, а в другом – семья Поповых.

В этом же бараке была и школа, куда стали ходить Володя и Рая. Потом дедушке дали отдельную комнату в бараке. В 1950 году к ним снова приехал второй сын Павел с молодой женой Ольгой и годовалой дочерью Аней. Все ютились в одной небольшой комнатухе. Павел с дедушкой работал грузчиком в леспромхозе.

Бабушка всё просилась домой, очень скучала по родителям, Марии и Фёдору Зуевым, по Чалкару. Когда у дедушки закончился срок (или освободили после смерти Сталина), в 1953 году они вернулись в Чалкар. Ненадолго задержались в Карелии Павел с Ольгой: в этот год у них родилась вторая дочь Галина.

Так что война для Поповых завершилась только в 1953 году.

В годы войны судьба оказалась милостива к Якову Корвину, нашему дедушке по маминой линии. Его призвали в армию в 1941-ом. Попал он в войска железнодорожной охраны, сопровождал грузы. Служил на Урале, в районе Соликамска и Березняков. В военных действиях не участвовал. Писал родным письма. Даже имел возможность помогать им: высылал немного денег.

Воевали все четыре брата Якова, мамыны дядья: Андрей, Гавриил, Михаил, Иван. Вернулись все, кроме младшего Ивана. Он пропал без вести, даже не было похоронки. Его матери Евдокии отказали в пенсии и льготах, считая, что он попал в плен и не вернулся на родину. Дошли слухи, что Иван действительно был в плену, и больше о нём ничего не известно.

Гавриил тоже был в плену, в Финляндии. Батрачил на хуторе у хозяина. Пришло известие, что он пропал без вести, и его старший сын Николай, которому только-только исполнилось 18 лет, пошел добровольцем на войну, мстить за отца. Отец после плена вернулся, а Николай погиб в Прибалтике.

Наша мама во время войны училась и работала учительницей. Она, как и папа, стала первой в семье представительницей сельской интеллигенции.

У мамы с детства было очень сильное желание учиться. В девять лет она сама добровольно записалась в школу. Это было ещё в Аиртаве, до переезда в коммуну. Родители работали на пашне, а она отправилась в школу и попросила учительницу записать её в первый класс. В этот же день сказала об этом своей бабушке. Вечером, когда приехали родители, бабушка поговорила с ними, и они отпустили Аню в школу.

Мама признаётся, что у неё не было особых способностей, но было великое желание и старание в учебе. Уроки выполняла сразу, как приходила со школы домой. Вечером повторяла и утром перед школой «на свежую голову» снова всё вспоминала. Не мудрено, что она стала отличницей.

Во «Второй пятилетке», где мама закончила три класса, не было старших классов, и надо было доучиваться в Володаровке, в районном центре. Чтобы поступить в старшие классы, следовало выдержать экзамен. Из их села поехали поступать девять человек, а экзамен выдержали только трое, в том числе и мама, остальные вернулись на повторное обучение в третий класс.

Так в 14 лет мама начала учиться в Володаровке в старших классах. Все трое учеников, поступивших из «Второй пятилетки», жили на квартире у аиртавских. Родители платили за постой «долготьем» – дровами. Продукты привозили из «Пятилетки».

Перед войной, в 1940 году, в восемнадцать лет мама закончила семь классов и решила работать учительницей. Она поехала в Петропавловск на трёхмесячные курсы учителей

Аня Коровина.
Петропавловск, 1940 год

начальных классов. Закончив их, начала работать учительницей в селе Кирилловка Володарского района. И в это же время училась заочно в Петропавловском педучилище.

На праздники она стремилась попасть домой, во «Вторую Пятилетку». Часто приходилось ходить пешком, а это 20 километров. Один раз в зимнее время она шла по тропе домой. Вдруг видит: недалеко от тропы сидит матёрый волк, будто поджидая её. Маму охватил ужас. Она и назад побежать боится, и вперёд ходу нет. Тут со стороны «Пятилетки» на тропе показались люди, они шли с большими бидонами. Заметив волка, они стали громко стучать бидонами. Волк испугался и убежал.

Мама говорит о себе, что она была очень застенчивая и замкнутая, неуверенная в своих возможностях, поэтому первые годы работы в школе давались ей трудно. Ей казалось, что она плохая учительница, что она мало знает. Заочное образование не давало глубоких и обширных знаний, какие ей хотелось бы иметь.

Когда в 1941 году отца Якова Васильевича забрали на войну, она перевелась домой, во «Вторую пятилетку». Там прора-

ботала учительницей до конца войны. Было тяжело: и голодно, и холодно. Маме давали паёк: 8 килограммов какого-нибудь зерна в месяц, платили небольшую зарплату. В 1944 году мама окончила педучилище. Вторая сестра, Маруся, работала в колхозе. Начала работать и Лена, младшая сестра.

Хотя и было трудно, но не так, как в жуткие тридцатые годы. Весной ходили собирать колоски на полях, остатки зерна на токах, семена трав в поле. Всё это мололи или толкли в ступках и пекли лепёшки. Их называли почему-то труднопроизносимым словом «бездильбеки».

Носить было нечего. Мама ходила на работу в заштопанной юбке и дырявых валенках.

Отец мамы, Яков Коровин, вернулся с войны зимой 1945 года. Привёз в подарок солдатские бушлаты и гимнастерки. Мама потом долго носила эти гимнастерки на работу в школу.

После войны у Якова и Дарьи родилась дочь Нина, которая умерла в младенчестве.

В 1946-м, в 24 года, мама получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В дневнике отца я прочла запись от 12 июля 1969 года: «Вечером шёл из школы. Около парка музыка. Танцует молодёжь. Подошёл. Затем вошли в клуб. Я тоже. Смотрел, слушал, вспоминал молодость, которой у меня по существу не было».

Наверное, так бы могла сказать про себя и мама. Молодость у них отняла война. А послевоенные годы были до краёв заполнены работой, заботой о скудном хлебе насущном.

Глава 10

ДО ЖЕНИТЬБЫ

Через несколько месяцев после демобилизации и возвращения домой, в марте 1947 года, папа начал работать в колхозе в Чалкаре. Как он коротко пишет в автобиографии – колхозником. Через три месяца отец был командирован партийной организацией на строительство железной дороги Моинты-Чу. Это было нечто вроде ударной стройки. Там он полгода работал чернорабочим, получил знак «Отличный строитель» и свою первую почётную грамоту. Она у нас сохранилась. А всего в архиве отца мы обнаружили тридцать почётных грамот.

Но все-таки папу тянуло к другим занятиям. Как вспоминает тётя Рая, отец попросил свою мать Ульяну сходить в школу и спросить, не возьмут ли его учителем. Директором Чалкарской семилетней школы тогда работал Гнедой. Он согласился взять отца на работу учителем в третий класс. В 1974 году в интервью районной газете, рассказывая о том, как он первый раз вошел в класс в качестве учителя, папа признался: «Было страшновато. Тех моих третьеклассников не сравнишь с нынешними. Время послевоенное, в классе много переростков. А у меня – ни дня педагогического стажа. Тридцать пар глаз сверлили меня, как буравчики. Да, то был бой... Но язык общий нашли, поладили. Правда, не в первый день это случилось» («За коммунизм», 1974 год. 31 августа).

Потом отца перевели в старшие классы, где он преподавал конституцию и естествознание.

Ему стали давать паёк: соевую муку, сахар и другие продукты.

Первая почетная
грамота отца, которой
он был награжден
за строительство
железной дороги
Моинты-Чу

КАЗАК ССР ЖОҒАРҒЫ СОВЕТИ

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ КАЗАХСКОЙ ССР

ГРАМОТА

Толарық Аманжол жолаушы

Моинты-Чу темір жолының құрылысында Уақытты материалмен обдалмады арнадағамыз үшін Қазақ ССР Жоғарғы Советінің Президиумы 1947 жылғы 11 маусымдағы Уақытты обдалмады арнадағамыз үшін Қазақ ССР Жоғарғы Советінің оны, грамаматымен наградалды.

Қазақ ССР Жоғарғы Советі Президиумының Председатели
Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР Сыртқыныұлы
Қазақ ССР Жоғарғы Советі Президиумының секретарі
Секретарь Президиума Верховного Совета Казахской ССР М.В.Сыртқы

ГРАМОТА

Толарық Аманжол

За успешное выполнение задания Промышленности на строительство железно-дорожной линии Моинты-Чу Президиум Верховного Совета Казахской ССР Указом от 11 ноября 1947 года наградила Вас за стойкий трудной Верховного Совета Казахской ССР.

Так в ноябре 1947 года началась учительская деятельность отца, которая продолжалась всю его жизнь.

Анна Яковлевна Коровина, наша мама, как уже было сказано, тоже работала учительницей во «Второй пятилетке» с 1941 года. Оба села находились в Володарском районе Кокчетавской области. Учителей было немного, они встречались на районных собраниях, конференциях, чтениях, и все знали друг друга. Поэтому точную дату знакомства папы и мамы назвать трудно. Ясно, что это произошло после 1947 года. Но судьбы их соединились только через шесть лет.

В 1946 году мама разошлась со своим первым мужем, лётчиком, бывшим одноклассником, и вновь стала невестой.

В 1948 году папа поступил в Петропавловский учительский институт заочно. Тогда его заветной мечтой было получение высшего образования. Учительский институт, как я поняла, имел статус училища, и не выдавал диплома о высшем образовании, так как потом папе пришлось ещё учиться заочно в Свердловском пединституте.

Источником для дальнейшей семейной истории являются воспоминания родных и друзей, письма, папины дневники.

Некоторые черты послевоенной чалкарской жизни нам сообщил давний папин друг – Алексей Романович Коротченко, ставший и нам добрым другом и покровителем. Алексей Романович приехал работать в Чалкар в 1949 году после окончания Щучинского педучилища Кокчетавской области. Были знакомы они с отцом год, а дружба их продолжалась всю жизнь.

Алексей Романович вспоминает, с каким необыкновенным уважением тогда относились к учителю в деревне. Он ехал по деревне на телеге, молодой, ещё никому не знакомый, а ему деревенские кланялись, потому что знали: он – учитель. Если учитель в магазин заходил, то никто не отоваривался раньше учителя.

Школы отапливались печами, и учителя с учениками сами заготавливали летом дрова для школы на зиму.

Алексей Романович Коротченко.
1950 год

В послевоенные годы в деревне редко ездили на машинах, привычнее был гужевой транспорт – подводы, лошади. Учителя в район, в правление ездили на подводах. Чай пили из самоваров, а пластинки слушали на патефонах.

Алексей Романович вспоминает, что они с папой во время долгих вечерних прогулок много и с увлечением говорили о политике, философии, о жизни. Часто к ним присоединялся папин друг Георгий Коровин, который был старше их на 10 лет. Эти разговоры затягивались до полуночи. Нередко Алексей и Леонид отправлялись на заброшенную мельницу за селом и пели там песни просто потому, что очень хотелось петь. Потом стали учиться слушать классическую музыку. Как-то папа поставил Алексею Романовичу прелюдии Листа, записанные на патефонной пластинке. Тот слушал, слушал:

– Что-то я не понимаю, – говорит.

– Разве с первого раза поймешь? – отвечает папа. – Я концерт Чайковского раз пятьдесят слушал, пока стал понимать его.

Значит, уже в Чалкаре у папы появилась любовь к классической музыке, которая тоже будет сопровождать его всю жизнь. Я помню, что в Раздольном, Красном Яре папа часто по воскресеньям, работая над какими-нибудь бумагами, включал музыку Бетховена, Бородина, Шопена, Моцарта, подолгу слушал. Папа собрал огромную коллекцию пластинок с классической музыкой.

У нас сохранились дневники отца с 1948-го²⁸ по 1984 год, то есть до конца его жизни, которые он вёл подробнейшим образом.

Наверное, это неблагоприятная работа – вырывать цитаты из дневников, ворошить прошлое, судить, делать выводы, когда автора дневника уже не существует и он не может сам сказать что-то за себя, подтвердить или опровергнуть наши выводы. Вдвойне сложнее, если автор – отец. Оправданием может быть только моя любовь к отцу и желание следовать истине, которую он ценил превыше всего.

Папа часто называл дневник своим «утешением», единственным другом, которому он мог доверить свои чувства. Вот первое такое признание. Запись от 19 августа 1948 года: «Эта серая деревенская жизнь, из которой я не могу выбраться, снова заставила меня обратиться к дневнику, единственному моему утешению. Ибо только ему могу я доверить свои думы и помыслы, так как другой в этой трущобе не поймет меня».

Здесь вняты уже, обозначились настроения, которые будут сопровождать папу по жизни: одиночество, обособленность и стремление жить в городе, культурном центре. К тому времени папа побывал во многих больших городах, столицах, за границей. В сравнении с ними Чалкар, конечно, был глухоманью. Тяга к образованию, культуре влекли отца в город. Это его желание практически так и не осуществилось.

Несмотря на то, что у отца были друзья, а позже – семья, что, как директор, он всегда был окружен коллегами, папа ощущал какое-то метафизическое одиночество. В своих высоких устремлениях, жажде служения благу, папа почти не встречал единомышленников.

²⁸ Были и более ранние не дошедшие до нас записи. На дневниковой тетради 1948 года (это обычная школьная тетрадка) написано: № 5. И первая запись от 16 июня не содержит традиционного зачина, а идет как продолжение прежних записей: «Желая поскорее вернуться из Володаровки, я не стал дожидаться документов...»

Учащиеся 7-го класса Чалкарской семилетней школы в день приёма экзаменов по конституции. Папа сидит во втором ряду сверху третий слева. Чалкар, 9 июня 1949 года

Папин идеал – это человек с благородными помыслами, которого влекут высокие цели, мечта. В юности он дал себе клятву бороться с невежеством, бюрократизмом, несправедливостью, что подтверждает дневниковая запись от 22 июня 1949 года и разговор с его возлюбленной Татьяной Горохвадцкой, записанный в дневнике в том же году: «Я окольными путями, очень осторожно намекнул ей о решимости посвятить свою жизнь и деятельность борьбе с обывательщиной, бюрократизмом и другими пороками, ещё бытующими в нашей жизни, служению... (далее строчка осталась пустой, так как папа пока не мог внятно сформулировать, чему именно он будет служить, под рукой были только общие фразы – В. Л.), предупредив, что меня ждет тернистый путь. И если она боится трудностей этого пути, то нам скорее всего придётся расстаться».

Как романтика папу привлекали люди особенные, выделяющиеся, яркие, и он хотел видеть в своей подруге не «обыкновенную деревенскую девушку», а такую, которой бы не были чужды «благородные порывы».

С Татьяной они расстались, но совсем по другой причине.

К сожалению, придётся рассказать об этом подробно, ибо в конце 1970-х годов эти события отозвались в нашей жизни трагедией, приведшей к краху семьи, скандальному разводу, надломившему отца.

Итак, папа работал учителем в Чалкарской школе. Думаю, он был завидным женихом: молодой фронтовик, хорош собой, с правильными приятными чертами лица, невысок ростом, но по-юношески строен и худощав, умён, изъяснялся на красивом литературном языке. Он привлекал внимание девушек. А в Чалкарской школе работало около десяти молодых незамужних девчат. Все его сердечные дела и симпатии сразу же обсуждались в деревне, обрастали слухами и сплетнями.

Папе исполнилось 25 лет, и он уже задумывался о своей будущей судьбе, о женитьбе, мечтал о хорошей подруге. Вместе с ним в школе работала учительницей Татьяна Горохвадацкая, о которой я уже упоминала. Очень достойная, по утверждению знавших её, девушка: милая, приятная. На фотографии тех лет мы увидели крепкую девушку с деревенским простым лицом, умным взглядом и твердо сжатыми губами. В папиных дневниках рисуется образ умной прелестной девушки. «О таком друге я и мечтал», – пишет он о ней. У них завязалась романтическая дружба. Дневник за 1949 год полон описаний счастливых встреч с Татьяной. Они уже говорили о женитьбе. Таня стала папиной невестой. Наталья Ивановна Запорожец, работавшая в начале 1950-х годов в Чалкарской школе, говорила: когда они шли вместе по селу, было видно, что это – пара.

Все планы, надежды и мечты смешала Анна Никандровна Гнедая, в девичестве Коровина. Она была женой директора Чалкарской школы Гнедого, который взял папу на работу.

Коллектив учителей Чалкарской школы. Справа налево (сидят): Н. Ф. Николаев (будущий муж Т. Горихвадацкой), Т. П. Горихвадацкая, Гнедой, А. Н. Гнедая, далее - неизвестные. Стоят: Н. И. Запорожец, Л. А. Попов, далее - неизвестные. Чалкар, 7 декабря 1950 года

Гнедого отец называет ханжой, невеждой, хапугой. Гнедой был первоклассным негодяем. Он умудрился снять железную крышу со школы, продать железо, а деньги присвоить. Крышу школы покрыл дешёвым рубероидом. Всем было известно о его развратной жизни.

В 1949 году у папы с ним произошло серьёзное столкновение. Как коммунист папа дал Гнедому рекомендацию в партию, но нехотя. Тот являлся его начальником, и папа был ему обязан принятием на работу и поддержкой. В общем, как признался папа сам себе, смалодушничал. Членство в партии в то время, да и последующие времена – это пропуск к чинам и карьере. Друг и коллега отца – Георгий Коровин (между прочим, родной брат Анны Никандровны, жены Гнедого),

мнение которого папа уважал, сказал ему, что он совершил ошибку, дав рекомендацию такому недостойному человеку. Папа это и сам чувствовал: «Ведь моя рекомендация узаконила невежество, бюрократизм, формализм и др., с чем я поклялся бороться. Нет, больше никогда не будет сделки с совестью», – решил он и немедленно после разговора с Коровиным отослал письмо в райком партии с отзывом рекомендации.

Когда Гнедой узнал об отзыве рекомендации, он вызвал папу в школу и у них состоялось очень жёсткое объяснение. Гнедой объявил отца своим врагом, назвал подлецом, обвинил его в неблагодарности. Дескать, я взял вас на работу, перевёл в старшие классы, а вы заплатил за это «политической пощёчиной», как он выразился. На что отец ему ответил:

– Разве школа – ваше личное учреждение, и вы вольны принимать и увольнять учителей по личному усмотрению?

Гнедой не нашёл ответа на этот аргумент, замолчал, и папа вышел из этой схватки, как ему казалось, победителем.

Он очень эмоционально описывает свое состояние после разговора с Гнедым:

«Вышел я восторженным, упоенным счастьем сознания собственных сил, способностью на опасный, но благородный поступок, и ничуть не раскаивался в своем поступке. Только радость, гордость и ликование. Жребий брошен. Шаг сделан. И теперь будущее не страшит меня. Теперь борьба, самая настоящая. В борьбе за возвышенное настоящее не страшно и умирать. В первой схватке вёл достойно, ну а пасовать теперь невозможно».

Но жизнь оказалась сложнее, грубее, многомернее, она быстро свела к нулю все папины потуги на благородную борьбу: Гнедого всё равно приняли в партию, а папа...

...Папа влюбился в жену своего недруга Гнедого Анну Никандровну Гнедую, да так, что оставил свою невесту Татьяну. Правда, не исключено, что сложности во взаимоотношениях с Татьяной толкнули его в широко открытые объятия Анны Гнедой. Доподлинно мы это уже не узнаем.

Это была связь с замужней женщиной, которую папа не назвал бы благородной, но, несомненно, за этим стояла сильная страсть, которой он, наверное, не смог противостоять. Гнедую он честно включил в два своих «донжунских списка». А та, как ему передавали, и по прошествии тридцати лет говорила: «Любила Попова и буду любить». Хотя и позже она славилась связями определенного рода.

О всех превратностях их романа судить невозможно, так как папины дневники как раз за 1950–1952 годы отсутствуют. Думаю, что это не случайно, ведь у него сохранились самые пустые и ненужные бумажки.

Учителя и выпускники Аиртавской семилетней школы.
В третьем ряду сверху справа налево первой сидит Т.П. Горохвацацкая,
четвертым – папа. Май, 1952 года

Но в более ранних дневниковых записях он с уважением отзывался об Анне Гнедой, считая ее умной, прямой, твердой и правдивой. У них было даже нечто вроде «триумvirата», как писал папа: она, её брат Георгий Коровин и папа. Ей он честно сказал, что отозвал рекомендацию в партию Гнедого. Видимо, у папы с ней и до романа были особые отношения, потому что в позднем письме Татьяны к отцу мелькнуло словечко, касающееся Гнедой, – «Ваша названная сестра».

Наталья Ивановна Запорожец говорит о Гнедой как об умной, обаятельной «стерве». Она не отличалась красотой, но умела нравиться, была великолепным педагогом.

Влюбившись в отца и обладая твердым характером, не измученная нравственными запретами, она не стала особенно церемониться, тем более что её муж давно уже не обременял себя супружеской верностью.

Эта связь длилась два года и закончилась банально: обо всём узнал Гнедой (дело дошло до применения огнестрельного оружия или драки), в общем, громким скандалом. Папа избежал ранений. Восстановить прежние отношения с невестой не удалось.

Свидетелем всех этих драматических событий являлся еще один человек: Аня Коровина, наша мама, будущая папина супруга. Она была приятельницей Анны Никандровны Гнедой, приезжала к ней в гости в Чалкар. Удивительно, что обе они в девичестве были Ани Коровины (но не родственницы). Мама переживала все эти события гораздо острее, чем могло бы показаться со стороны, ведь уже тогда она тоже была влюблена в отца. Она признавалась и нам, и папе, что до женитьбы три года любила отца, то есть как раз с 1950 года. Возможно, что все её подавленные переживания столь сильно запечатлелись в душе, что 27 лет спустя стали навязчивым, болезненным бредом.

В архиве отца сохранились три письма, авторы которых просили своих адресатов о том, чтобы эти письма были уничтожены. Одно из них – письмо к отцу накануне его женитьбы

Александры Захаровны, учительницы Аиртавской школы, приятельницы отца и коллеги Тани Горохвадацкой, другое – копия ответного письма отца ей и третье – письмо самой Тани к отцу. Я долго раздумывала, приводить ли эти письма здесь, и все-таки решилась. Тогда, в 1949–1953 годах завязался узел судьбы, который папе пришлось развязывать двадцать пять лет спустя.

Итак, письмо Александры Захаровны. Она передаёт содержание своего разговора с Таней Горохвадацкой после того, как стало известно о помолвке папы с Аней Коровиной, нашей мамой, в ноябре 1953 года.

«Леонид!

Разговор состоялся сразу же после твоего отъезда. Для неё это было равносильно удару обухом по голове (известие о предстоящей женитьбе отца на Ане Коровиной – В. Л.). Из её лаконичных фраз я поняла одно: она тебя любит, могла бы всё простить; жизнь свою считает искалеченной, ничего хорошего не ждёт больше. Неужели, чёрт побери, ты настолько хорош!? Для неё обиднее всего... кого и кому ты предпочел? Её слова: «Мне обиднее всего то, что на моем пути встали и испортили мою жизнь какие-то бабы». Да, она страшно страдает и боится одного, что всё это может отразиться на её учебе.

Леонид! Я тебе не советчик, но подумай, взвесь все, пока есть время. Только ради бога, не подумай, что я пишу по ее просьбе. При всем ее тяжелом положении она остается гордой и не сделает ни одного шага в твою сторону, чтобы изменить создавшееся положение. Единственное ее желание – встретить тебя и напомнить о том, что ты ей говорил. Да еще: «Пусть бы все это пошло прахом – ни ей, ни мне!».

Леонид! Только пусть моё письмо останется нашим секретом. Ты нехорошо поступишь, если его содержание станет известно А. Я. (Анне Яковлевне – В. Л.) Я ведь не девочка. Лучшее, если письмо будет уничтожено сразу же. Леонид! Еще раз советую: подумай, подумай и подумай!

Вот коротко и всё! Если считаешь нужным, то напиши мне, но не Татьяне, так как это её может добить и вообще обострить отношения с Николаем (друг Татьяны – В. Л.), хотя он для неё не то, что ты, «Дон-Жуан». Не обижайся только!

С уважением А.

11.11.53 г.»

Татьяна была готова всё простить, забыть, бросить Николая и остаться с отцом. Но, во-первых, папа тогда уже объявил о помолвке с Аней Коровиной, то есть сделал ей предложение, и во-вторых, Николай Фёдорович, жених Тани – друг отца, он работал учителем физкультуры в Аиртавской школе, где потом работала и Татьяна. Это мне стало известно из записи в дневнике: «Я между несколькими огнями. Ведь Николай Фёдорович мне друг и подложить ему свинью – сверх моих сил. Это поистине трагично. Наверное, и в романах так редко бывает».

После раздумий папа пишет ответ Александре Захаровне.

«20 ноября 1953 г.

Здравствуйте, Александра Захаровна!

Очень благодарен и признателен Вам за письмо и участие, которое Вы принимаете во мне. За сохранность тайны Вашего письма ко мне можете не беспокоиться.

Александра Зах., Ваше письмо заставило меня много страдать и мучиться, но сейчас всё улеглось, я всё обдумал и пришёл к выводу, что изменить ничего нельзя, это неотвратимо. Я сознательно иду на этот шаг и несу ответственность за него. Если это будет ошибкой, и я буду несчастен, то поделом, это будет мне справедливым возмездием за всё, что я совершил мальчишеского, безрассудного. Пусть уж я буду подлецом, если можно так назвать меня, один раз, чем бесконечное множество раз. Да и в настоящее время Татьяне я ничем не обязан. Она же обязана Николаю, и поворот с её стороны будет чёрной не-

благодарностью, с моей же – дважды. Если бы она ничем не была обязана Н., тогда ещё куда ни шло, а сейчас – никогда, никогда.

Скажите, что я хотел бы встретиться с ней, чтобы сказать ей последнее прости. И ещё скажите, что я отношусь к ней с большим уважением. Она испытание выдержала с честью. Правда, не совсем до конца, но в этом не она виновата, и я её ни в чем не упекаю, да и не имею права. Желая ей счастья, правда, это звучит несколько иронично, но искренне заявляю о желании ей счастья, самого лучезарного, она этого заслужила. Я думаю, что Николай лучше меня, и сможет создать ей его. Хотелось бы многое сказать, но это бесполезно.

Лучше, если Вы не будете читать это письмо Т. А впрочем, смотрите сами. Только бы это не повредило ей. По получении и прочтении лучше немедленно его сожгите. Ещё раз спасибо за участие.

С уважением Л.»

Александра Захаровна дала Татьяне прочесть этот ответ отца, и та пишет папе в Лавровку последнее письмо перед самой его женитьбой. Она тоже многое обдумала, проанализировала и поменяла некоторые свои оценки.

«с. Аиртав

Здравствуйте, уважаемый Леонид Александрович!

Не удивляйтесь, пожалуйста, этому неожиданному письму и простите меня за то, что я так смело пишу Вам.

Доверяясь всегда Вам как коммунисту, как человеку, с которым я всегда делилась своими мнениями, я решила написать ещё одно письмо перед Вашей женитьбой. Несколько раз после Вашего отъезда из нашей школы (с самого начала года) я пыталась написать Вам, но всякий раз меня что-то удерживало. Мне всегда казалось, что Вы осудите меня за это. А Ваше мнение для меня было и остается самым дорогим.

Не думайте, что я хотела Вам что-нибудь навязать, мне только хотелось с Вами от всей души поделиться кое-чем и по-

советоваться, как и всегда. Теперь же я пишу Вам, хотя и знаю, что не совсем уместно. Мне хотелось поговорить с Вами сразу после разговора с Александрой Захаровной, но, к сожалению, я не имела такой возможности, и поэтому решила написать.

Вы назвали себя подлецом и просили простить Вас за всё. Зачем всё это? Разве я Вас обвиняю? Как Вы поступили со мной – Вам виднее, судить не берусь. Во всяком случае, вы поступили так, как лучше для Вас, и не стоит беспокоиться обо мне. Говорите, что всегда будете уважать меня – спасибо. Я ни в чём Вас не обвиняю, бог Вас простит (как Вы иногда говорите). Себя же виноватой тоже не считаю. Правда, я ничего не сделала для нашей дружбы, была груба, невнимательна. Только и всего, что любила Вас чистой любовью. Вам же за многое, многое останусь от души благодарна до конца своих дней.

Я очень многому училась у Вас за время дружбы. Вы сами отдавали мне всё хорошее, а за время нашей совместной работы в Аиртаве я и сама хотела перенимать у Вас всё хорошее. Мне хотелось тянуться и расти, как растёте Вы. Вы первый внушили мне, что я могу учиться в институте. Вы первый привили мне вкус к художественной литературе. У Вас я научилась ненавидеть застой, признавать свои ошибки, много работать, полезно распределять своё время и даже разбираться в людях. Недаром я и обращалась к Вам с каждой мелочью.

После Вашего ухода в другую школу мне тяжело было проходить мимо Вашего кабинета²⁹, в котором я уже не могла получить того, что получала у Вас. Я считаю счастьем, что несколько лет имела возможность работать вместе с Вами. Многое я узнала от Вас, хотя и остаюсь ещё невеждой. Ценно и дорого было то, что Вы хорошо понимали меня, и у Вас я постоянно находила необходимую поддержку, а говорить Вам я могла всё, что угодно.

²⁹ Татьяна и папа после Чалкара вместе работали в Аиртавской школе, куда папу перевели директором. См. ниже.

Вы во многом для меня были и остаётесь идеалом. Вот поэтому я и говорила Вам, и думала всегда, что Ваш выбор будет каким-то особенным. На месте Вашей жены я представляла достойную Вам девушку, растущую, энергичную, жизнерадостную, способную идти в жизни с Вами вместе, не отставая. Простите за такое смелое высказывание, но мне кажется, что этот брак не удовлетворит Вас. Я сужу по тому, как Вы говорили об этом при нашей последней встрече в конце прошлой зимы.

От души желаю Вам только хорошего, проклятий Вам не шлю.

Мне мучительно больно за то, что я со своей глупой головой была одурочена Вашей уважаемой ещё Анной Никандровной. Обижаюсь на неё не за то, что она встала на моем пути (при настоящих чувствах у Вас она не смогла бы нам помешать), а за то, что она лицемерила, за то, что моей чистой невинной душой прикрывала свою подленькую низкую душонку. Она всеми силами, через сплетни и внушения Вам старалась развести нас и навязать себя. А я же, профан, слепо продолжала дружить с ней, «распечатываться» перед этой низкой бабой. Но я спокойна за то, что о Вас я не могла ей сказать ничего плохого, кроме того, что поделиться стремлением быть с Вами.

Я никому не верила до тех пор, пока мне не раскрыли глаза люди, которые остаются для меня самыми авторитетными, такими же они остаются и в Ваших глазах. Теперь мне очень хочется, чтобы она догнала в этом гнедовском болоте и задохнулась в этой грязи. Надеюсь, что желание исполнится. Как можно простить человеку, который так подло рисовался в моих глазах лучшим другом, а в душе носил такие подлости. Вы же были неправы в том, что, видя её истинное отношение ко мне, не могли понять её и оставались холодным наблюдателем моих мрачных переживаний. Вашим с ней отношениям не помешало бы, если бы Вы сказали правду.

Вот какова Ваша названная сестра. Сколько в ней грязи! Она с Гнедым самая достойная пара во всех отношениях.

Леонид Александрович
Попов, директор Аиртавской
семилетней школы.
Аиртав, май 1952 года

Вот поэтому и больно, что за чистые чувства я встретила всё это низкое и тяжёлое.

Поэтому я и искала причины, которые бы развели нас. Срок женитьбы (7 ноября) не мог оказаться преградой. Мне было непонятно то, что столько хорошего, столько планов о будущем было так внезапно разрушено.

Часто в моей памяти всплывают и Ваша первая записка, которую вы мне передали под ёлкой в Новогодний вечер, и все нежные вечера и прогулки в роще в тёплые, тихие вечера, и Ваша теплота, и постоянная дружеская забота, и всё, всё.

Я проанализировала все свои плохие поступки по отношению к Вам. Безусловно, всё это явилось добрым уроком.

Буду утешать себя тем, что неудачников в жизни много.

Теперь единственная к Вам просьба, Леонид Александрович, сохраните содержание моего письма (в тайне – В. Л.), пусть об этом никто не знает, даже Ваша будущая жена. Прочтите и уничтожьте эту бумажку. Я не хочу, чтоб кто-то улыбался над тем, что здесь написано. Надеюсь, что вы исполните мою единственную теперь просьбу. Полагаюсь на Вас, как на

лучшего товарища, которому доверяла свои тайны. Кажется, что других я здесь не задела. Если я в чем-нибудь ошибаюсь, то не бойтесь написать мне и исправить, надеюсь, что спекулировать этим не буду, и ни в чём Вас не подведу. Только Вы не подводите меня.

До свидания

06.12.53 г.

С приветом, Татьяна».

Сестра Наташа рассказала мне, как однажды, ещё совсем маленькой, она со своей двоюродной сестрой Галей Поповой гуляла по Аиртаву. К ним подошли две незнакомых женщины. Одна сказала другой, указывая на Наташу: «Это Лёнина дочка». И та порывисто обняла, поцеловала Наташу и расплакалась. Это была Таня Горохвадацкая.

Надо сказать, что к последнему письму Тани папа остался почти равнодушен. Судя по дневниковым записям, в этот период его уже не волновали отношения с бывшей невестой, и никаких особенных мучений, как писал Александре Захаровне, он не испытывал. Отец увлечён своей новой невестой, весь в предвкушении женитьбы.

А вспомнит он о Татьяне в Красном Яре 14 ноября 1977 года, в самый чёрный день своей жизни, когда в райкоме партии по заявлению мамы разбиралась их личная жизнь, и ему предложили написать заявление об уходе с поста директора школы. Всё рухнуло. «Господи! Чем я заслужил такой участи, такой судьбы к старости? Наверное, возмездие за Татьяну». Папа невольно употребил то же самое слово «возмездие», что и в 1953 году, как будто оно действительно настигло его.

Удивительно, что о получении письма Александры Захаровны он записывает в тот же день, что и о своем сватовстве, а о письме Тани в день переезда невесты Ани в Лавровку, то есть фактической своей женитьбы на Ане Коровиной. Вот они, знаки и звонки рока.

Сначала книги,
а девушки потом

Что-то не давало мне покоя в судьбе Татьяны. Уже работая над этой книгой, я позвонила тётё Рае в Псковскую область и спросила её, знала ли она Таню Горохвадацкую? Не родственница ли она ей по мужу? Её ответ меня поразил:

– Конечно, знала, – сказала тетя Рая. – Она мне не родственница. Но была моей учительницей в Аиртаве, в восьмом классе, вела русский и литературу. Хорошая была учительница, мне всегда четверки ставила. Ещё надо мной подсмеивались: по блату, наверное, четверки тебе ставит. Замужем была за Николаем Фёдоровичем, учителем физкультуры, у них сын был и дочка. Сын отслужил в армии, вернулся, попал в аварию и погиб. Она после смерти сына повесилась.

Меня охватило волнение.

– Тётя Рая, вы не можете ошибиться? Это точно?

– Нет, нет. Это точно.

Почему у меня возникло чувство нежности к этой женщине, жизнь которой сложилась так трагично? Потому что она очень сильно любила отца?

Наталья Запорожец после
возвращения из ссылки.
Раменское, 1954 год

В Чалкаре у папы завязалась ещё одна удивительная дружба с Натальей Ивановной Запорожец, дочерью известного советского деятеля, сосланной из Москвы в Казахстан, в Чалкар. Там она отбывала ссылку с 1949 по 1953 годы. Здесь же у неё родился сын Олег. Ещё больше папа подружился тогда с её мужем, художником Михаилом Ройтером, который каждый год приезжал к ней в Чалкар из Москвы. Михаил, как мне сказала Наталья Ивановна, тайно попросил папу покровительствовать жене и защищать её в ссылке. Папа делал это так усердно, что Наталья Иванова поначалу думала: уж не приставлен ли к ней Леонид Александрович для слежки? Историк по образованию, она тоже стала работать в школе. Конечно, Наталья Ивановна папе была очень интересна: выпускница Московского университета, аспирантка, умница, красавица, «столичная штучка», как бы сейчас сказали. Он часто ходил к ней в гости, они много беседовали, спорили. Их дружба продолжалась долгие годы до папиной смерти и была передана, так сказать, по наследству нам.

В 1950 году папа заканчивает учительский институт. В 1951, в 28 лет его назначают директором Аиртавской школы. В автобиографии под 1951 годом папа делает короткую запись: «самоотверженная работа». Думаю, что это так и было.

В Аиртаве мама стала чаще встречать папу. Она приезжала туда частенько в гости к бабушке, Евдокии Филипповне Коровиной. Они с папой виделись в клубе, на вечерах. Наверное, маму томили любовные переживания. Но в папином «донжуанском списке» за 1951–1953 годы значится некая Валентина Валендер. О ней нам ничего не известно. Она, правда, написала папе очень много писем. Могут только сказать, что во вторую редакцию «донжуанского списка» она не попала, видимо, не оставила глубокого следа.

Когда закончился срок ссылки папиного отца, Александра, и он с семьей вернулся в Чалкар, папа стал звать их в Аиртав, где он тогда работал. Родители купили дом в Аиртаве, и они стали жить все вместе: Леонид, Виктор, Володя, Рая. А потом в Аиртав вернулся из Карелии и брат отца, Павел с семьей.

В 1953 году папу переводят в село Лавровкум (см. карту на стр. 8) Володарского района Кокчетавской области директором школы, которую надлежало превратить в среднюю. В тот же год он поступает на исторический факультет Свердловского педагогического института на заочное обучение.

Глава 11

ЛАВРОВКА

В 1953 году, когда папа начинает работать в Лавровке, завершается кровавая и жестокая сталинская эпоха. Сталин, уничтожая целые сословия, террором и страхом подчинил единоличной власти страну, утвердил культ личности. В обстановке политического диктата, духовной убогости культу оказались подвержены даже такие трезвомыслящие и умные люди, как папа.

В дневниках отца сохранились интересные свидетельства об атмосфере тех дней.

В Лавровке 4 марта 1953 года накануне смерти Сталина он записывает в дневнике: «В 12 часов дня после уроков учителям сообщили о тяжёлом состоянии самого дорогого для меня и для всех человека, товарища Сталина. Это сообщение было передано по радио. Как это тяжело, и нет более великого счастья и радости, как выздоровление Иосифа Виссарионовича. Желаем всем сердцем тебе, дорогой Иосиф Виссарионович, скорейшего выздоровления».

Остаётся впечатление, что подобные слова, которые говорили тогда все в стране, произносятся как будто под гипнозом. Дальше папа серьезно пишет совершенно невероятные вещи: «Как-то даже не верится в болезнь его, так как он бес смертен и неуязвим, потому что его охраняет весь народ, так же, как он охраняет весь народ, всех людей земли».

Папа говорит как будто чужим языком, словами, заимствованными из передовиц. Славословия, превосходные эпитеты в адрес Сталина не сходили со страниц газет, журналов, звучали на радио, вбивались в головы людей с утра до вечера.

И подвержены этой пропаганде в большей степени были как раз люди, связанные с печатным словом, идеологией. А папа всегда был убежденным коммунистом, пропагандистом.

6 марта 1953 года он записывает в дневнике: «Утро предвещало величайшую скорбь, так как с самого раннего утра в продолжение нескольких часов по радио транслировалась скорбная, печальная музыка, которая вызывала ощущение неуёмной печали. Занятия начались нормально. Но с первого урока меня вызвали в учительскую для прослушивания сообщения по радио, которое принесло весть о кончине самого дорогого и любимого человека товарища Сталина. Это сообщение отозвалось какой-то глубокой ужасной болью. Что может быть тяжелее этой утраты для каждого человека отдельно и для всех трудящихся мира? Ведь Сталин – это наша надежда, счастье. Это наш Прометей, Геракл, это наш бог и ангел-хранитель. Плачьте, люди Земли! Скорбите! Мы потеряли самое священное и дорогое. В эти тягчайшие дни хочется одного: отдать каплю за каплей свою кровь за великое дело товарища Сталина, за дело, которому товарищ Сталин служил беззаветно, настойчиво всю свою великую, достойную самого глубокого почитания жизнь.

Вечером провели торжественно-траурное собрание. Клуб был набит до отказа. На лицах всех самая глубокая, неумемная скорбь. В выступлениях всех – клятва великому вождю».

Таких патетических слов я никогда в жизни от отца не слышала, и не поверила бы, что он способен их говорить в адрес Сталина, если бы сама не прочитала это в его дневнике. Возможно, дело в том, что папу обошли ужасы, связанные с коллективизацией, репрессиями, террором, всё то, что могло бы открыть ему глаза на истинную суть сталинизма и его диктатуры.

Пиетет к Сталину у отца остался на всю жизнь. «Он – государственный муж», – говорил отец про него. Наши споры по поводу Сталина, мои доводы относительно миллионов жертв сталинского режима не могли поколебать его точку зрения.

«Он выиграл войну», – утверждал папа, считая это истинным и достаточным для оправдания Сталина.

Мама в отличие от отца никогда не высказывала симпатии ни к коммунистической партии, ни к Сталину. У неё не имелось на то ни малейшего основания.

Кроме всех ужасов, связанных с коллективизацией, мама помнила также показательные суды, которые власти устраивали в «Пятилетке» после войны. В «Пятилетку» приехали уполномоченные, в конторе собралось много народа, там проходил суд. Судили, как она вспоминает, десять человек. Это были показательные, устрашающие суды, которые не имели никакого отношения ни к законности, ни восстановлению справедливости. Об этом свидетельствуют совершенно вздорные обвинения, за которые людям давали чудовищные сроки. Одному подсудимому дали десять лет за то, что он на плуге, который тащили колхозные быки, проехал через лужу – порча колхозного имущества. Другому тоже дали десять лет за кражу горстки зерна. Из всех осужденных односельчан, отправленных в лагеря, выжил и вернулся только один, да и то едва живой.

Так что, надо полагать, не все переживали смерть Сталина как горе.

Назначение в Лавровку³⁰ для папы, по его признанию, было нежелательным. Серенькое, как он пишет, «малокультурное» село, где не было родных и близких, не было друзей, дома. Он вынужден был скитаться по квартирам сначала один, потом уже с семьей в течение семи лет, до самого отъезда в Раздольное.

Но папа, несмотря ни на что, с головой погружается в работу. С сентября 1953 года он начинает вести дневник дирек-

³⁰ Лавровка была основана в 1900 году. Школа там появилась в 1909 году. Возможно, что Лавровка получила свое название в честь генерал-майора Н.И. Лаврова, командующего Сибирскими пограничными линиями в начале 20-го века.

Аня Коровина до
замужества

тора школы, в котором подробно отмечает все школьные события, анализирует их, делает выводы, ставит задачи. Проводит каждодневную кропотливейшую работу с коллективом, отдельно с каждым учителем, с учениками, записывает свои ошибки. Это станет папиным стилем на протяжении многих лет. Дневник директора он вёл до 1970 года. Этот дневник у нас сохранился.

На каждый праздник отец стремится приехать в Аиртав, где много друзей, родственников и где жили теперь его родители, братья, сестра Рая.

На ноябрьские праздники 1953 года, проездом из Лавровки в Аиртав, папа остановился ночевать во «Второй пятилетке» у Коровиных и, как он пишет, «воспользовавшись случаем присутствия там, засватал Анну Яковлевну Коровину замуж за себя. Договорились свадьбу сделать на Новый год. Танцевал дома (в Аиртаве – В.Л.). Хорошо погулял там». До этого упоминаний об Ане Коровиной в дневниках не встречалось. Но мама тогда работала, как написано в её трудовой книжке, заведующей школой во «Второй пятилетке». Поэтому у них появились общие дела как у директоров школ, и они могли

Анна и Леонид Поповы.
Предположительно первая
после женитьбы совместная
фотография

видеться чаще в районе, куда им обоим, конечно, приходилось нередко ездить по делам.

Их сближение стало внезапным, молниеносным и неожиданным. Папа тонко оценил внешние достоинства мамы: «У неё стройный стан и красивая осанка, замечательные русые, пышные косы, приятный нежный цвет лица и мягкие его очертания, лёгкий красивый изгиб линий и особенно губ в движении, обворожительная улыбка. Много природной женственности во внешности, и в движениях, жестах, чего недостает многим женщинам, даже красивым. Она естественна, красива в кокетстве, которого тоже не лишена, но в меру. У неё лёгкая, как у птицы, походка. Ещё свежа. А как пышет она здоровьем. В меру полная. Вся она – воплощение пропорции, гармонии. Именно такой я представлял в своем воображении тип русской женщины».

Дни перед женитьбой и первые месяцы после, думаю, были самыми счастливыми и безоблачными в жизни папы и мамы.

Спустя две недели после сватовства полный добрых надежд и предвкушений папа пишет: «Три вечера провел со своей уже любимой Аней. Очень часто теперь думаю о ней. Уже уверен, что брак с ней удачный. Я не находил её до этого такой милой и симпатичной, какой сейчас нахожу. С ней быть приятно, не скучно. С нетерпением ожидаю бракосочетания. Она призналась, что любит меня уже давно, а я-то, профан, и не замечал этого. В добрый жизненный путь, друг мой, и только плечом к плечу» И далее: «Время, проведенное с ней, самое приятное за последние годы. У них (Коровиных – В. Л.) себя я чувствую просто, свободно, как дома».

14 декабря 1953 года папа с отцом Александром Алексеевичем приехал за невестой во «Вторую пятилетку». Мамино приданое погрузили на две подводы и отправились в Лавровку. Из дневника: «Тихо. Хлопьями падает снег, и мы, как в сказке, едем по лесу уже взаимно любимые. Приятно, ух, как приятно!.. Итак, я муж, семейный человек. И это в тридцать лет».

Вечером устроили вечеринку с учителями-коллегами, танцы под боян.

И уже в следующей записи от 26 декабря, касающейся совместной жизни, появляются какие-то нотки, нет, пока не разочарования, но будничности, покровительственности: «Итак, семейная жизнь началась и идёт пока приятно. Заняться её самообразованием и руководить чтением. Приближается день свадьбы».

Чёрт возьми, живём ведь и работаем, а всё кажется обычным, изо дня в день повторяющимся, и записать, кажется, нечего. Или на самом деле нет ничего достойного быть отмеченным в дневнике, яркого, запечатлевающегося».

В Лавровке папе с мамой предстояло пройти через мучительный период во взаимоотношениях, преодолеть ревность, недоверие, обиды, горечь разочарований, прежде чем они смогли притереться друг к другу. Им вдвоём очень трудно, потому что у каждого значительный и весьма отличный

Наташе 7 месяцев.
1955 год

жизненный опыт. Им уже за тридцать – у них сложившиеся характеры. И они, действительно, очень разные. Папа нацелен на высокие идеалы, рост, самообразование, приобщение к знаниям, преодоление трудностей. Папа помнит о своей клятве: бороться с проявлениями тёмных сторон жизни. Мама более приземленная и практичная, её главной ценностью станут дети, жизнь в скромном хотя бы, но достатке.

К тому же у папы ещё учеба в институте, строительство школы, сложности в учительском коллективе, которым он руководит. «Боже мой! Когда всё переделаешь, чтобы не захлестывало!» – восклицает он.

Через полгода после свадьбы папа записывает: «И опять размолвка с женой. Здесь и так неприятностей хоть отбавляй в общественной деятельности, и к этому, изволь радоваться, ещё и эти. А все-таки холостому спокойнее, да и брак этот у меня, наверное, малоудачный». Но любовь не ушла. В беседе со своим другом Никифором Дрозденко он признается: «Ах, как они сложны, противоречивы, необычны, взаимоотношения с женой. Я и сам не могу их определить и очень смутно

сознаю. Но всё-таки, несмотря ни на что, я люблю её. Как она женственна, чего не хватает многим женщинам, может быть только для меня».

Папе не хочется уезжать на сессию в Свердловск, расставаться с мамой. В Свердловске он думает о ней, ждёт писем, нервничает, испытывает незнакомые прежде адские муки любви, ревности (долго нет писем от мамы), его терзают сомнения и подозрения, но все проходит с получением писем от мамы и приездом домой. «Домой приехал в восемь часов утра. Встреча. Баня. Завтрак и отдых. С Нюрой не наговоримся, не налюбуюемся. Как я соскучился по ней, как она хороша для меня, как я люблю её».

Сразу после приезда отца из Свердловска 4 августа 1954 года папа с мамой регистрируют брак.

Мама накануне родов, очень переживает и боится – у неё поздние первые роды. Папе мучительно даже недолгое расставание с мамой: «Она единственная женщина, разлуку с которой я так тяжело переживаю, к которой так длительны и устойчивы чувства (а прошло всего-то несколько месяцев со дня их совместной жизни – В. Л.)».

Поздним вечером 26 августа у мамы начинаются роды. Акушерка принимает их дома, так как больница в Лавровке закрыта на ремонт. Роды были мучительными, продолжались всю ночь. В 8 часов утра благополучно родилась дочь. «Хотелось бы сына, но что «бог дал», – записывает папа. В школе отца горячо поздравил коллектив, его «качали» – подбрасывали вверх.

Но после рождения дочери их отношения серьёзно омрачаются подозрениями папы. Сразу же 27 августа в дневнике появляется запись: «Однако вместе с чувством радости отцовства меня терзают сомнения: моя ли дочь? Поэтому, не умея лицемерить, я не мог показать удовлетворения». Вот итог недоверия, мучительной ревности.

Мама, конечно, заметила внезапное охлаждение к ней и равнодушие к новорожденной дочери и пыталась узнать у

папы – отчего? Он отмалчивался. Наконец 31 августа папа признался маме, что его терзают сомнения о дочери. Для мамы это был удар. Она два дня беспрерывно плакала. Папа искренне раскаялся, что сказал ей это, когда она ещё не оправилась от родов. Обильные мамины слезы и отчаяние, наверное, оправдали её в его глазах. После долгих уговоров и объяснений папа успокоил её, убедил и убедился сам, что Наташа – его дочь.

Отныне в его дневниках не мелькало ни тени сомнений по поводу дочери. Наоборот, он беспокоится об её здоровье, когда она болеет, терпеливо переносит ночные крики, Папа замечает, что дочь хорошеет, и проникается всё большей любовью к ней. И это его самого радует. Он боялся, что не сможет преодолеть своего отчуждения: «Дочь растёт и хорошеет, я её все больше и больше люблю». Он любит тем, как она купается: «Вечером в комнату занесли таз купать Наташку. Она сама залезет в таз, поплескается, напьется из него, а потом сама же и вылезет на пол, поползает и опять в таз, и так несколько раз. Сама встанет на ножки: скользко на мокром полу, который она сама вымочила. Поэтому она нетвёрдо потопчется на месте и опять в таз. Забавно. Я долго наблюдал эту картину».

Но отношения с женой дали трещину, появился холодок, который потом уже не будет преодолен. Из дневников исчезают восторженные признания в любви, описание достоинств жены. Папа порой отстраненно наблюдает за супругой с прежними подозрениями: почему носит открытые платья, много пудрится, наряжается, оживленно разговаривает с тем или другим?

Мама чувствует эти изменения, утрату внимания к ней. Начинаются жалобы на папину невнимательность. Мама высказывает напрямую папе недовольство браком. Папу это раздражает. «Где она могла привыкнуть к этому (постоянному вниманию – В. Л.)? Не о таком друге, помощнике и спутнике я мечтал. А чем она помогла мне в моей общественной деятельности? Притом не спросит себя: чем же заслужила я

всех знаков внимания и почитания. А это надо заслужить всем: и прошлым, и настоящим, чтобы это следовало непринужденно, естественно, а не по требованию и желанию. И этим нудным вымогательством желанного ею внимания и почитания она отравляет мне жизнь, мешает работать и вызывает неприязнь».

Думаю, что мама руководствовалась простыми вещами: любовь безусловна, она существует без всяких оговорок: что ты сделала для меня. Что папа ожидал от неё? Она была его женой, матерью его ребенка, рачительной трудолюбивой хозяйкой, наконец, коллегой. В начале 1950-х годов женщинам не давали отпуска по уходу за детьми: несколько недель больничный, а дальше – как хочешь: увольняйся, нанимай нянюку, отдавай крошку в ясли. Мама в перерывах между кормлением дочери бегала на уроки в школу. Вечерами – проверка тетрадей, домашнее хозяйство. Конечно, очень уставала. Она то-

Леонид, Анна с дочерью
Наташей и братом отца
Виктором. Июнь 1956 года

же ждала поддержки от папы, внимания, одобрения. Может быть, неумело понуждала к этому. Но, наверное, не заслуживала раздражения и неприязни.

А на работе у отца действительно много трудностей. Строительство и ремонт школы в условиях, когда в магазинах не было даже гвоздей и стекла, и за каждой мелочью нужно было ехать на поклон к районному начальству, превращалось поистине в героизм. Папины принципиальность и нетерпимость к плохой работе не каждому в школе были по душе. На него написали кляузу в райком партии, интриговали.

Папа временами тяготится постом директора. У него ухудшается здоровье. В один момент у отца возникает фантастическое желание перейти на физическую работу: «Сегодня мелькнула благая мысль оставить хотя бы на время работу в школе и перейти на физическую работу в колхоз, РТС или др. Это было бы замечательно, это был бы очистительный ветерок, перелом. Это бы дисциплинировало, позволило отдохнуть от умственной работы, «руководящей», хорошо было бы близко познакомиться с колхозной жизнью, вновь познать труд физический и освободиться от лени».

Правда, дальше этого, несколько курьезного порыва дело не пошло. Летом 1955 года папа вновь едет на сессию в Свердловск. И там, вдали от мамы, вновь раздумывает о своей семейной жизни. Пишет о своем разочаровании: «Буря страстей улеглась. Может, осталось только чувство привязанности, привычки. На самом деле она не такая, какой представлялась вначале: доброй, безропотной, самоотверженной... Ясно, что семья, семейная жизнь у меня не удалась».

Хочу привести письмо мамы, написанное отцу в 1956 году в Свердловск, где он был на сессии.

«27 января 1956 года.

Милый Леня, здравствуй! Привет Николаю Ильичу, Анне Васильевне, Толе, Вите.

Сегодня получила от тебя письмо и сразу же пишу ответ. Поздравляю тебя с большим успехом в сдаче экзаменов. Я очень рада за тебя! Горжусь тобой! Желаю тебе и дальнейших таких же успехов.

Наташа сейчас уже не болеет. Стала кушать, играть. Вот сейчас пишу тебе письмо, а она лежит на койке с фруктовым чаем и грызет его, как мышь. Конфет никаких нет, так я ей купила фруктового чаю (а время уже два часа). Уже стала понимать картинки.

Лёничка, я хочу тебе написать, чтоб ты ей не берёг на гостинцы, шоколада она совсем не ест. Если будут конфеты – горошек, то купи, она их очень любит. В школе идет работа нормально. Но коллектив тебя ждет, спрашивают каждый день: «Когда придет Леонид Александрович?» Вот на днях было ученическое комсомольское собрание. Истомина Юрия исключили из комсомола. Телеграмму послала школа по инициативе Евдунова, Шаврина, всего ученического, учительского коллектива...

Лёня, ты пишешь насчет денег, если мне что нужно, чтоб я прислала тебе денег, но мне ничего пока не нужно, да и денег нет на такую покупку, как пальто, обойдусь сейчас и без пальто.

Пишем ни от кого нет, кроме как из Аиртава. Рая пишет, что получила от тебя письмо. А моим родителям, конечно, не написал. Ты хотя бы за два года нашей совместной жизни написал бы хоть одно письмо. А это как называется?

Погода у нас стоит плохая, как зарядили ветры со снегом, с 23 января и до сегодняшнего дня дуют. Не успеваю откапывать окна. Всю Лавровку замело, приедешь – не узнаешь.

Пока все.

Приезжай быстрее, ждём.

Целуем крепко, крепко.

Жена и дочь».

Сдержанное, но не холодное письмо. Оно вселяет надежду, что отношения строить можно.

У них были серьезные несогласия, трения. Отцу очень не нравилось, что мама возражала против того, что он дает деньги своим родителям. Она, возможно, не была ему равным собеседником, но уж никак не оставалась равнодушной к его делам.

Если бы мы могли в то время выслушать маму, то, наверное, тоже услышали бы слова разочарования. Потом в папином дневнике появятся её претензии, высказанные ему прямо. Она упрекает его в том, что он не помогает ей по дому. Это будет не раз ещё предметом споров. Папа, действительно, не любил домашней работы и никогда ею не занимался. Он аргументировал это тем, что в три раза больше времени проводит на работе и в три раза больше получает. Мама в свою очередь говорила, что деньги эти до семьи не доходят. Мол, папа везде «ездит, смотрит». Она поначалу с недовольством воспринимала покупку книг, пластинок, хотя, конечно, сопротивляться этому не могла.

Оба они стали говорить о разводе.

Не удивительно, что папа остался совершенно равнодушен к рождению второй дочери, то есть меня. В дневнике, где он подробнейшим образом записывал содержание просмотренных фильмов, описывал погоду, дела в школе, в партии, деревенские происшествия, скандалы, нет ни единой записи о беременности жены и появлении в семье второго ребёнка. Это поразительно! Возможно, он воспринимал рождение дочери (тем более, дочери, а не сына) даже с сожалением и ничего не хотел писать об этом в дневнике.

Я родилась 21 ноября 1956 года. Последняя запись в папином дневнике за 1956 год сделана 27 сентября – там о погоде, о том, что из-за холодной, дождливой осени под угрозой урожай и строительство школы. И следующая запись идет от 22 января 1957 года (мне уже два месяца): «Буря страшной силы. За несколько шагов ничего не видеть. Навстречу (ветру –

Две сестры.
1957 год

В. Л.) идти почти невозможно. Боюсь за школьную крышу, как бы не снесло».

Упоминание о второй дочери появляется косвенно только в следующем году, 18 мая 1957 года, после возвращения из курорта Боржоми: «Очень соскучился по дочкам. Они, кажется, похорошели и милее, лучше всех детей».

На страницах папиных дневников, относящихся к первым годам семейной жизни, искренне и без прикрас, жёстко, правдиво рисуется вся сложность семейных отношений, их изменчивость, неоднозначность, мучительная противоречивость: то мир да любовь, влечение и умиротворение, то отчаяние, ощущение краха, бурные ссоры и примирение. Их брак висел на волоске.

Но для нас, детей, семейные бури шумели где-то в стороне, родители не позволяли себе ссориться или выяснять отношения при детях.

Мама, Наташа и Вера. 1957 год

Лавровку я помню очень смутно, лишь несколько мгновенных и ярких картинок: вот стая белоснежных голубей поднимается в лазурное небо; вот я стою среди подсолнухов на чёрной земле, а подсолнухи невиданной высоты, как деревья, с толстыми стеблями и огромными, как сковородка, головами, и я боюсь заблудиться в их зарослях.

Я вспоминаю также удивительное, блаженное чувство, которое охватывало всё моё существо, когда меня несли на руках.

Когда меня брали на руки, я становилась большой, как мама и папа, иногда даже выше их. В такт ходьбе чудесно покачивало. Если закрыть глаза, то весь мир начинал мерцать в этом ритме, вспыхивая и затухая. Если открыть глаза и посмотреть вниз, то видно было, как приближается и удаляется земля. Она даже свой цвет меняла. Из-за убегающих за папину спину серых камешков земля становилась светлее. А надо мной покачивалось небо, оно придвигалось ко мне близ-

ко-близко, когда меня несли на руках. Мне нравилось класть голову на мамино плечо, как на подушечку, охватывать её шею руками, и тогда вся мама была моей. Можно было смотреть вперёд и ощущать, как на тебя наплывает улица, можно повернуть голову назад и следить за тем, как удаляется и сужается в змейку тропинка. Блаженное качание длилось и длилось. Что-то торжественное появлялось вокруг и во мне. Наверное, оттого что меня несли на руках.

Лес, деревья, травы, кусты в Лавровке были сказочными, потому что виделись мне невероятно огромными – ведь я была совсем маленькой. Вот мы идём с мамой и старшей сестрой за ягодами. У нас в руках маленькие цветные ведёрки. Трава мне по пояс, верхушки старых раскидистых берёз теряются где-то в небесах. Ветер таинственно шумит в их длинных гибких ветвях. Нам с сестрой мама собирает по красивому букетику из крупной лесной клубники и кладет сверху в наши ведёрки.

С этими ведёрками мы ходили с сестрой собирать у заборов калачики (плоды просвирника). Развернёшь нежную, зелёную плёночку – а внутри маленький сладкий калачик.

Однажды, когда мы отправились за калачиками на другую сторону улицы, по ней с грохотом помчалась лошадь, запряжённая в большую телегу. Я не успела перейти улицу, а возница не смог удержать взбесившегося коня, и он проскакал прямо надо мной. Но ни копыта лошади, ни телега, по счастью, меня не задели. Было мне года три-четыре. Об этом я знаю со слов мамы.

И ещё я запомнила куличи, которые наша няня напекла к Пасхе. Они стояли в холодных сенцах на столе под белым полотенцем, и мы с Наташей бегали смотреть на них. Меня удивляли плетёные узоры, цветочки, резные крестики из теста, которыми они были украшены, некоторые куличи были залиты белоснежным кремом и посыпаны цветной дробленой карамелью. Какой же райский вкус обещало всё это великолепие. Мы знали, что есть их пока нельзя, и были охвачены

Лето в Лавровке. Наташа и Вера

сладким предвкушением. Однако, к глубокому разочарованию, куличи оказались обыкновенным, только украшенным, кислым хлебом, совсем невкусным.

А вкусной для меня была жареная картошка, которую я называла «балябо». Папа потом долго поддразнивал меня: «Вера-мера, «балябо».

Родители снимали избушку у Натальи Евдокимовны Соколовой. Она и стала нашей няней. Своих детей у неё никогда не было, и Евдокимовна, так называла её мама, очень сильно привязалась к нам. И потом, когда мы уехали из Лавровки, приезжала навестить нас в Раздольное и Красный Яр. Оказывается, детская память всё удивительно облагораживает и приукрашивает. В моем воображении няня запечатлелась красивой, благообразной, с ласковыми глазами, а когда она приехала в Красный Яр, я увидела коренастую, кривоногую

усатую старушку с кривеньким глазом. Правда, взгляд был так же ласков. В этом меня память не подвела.

С конца 1959 года папины дневники меняются. Они становятся суховатыми. Если раньше в записях много лирических переживаний по поводу его отношений с подругами, размышлений, оценок, самоанализа, потом бурных объяснений с женой, то далее всё это как-то отступает на второй план, всё больше вытесняется описаниями работы, школьных забот, отношениями с коллегами. И почему-то очень много сводок погоды. В отношениях с мамой устанавливается более-менее устойчивое равновесие. Они притерпелись, приноровились друг к другу, смирились с недостатками.

Родителям сначала мешало то, что они оба думали, будто им страшно повезло друг с другом: достался почти идеальный спутник, спутница. Мама в ссоре как-то бросила папе, что она считала его «каким-то сверхъестественным» (мама неловко выразилась, имея в виду «сверхидеального»; 1957 год). И папа тоже в первые месяцы совместной жизни расписывал достоинства мамы: «скромна, не злая, не злопамятная, у неё мягкий характер, не упрямая, но и правдивая, восприимчивая, чувственная, любящая, в меру темпераментная, бескорыстная, трудолюбивая, бережливая, опрятная и чистоплотная» – портрет идеальной жены. Кстати, многие мамини черты подмечены верно. Действительно, в меру темпераментная, трудолюбивая, бережливая, опрятная, чистоплотная.

Наверное, то, что с ними случилось в первые годы совместной жизни, было неизбежно при их стремительном сближении и скоропалительном браке. Узнавать друг друга им пришлось после свадьбы и рождения детей. И это несло в себе очень много разочарований, горечи, обид.

В 1957 году папа получил диплом об окончании Свердловского педагогического института – сбылась его мечта о высшем образовании.

Отец ставит себе новые цели и грандиозные задачи:

Анна и Леонид Поповы
с дочерьми
и Плужникова с сыном.
Аиртав. Май 1959 года

«Как мне необходимо и хочется:

а) Научиться столярному делу.

б) Изучить автомобиль, трактор, токарный станок, научиться управлять ими и получить права.

в) Научиться фотографировать, и заняться охотой.

г) Изучить и знать логику, уметь использовать её в мыслительной деятельности.

д) Изучить английский язык и владеть им.

е) Глубже изучить историю живописи, скульптуры, архитектуры, театра и хорошо понимать искусство.

ж) Перечитать все важнейшие произведения всех русских, советских и зарубежных классиков.

з) Научиться красиво, хорошо говорить и писать.

и) Хорошо знать и понимать глубоко музыку: изучить и знать хорошо творчество всех известных композиторов; изучить и знать ноты и музыкальную грамоту, уметь играть на одном хотя бы музыкальном инструменте (пианино, напр.)» – запись от 13 апреля 1959 года.

К некоторым пунктам этого плана папа так и не приступил в своей жизни, некоторые же выполнил на сто процентов.

Папа проникается всё более глубокой любовью к классической музыке, слушает много записей на пластинках. Ему открываются новые эстетические горизонты: папа стал понимать и наслаждаться оперной музыкой. С увлечением читает книги о композиторах. И, как всегда, много русской и зарубежной классики.

К лавровскому периоду относится ещё одна запись от 10 мая 1959 года, свидетельствующая о крахе папиного романтизма и угасании идеалов юности:

«Чего я достиг в 35 лет жизни, что сделал? Получил дилетантское образование, и ни одного подвига или хотя бы хорошего дела, достойного благодарности людей. Не встретил ни одного хорошего, замечательного человека. Да и сам я что? Серая посредственность. Разочарование. Нет уже почти никаких желаний. Уже нет решимости, воли выполнять свои благородные устремления».

Разочарование в идеалах, в своих собственных силах и отсутствие решимости быть верным юношеской клятве не было разочарованием в жизни. Вот его запись от 16.02.60, сделанная на отдельном листочке, вложенном в дневник:

«В жизни я не встречал: а) ничего идеального, романтического, выдающегося; б) самоотверженных безупречно честных людей (Путинцев, Пальчиков, Коровин, Багров - ?); в) счастливых, любящих супругов, семьи; г) идеального учителя; д) хорошие, без упрека школы; е) большой любви; ж) героев, героических подвигов.

Зато всегда всё серо, посредственно в жизни, грязно. Но жизнь и такая – интересная и почему-то драгоценная».

Уже в Раздольном (см. карту на стр. 8) в редкие поэтические мгновения отец записывает: «Как мелодично ночное воркование гусят... Ночью так не хочется спать. Созерцать, созерцать. Все прекрасно, величаво, таинственно, непостижимо: шелест листьев, свет луны, ночной покой».

Зима в Лавровке. Наташа и Вера.
1958 год

Стоит жить, даже если ничего не сделал».

Отец завершил строительство Лавровской средней школы. Родители пытались купить дом в Лавровке или где-нибудь в другом месте, уже собрали деньги, но в 1960 году папе предложили новую работу в селе Раздольном Кокчетавской области: возглавить открывшуюся там школу-интернат.

Глава 12

РАЗДОЛЬНОЕ

Раздольное было маленьким посёлком, возникшим в годы освоения целины в Казахстане. Он появился сразу после начала освоения целинных земель в 1955 году³¹.

Зародился он так же, как многие целинные поселки, с нескольких палаток и вагончиков, поставленных в чистом поле на берегу маленькой речки Чаглинки. Анатолий Алексеев, отец моей раздольненской подруги Луизы Алексеевой, бывший среди первых целинников-механизаторов, рассказывал: «Разбили мы палаточный городок, обустроились маленько. Ну, как назовём, ребята? А вот, смотрите, какое раздолье, Раздольное и назовём». Так возникло на карте Кокчетавской области Раздольное.

Посёлок сильно отличался от Лавровки и от бывших старинных казачьих станиц – Аиртава и Чалкара, где жили наши бабушки и дедушки. Здесь не было традиционных бревенчатых пятистенников. Он застраивался бараками, типовыми домами – шлаколитыми или щитовыми. Некоторые – многоквартирные, одноэтажные и двухэтажные. Наш шлаколитой дом был как две капли воды похож на десяток других стоящих друг за другом по улице домов. Наташа, когда первый раз вышла погулять в Раздольном, заблудилась. Обошла четыре дома, прежде чем нашла свой.

³¹ 23 февраля-2 марта 1954 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором было принято постановление о начале освоения целинных и залежных земель. Это решение обуславливалось нехваткой хлеба в стране. Кокчетавская область, наряду с другими, стала тем местом, где поднимали новые земли.

Л. А. Попов, директор
Раздольненской
школы-интерната.
Начало 60-х годов

Сюда на поиски лучшей жизни приезжали переселенцы со всей области и Советского Союза. Мама моей подруги Луизы была из Баку, некоторые приехали из Украины, позже переселилось несколько очень бедных семей из Удмуртии. Посёлок был многонациональным: здесь жили русские, казахи, много немцев, поляки, корейцы, удмурты, украинцы.

Вокруг Раздольного, куда ни кинь взгляд, до самого горизонта – поля, степь, только вдали едва различимы маленькие берёзовые колки. Небо лазурным куполом опускалось на степь, его было гораздо больше, чем земли. И облака над степью плыли особенные: высокие, лёгкие, тугие. Они теснились по всему небесному простору, а у самого горизонта опускались на землю, звали, манили. Ощущение степного простора, шири, свежести навсегда для меня оказалось связанным с беззаботным временем детства.

30 июля 1960 года отец впервые приехал в Раздольное – посмотреть новую школу-интернат, где ему предложили работать директором. Здание школы папе понравилось: «Похожа на дворец». К тому же в посёлке родителям давали квартиру – небольшой домик, и папа принял предложение.

Раздольненская школа-интернат

Больше года он жил в Раздольном без семьи, так как дом наш достраивался. 20 ноября 1961 года отец перевёз нас туда.

Сестра очень хорошо запомнила этот переезд. Мы ехали на грузовой машине, Наташа сидела с кем-то из взрослых в кабине. Вечером проезжали через Кокчетав, и там она впервые увидела яркие уличные фонари и множество людей, которые, к её удивлению, зимой ходили не в валенках. На переезде машина остановилась, и мимо с громким свистом промчался грохочущий паровоз. Как это было созвучно нашему движению к неведомой жизни на новом месте. Паровоз Наташа видела тоже впервые.

После тесных комнатушек, в которых мы жили в Лавровке, этот дом нам с сестрой показался огромным. Мы ходили по комнатам и боялись заблудиться. А было там всего две комнаты, кухня, холодные сени, да крошечная веранда. Вместо печи в зале стояла железная «буржуйка» на ножках, труба выходила

в окно. Пол не крашен, света не было. Стены в спальне были покрыты капельками влаги, которые вечером поблескивали в свете фонарика, когда нас укладывали спать. Родителями приходилось на ночь сдвигать кровати в центр комнаты и закрывать их клеёнкой от падающих сверху капель.

Так мы прожили зиму. Летом нас увезли в Аиртав. Когда мы вернулись, то не узнали наш дом. Буржуйка исчезла, а вместо неё на кухне – белая печь. Пол выкрашен, свет ярко горит во всех комнатах. Быт потихоньку налачился.

В Раздольном папа погружается в работу. Из его дневников почти исчезают события семейной жизни, за исключением упоминаний каких-нибудь редких скандалов и интересных случаев, связанных с детьми.

Ему предстояло по сути с нуля создать школу-интернат, собрать коллектив учителей, утвердить традиции.

Мама работает учительницей начальных классов в раздольненской средней школе, расположенной по соседству.

Моё первое, самое яркое впечатление в Раздольном связано с поездкой родителей в Москву, которая состоялась сразу после переезда в январе 1961 года. Мы остались дома с бабой Улей и дедой Сашей. Тогда, я помню, мы чуть не угорели. Дело в том, что деда с бабой печи топили всегда дровами. А у нас был уголь, который горел дольше. Они закрыли задвижку у трубы рано, и угарный газ пошёл в дом. Когда они спохватились, Наташа была уже без сознания. Её вынесли на улицу, отливали водой.

Но это событие затмил счастливый приезд родителей из Москвы. Они уехали на две недели. Это была первая долгая разлука с ними. Как мы их ждали! Даже сейчас мне кажется, что они отсутствовали много месяцев. Совершенно фантастическим оказалось впечатление от тех подарков и вещей, которые они привезли из Москвы.

Наши сельские магазины были тогда бедны, скудны, наполнены блёклыми товарами. А тут привезли золотые апельсины, чудесные гранаты, коробки с нежной розовой пасти-

Наш дом в Раздольном. В гости к нам приехали друзья Плужниковы (крайние слева и справа). Сентябрь 1962 года

лой, шпроты в банках замысловатой формы, напитки в резных бутылках. Невиданные ананасы! А сколько обновок нам с сестрой: блестящие натуральные шубки и шапки, дикихинные белые валенки, чудесные платица с оборками, кружевными воротничками и плиссированными юбками. И все это благоухало, пахло Москвой. Родители после приезда устроили дома весёлый многолюдный вечер. С тех пор с Москвой у меня соединились впечатления праздника, изобилия, радости. Не видя её, я любила и гордилась Москвой, чувствовала с ней незримую связь.

Я знала, что главное в Москве – это Кремль. Для меня Кремлём была Спасская башня со звездой. Я представляла Кремль в тёплых вечерних сумерках, потому что должна ярко гореть звезда и другие праздничные огни, а днём этих огней не видно. И там, у стен Кремля, ходят красиво одетые люди с авоськами,

полными апельсинов и больших красных яблок. У них радостные, счастливые лица. А что ещё делать в Москве, как не быть счастливыми? Ведь там вечный праздник. У них есть Кремль со звездой и мавзолеей, где лежит дедушка Ленин. И продают там такое, чего здесь, в маленьком целинном посёлке, даже никогда не увидишь. Например, апельсины. Было большой радостью, если пахучий золотистый плод найдёшь в новогоднем подарке. И оттого, что где-то далеко стоит прекрасная и богатая Москва, полная апельсинов и красных звёзд, мне становилось сладко и радостно, ведь это столица, а значит, наша общая Москва, и моя тоже, а не только москвичей.

И новогодний праздник у меня накрепко соединился с Москвой. Думаю, моя детская логика подводила к этому следующим путем: Новый год – главный праздник, а главный город у нас – Москва, и там, как сообщало радио, была главная ёлка страны. Значит самое главное-преглавное – это Новый год в Москве.

Папа тоже полюбил Москву. Перед отъездом из столицы он пишет: «Грустно как-то уезжать из Москвы, тем более, в такое пекло как раздольненская школа-интернат».

Первое, что папа решил утвердить в школе-интернате – покончить с курением. Многие воспитанники курили. И сам он курил двадцать лет, так, что иногда и пачки папирос в день не хватало. Папа пригласил всех заядлых курильщиков в кабинет, узнал какой у каждого «стаж» курения. В основном они курили по 2–3 года. Папа сказал: «Я курю двадцать лет. Предлагаю заключить пари. Мы все сейчас выкладываем сигареты и бросаем курить. Если я закурю, то разрешу всем курить в школе открыто, а если кто-нибудь из вас закурит, то ждите сурового наказания». Папа перестал курить. Через некоторое время по школе пронеслась новость: директор закурил! Можно всем курить открыто! Кто-то из курильщиков специально распространил такой слух. Папа вычислил плутишку и серьёзно с ним поговорил. Истина была восстановлена. Курить в школе перестали.

В записях отца сохранилась еще одна клятва:

«Торжественная клятва.

Я, Попов Л. А., перед лицом собственной совести торжественно клянусь с сего числа и навсегда бросить курить, так как курение подорвало моё здоровье, ослабило волю, память и мышление и лишило многих радостей жизни, вдохновения.

В противном случае следует просто не жить».

И подпись: «Л. Попов. 23 февраля 1961 года».

В 1978 году после развода с мамой папа нарушил свою клятву и начал курить. Через пять лет он заболел раком лёгких.

К 1962 году в школе-интернате было 149 воспитанников и педагогический коллектив – 20 человек. В основном это были молодые учителя и воспитатели. Папину школу-интернат я любила. Вечерами часто прибегала туда, бросала шубку на диван в кабинете отца и отправлялась болтаться по школе. Там у меня были свои подружки и друзья среди старшекласников. Я заходила к ним в спальни, играла в теннис в холле. Около восьми вечера папа вылавливал меня и отправлял домой.

И ещё я очень любила праздники в папиной школе. Их умели готовить с размахом. На Новый год почти у всех были костюмы, которые ребята шили сами. Некоторые из них просто поражали меня: «Ночь» – чёрное длинное платье, всё в звёздах и блестках; «Шахматная королева» – пышное платье из чёрных и белых квадратиков, хвостатый, кудлатый и рогатый «Чёрт», от которого я в страхе убегала.

В интернате я в первый раз увидела живого писателя. Его пригласили из Красного Яра на встречу с воспитанниками. В школе повесили большой плакат-растяжку: «Привет нашему земляку, писателю Салахову!» Писателя торжественно встречала вся школа. Салахов оказался довольно высоким человеком средних лет – невзрачным, лысеющим, в очках с толстыми линзами. Что он говорил на встрече тихим, бесцветным голосом, я не могла ни запомнить, ни уразуметь. Писатель меня разочаровал. Но, думаю, что такого грандиозного приёма районному писателю никто никогда не устраивал.

Мама с дочерьми Наташей и Верой. 1962 год

Моей сильной привязанностью были молодые учительницы школы-интерната. От них исходили какие-то необыкновенные флюиды. Энергичные, весёлые, увлечённые, полные счастливых надежд – все они мне казались красавицами. Может, дело было в том, что меня притягивал, будоражил взрослый мир молодых девушек с их модными юбками, клипсами, бусами и духами, с их кокетством и беззаботностью молодости. Девушки жили по несколько человек в маленьких однокомнатных квартирках. Я любила ходить к ним в гости, смотреть журнал «Советский экран», этакий «гламур» хрущёвского периода, разглядывать фотографии из девичьих альбомов, нюхать их пудру и губную помаду, слушать взрослые разговоры, болтать с ними, подражая их интонациям, крутить пластинки с популярными песнями, есть их салаты и супы из рыбных консервов, пить чай из граненых стаканов. Они научили меня играть в карты, что тоже было предметом моей

гордости. Особенно сильно я сдружилась с Альвиной Игнатьевной Дробинцевой, которая стала потом завучем в школе, и Жанной Антоновой.

Они тоже бывали у нас в гостях, дружили с мамой. Я ждала их из отпусков, скучала, и, возвращаясь, они приходили к нам в гости, рассказывали новости, приносили фотографии. Ещё я очень любила молодого учителя физкультуры, красавца (конечно же!) Владимира Николаевича, черноволосого, весёлого парня с большими тёмными глазами. Увидев его, я бросалась к нему навстречу, а он, смеясь, подхватывал меня, подбрасывал высоко вверх. Владимир Николаевич неизменно называл меня своей невестой, и я относилась к этому очень серьёзно. Когда он после армии пришел к нам в гости со своей женой, я на него очень обиделась и не подошла к нему. Жена его была совсем некрасивая: белёсая, невзрачная, с толстыми ногами, в каком-то зелёном платье.

Наша жизнь в Раздольном отличалась, я бы сказала, широтой общения. В Раздольном у нас гости не переводились: приходили учителя из обеих школ, часто приезжали папины и мамины родственники, друзья, прибывало районное и областное начальство на проверки, съезжались коллеги из других школ на совещания, собрания, и папа всегда их приглашал в гости, угощал.

Часто устраивали вечеринки, встречи по поводу приезда друзей, родственников, возвращения из отпуска, каких-нибудь праздников. И конечно, во время этих встреч всегда выпивали, иногда не один день.

Нам, детям, нравилось, когда приезжали родственники или приходили близкие нам учителя, но мы не любили незнакомых нам гостей, начальников из города, потому что в них не было ничего интересного: ни поиграть, ни поговорить. Они вели между собой какие-то скучные разговоры.

В Раздольном дети пользовались полной свободой. Мы могли пойти в гости в любой знакомый нам дом. Родители не боялись за нас, и мы вольны были гулять где угодно: в парке,

на речке, за селом в степи или в кукурузных полях, куда мы ходили играть и рвать волосатые початки кукурузы. Для нас, детей, это был особенный, густой, таинственный кукурузный лес. Спасибо Никите Сергеевичу Хрущову за то, что он в 1960-е годы повелел везде насаждать кукурузу.

Наш посёлок раскинулся по левому берегу реки Чаглинки. Речка то весело бежала по песчаному мелководью, нежно журча прозрачными струями, то затихала в камышовых зарослях, то чернела илистым дном. В ней были глубокие омуты, и небольшие песчаные косы. Глиняные, обрывистые и пологие берега покрывались нежной травой. Вода в жаркие дни нагревалась, как чайник на печи, и мы не могли купаться. Сколько чудес таила в себе река: по берегам жили загадочные улитки, а в реке, в илистом дне – раковины с перламутровыми створками. Песчаные берега и крошечные островки были усеяны полупрозрачными цветными камешками, которые в воде горели, как самоцветы. В далеких заводях меж ярко-зеленых, плоских и круглых, как блины, плавающих на воде листьев, росли желтые глянцевые кувшинки, фантастические белоснежные лилии с золотой, пахнущей сказочными странами, сердцевинкой. На речке в жаркую пору мы могли проводить все дни напролет вместе с гусями и утками, которые приходили на речку стадами.

В Раздольном кроме речки было ещё несколько важных и значимых для нас мест – это сельский клуб, парк, водокачка и мусульманское кладбище. В центре села рядышком стояли две школы, вечно соперничающие друг с другом, через дорогу напротив – неказистый клуб, похожий на большой барак, рядом водокачка. А мусульманское кладбище раскинулось за селом.

Чем являлся клуб в поселке, когда не было телевизоров, магнитофонов, компьютеров, не было церкви, кафе, супермаркета, концертных залов? Ясное дело – центром вселенной. Посещение клуба – это и праздник, и ритуал, и вдохновение.

И ещё надо понять, чем было тогда для нас кино, которое показывали в клубе.

С кино связано одно из самых сильных потрясений моего детства. Произошло оно тогда, когда я узнала, что кино – это всё «невзаправдешнее».

Я нимало не задумывалась, как получается кино. Ну, есть же окружающий мир. Как и почему он появился, из чего сделан – я не знала, но это не мешало мне жить в нём, относиться к нему со всей серьёзностью, радоваться, печалиться. Так и кино: гас в маленьком сельском клубе свет, начинал стрекотать аппарат, из окошечка киномеханика вырывался яркий поток золотых лучей, и начиналось чудо. Передо мной ходили, разговаривали люди, ехали машины, мчались поезда. Всё настоящее, а откуда оно взялось, как получилось? Да неважно. Это просто тоже такой мир, как наш, и я туда переселялась, пока в нашем на время сеанса всё поглощалось тьмой. И поэтому никаких условностей искусства. Радость была радостью, смерть смертью, а любовь любовью.

Ожидание кино начиналось с афиши. Она стояла возле клуба: простая деревянная доска, укреплённая на двух столбах. На ней писали мелом или вывешивали плакаты, на которых от руки цветной тушью крупными буквами были объявлены названия фильмов. В сладком предвкушении я бегала к афише по нескольку раз в день. Издалека уже видела: нет, ничего не изменилось – висит вчерашняя афиша. Ну как можно так долго тянуть! И, наконец, когда я прибежала к клубу в третий или четвертый раз, меня поджидала новая афиша! И теперь... теперь надо узнать название фильма. Читать я ещё не умела. Я стояла перед афишей, поджидая тех, кто мог бы мне прочитать название. Буквы я знала, но сложить их в понятные мне слова не могла. Смотрела на буквы и пыталась по ним угадать, какой будет фильм, хороший или скучный. Ведь не был же тот, кто их писал, полным болваном, он должен для весёлого фильма сделать весёлые буквы, для грустного – грустные.

Иногда, очень редко, на афише появлялись настоящие печатные киноплакаты. Это было удачей! Тут уж не стоило ни малейшего труда понять, какой будет фильм. Потому что художник, который этот плакат делал, он всё понимал, как надо. О серьёзном фильме он извещал такими правильными буквами и ещё какое-нибудь непривлекательное лицо изображал на плакате. И всё становилось ясно: дети, вам на этот фильм ходить нельзя – вы умрёте со скуки. А если буквы были задорные, игривые, значит, будет что-то интересное.

И ещё были унылые, никчемные понедельники, по которым кино не показывали, и афиша зияла пустотой.

Наконец, я узнавала название фильма. Ах, название! Оно одно было способно привести в отчаяние или вызвать радостный трепет. В названии тайна фильма и моя судьба на предстоящий вечер открывались окончательно или почти окончательно.

Ведь если название фильма было «Кащей бессмертный» или «Морозко» – значит, это сказка. И вечером, совсем, совсем скоро, будет счастье.

А если «Королева бензоколонки»? Королева – это что-то сказочное. Но бензоколонка? Зачем в сказке эта малопонятная бензоколонка!? Здесь какой-то подвох. Уже полной радости не случалось.

«Она защищала Родину», «Фронтовые подруги» – это, ясно, про войну. Про наших и фашистов. На такие фильмы я ходила с неохотой, потому что понимала, там будут убивать, и моя детская душа по-настоящему страдала. Ведь я ещё не знала, что те, кто умирал на экране, оставались живыми и жили где-то в Москве.

Ну а если название фильма «Мертвый сезон», то всё пропало. Непонятно, что такое сезон, но, судя по всему, это что-то из скучного мира взрослых. К тому же «мёртвый». Ужасников тогда не было, поэтому слово «мёртвый» воспринималось буквально: то, к чему лучше не иметь отношения.

Но в клуб вечером я всё равно шла – в надежде на лучшее, на то, что моя детская интуиция все-таки на этот раз меня подведёт. Такое случалось редко.

И вот уже все давным-давно пришли и купили сине-зелёные билетки по пять копеек, а тётки Зины всё нет. А без тётки Зины никакое кино начаться не может, потому что она отрывает билетки и запускает нас в клуб. Мальчишки на дороге к клубу высматривают тётю Зину. Она появляется там, в конце улицы, грузная, одноногая, тяжело ковыляя на костылях.

– Идёт! Идёт! – с радостными лицами сообщают прибежавшие мальчишки.

Ну, как же долго она ещё будет идти! Не могли что ли когонибудь порасторопней, ну, с двумя ногами, назначить отрывать билетки.

Наконец-то мы в зале, расселись по местам, впереди меня (какое счастье!) нет никакого верзилы, никто не будет закрывать экран. Гаснет свет, и меня поглощает тёплая волшебная темнота, из которой выплывает Кино. Охватывало сладкое, радостное волнение, которое зарождалось где-то глубоко внутри, выше живота и ниже ребер.

Всё рухнуло после фильма «Фронтвые подруги».

Маленькая чудесная «подруга», которую играла Яна Жеймо, умерла в конце фильма. Умирая, она говорила много жалостливых слов. Вокруг стояли остальные фронтвые подруги. Моё сердце просто разрывалось от горя. Она не должна была умереть, ей и так досталось, она меньше всех, почти ребенок, и такая смешная и беззащитная... И к тому же её почему-то не очень любили. Я плакала в клубе, плакала по дороге домой. И дома, забившись в самую дальнюю комнату, навзрыд плакала и плакала в темноте.

Тогда взрослые, пожалев меня, стали объяснять, как получается кино. Они сказали, что всё это не по-настоящему, что в фильмах снимаются актеры, они разыгрывают все события, как в театре, и их снимают на специальный аппарат. И маленькая фронтвая подруга – актриса. На самом деле она не умерла.

Я понимаю, они хотели утешить меня и сказали, что все это игра, условность. Но они разрушили для меня кино – мир, в который я могла переселяться, когда в клубе гас свет, и на экране начиналась другая жизнь. А если все это понарошку – любят понарошку, убивают понарошку, смеются понарошку, как я могу всерьёз там жить? Прошло довольно значительное время, прежде чем мною снова овладела магия кино. Но прежних страстей уже не было.

Теперь я легко отношусь к условностям искусства.

К клубу и школе примыкал парк. В нашей безлесной округе парк стал самым романтическим местом для игр, прогулок, пикников. Он был разбит на аллеи, обсаженные акациями. В нем росли клены, тополя, яблоньки. Их горько-кислые ранетки размером с горошину за лето ребятня обдирала подчистую. В конце парка, примыкающего к речке, росло несколько огромных тополей, по которым мы любили лазать. Усядешься высоко на ветке, как птица. Тебя не видно, а ты можешь за всеми наблюдать, осматривать сверху просторы, слушать чудесный шелест листьев.

Водокачка возле клуба была источником благодати. Сюда мы спешили в жаркие дни из парка или когда возвращались с речки. Это был маленький белёный домик с небольшим окошком. В знойные дни водокачка уже издали источала запах свежей воды, вернее не воды, а мокрого чистого песка, который устилал дно ручейка, струящегося от водокачки. И мы с вожделием торопились напиться воды, которая и в жару была такой холодной, что ломило зубы. Прямо из дыры в стене торчала труба и над ней – толстый железный прут, конец которого был закручен в кольцо. Надо было потянуть на себя прут: внутри водокачки что-то начинало урчать, и из трубы вырывалась толстая струя ледяной воды. Это было почти ритуалом – напиться, проходя мимо водокачки. Зимой водокачку окружали причудливые наледи. Вода была удивительной, с каким-то зимним, каменным вкусом, я бы и сейчас отличила её от всякой другой.

Большое мусульманское кладбище находилось прямо за селом. Оно было огорожено проволокой. Бесконечные ряды невысоких холмиков, поросших блёклой степной травой. На них стояли ржавые облупленные памятники с грозными полумесяцами, остроконечными, как разящие серпы. Многие из памятников покосились, и появлялось чувство, будто серпы уже занесены над головой.

Кладбище было всегда пустынно, я ни разу не видела там ни одного человека. Может быть, ещё поэтому оно было так загадочно, вселяло мистический трепет и даже ужас. Особенно жутко было оказаться возле кладбища в одиночестве в сумерках. Несколько раз мне приходилось искать возле кладбища поздними летними вечерами нашу корову Жданку. Меня спасало лишь то, что невдалеке уютно горели окна окраинных домиков, и я воображала себе весь ужас положения, если бы вокруг была темнота.

Раздольное в пору моего детства посещали ещё такие экзотические фигуры, как старьёвщики и бродячие цыгане, вернее, цыганки. Старьёвщики приезжали на подводах, и это сразу становилось известно всем детям в селе. Они принимали от населения старые тряпки, обувь и кожу в обмен на товары. А поскольку тряпки приносили в основном дети, то и товары у них были соответствующие: леденцовые петушки на палочке, воздушные шары, которых тогда в магазинах не было. Мы выпрашивали у мамы ветошь и счастливые бежали к старьёвщику. Он внимательно осматривал «товар», бросал его в мешок, потом открывал деревянный чемоданчик с вожделенными петушками и вручал нам. Мне казалось полным безумием со стороны старьёвщиков менять чудесные сладкие леденцы и дивные воздушные шары на грязные тряпки. Я до сих пор не знаю, зачем старьёвщикам нужны были эти тряпки.

А цыганки ходили с сумой собирать милостыню. Часто они носили с собой своих маленьких детей. Они появлялись в селе неизвестно откуда, обходили дома один за другим и не-

известно куда исчезали. Один раз папа пригласил такую цыганку с младенцем к столу пить чай с пирожками. Мама после чаепития, опасаясь какой-нибудь заразы, тщательно помыла посуду. А папа выглядел в моих глазах благородным героем. Я загадочных цыганок побаивалась. Несколько раз неподалеку от Раздольного останавливался настоящий цыганский табор. Он нас манил и пугал одновременно. Ведь было такое поверье, что цыгане воруют детей.

В Раздольном родители завели хозяйство. Сначала это был огородик возле дома: несколько тополей, грядки, лунки, большая огуречная грядка из навоза. Потом стали сажать много цветов. Папа привозил из поездок семена гладиолусов, георгинов, водосборов. Позже появилась живность: куры, гуси, утки. А потом, после рождения брата, мама приняла решение завести крупно-рогатый скот. Единственное, чем поражали тогда сельские магазины, это своей скудостью. Нельзя было купить ни молока, ни творога, ни мяса. Даже папа в своем дневнике в 1963 году отмечает: «В магазинах в Кокчетаве уже давно нет масла, не говоря уже о других посёлках. В совхозе с зимы не продают молоко, в магазине нет муки, крупы. Хлеб пекут из суррогата». А нас у родителей было уже трое. Мама завела корову. Так появилась Жданка. Она родила бычка, которого мы назвали Жучок (про «Битлз» тогда и слыхом не слыхивали).

Жданочка наша была очень красивой: ровного кирпичного цвета, по-коровьи стройная и изящная, с большими, тёмными, печальными глазами. Для нас, детей, было горем, когда её зарезали из-за переезда в Красный Яр.

Всё это большое хозяйство в основном держалось на маме. Папа, как я уже говорила, не очень любил «крестьянский труд».

Брат папы, Павел, узнав, что родители собрались завести корову, пишет отцу в письме: «У тебя Аня не белоручка, я знаю. Она любит ходить за хозяйством, крестьянская дочь. Это Аня тебя, видно, уговорила, ты, конечно, за ними не так-то уважаешь ходить, да и времени у тебя маловато» (1965 год).

Я никогда не видела маму празднично сидящей без дела или, тем более, прилѳгшей днѳм отдохнуть. Я помню лишь один случай, когда мама заболела и слегла: у нее начался грипп, и температура подскочила к сорока градусам.

Мама всегда вставала раньше всех, шла к скотине, доила корову, потом топила печь, потом бежала на работу, а вечером – вечная проверка тетрадей, и опять двор, летом – огород. В субботу непременно генеральная уборка, баня. Ложилась иногда за полночь. В воскресенье по крестьянской традиции заводила тесто, пекла сдобы, пироги, крестики с ягодами или блины, каральки, в общем, что-нибудь вкусненькое. Мама могла до четырех утра чистить, мыть, стряпать, а утром встать в семь часов и снова приняться за работу. Это было подвижническое служение семье.

В наших детских тетрадках раздольненского периода я нашла свое стихотворение, посвященное маме, написанное, наверное, к какому-то празднику. В нем я как раз воспеваю мамины трудовые будни. Это совершенно неуклюжее и беспомощное, но полное признательности стихотворение. Приведу только две последние строфы:

*Нужно успеть обед сготовить,
Нужно коров подоить,
Нужно к школе платье погладить,
Нужно кур покормить.*

*И все у тебя на плечах лежит,
И нет ни минуты покоя,
Спасибо, мама, тебе за все,
Спасибо тебе большое.*

Помню, маму тронул этот стих.

В раздольненский период родители смогли найти какое-то равновесие, своеобразную гармонию в семейных отношениях: мама стала как бы плотью семьи, папа – её духом. На попечении

Вера и Володя. 1967 год

мамы были двор, огород, домашнее хозяйство. Папа утверждал в доме культ книги, просвещения, высокого искусства.

В папином архиве сохранилось всего лишь одно письмо мамы к нему, относящееся к этим годам, посланное в Железноводск, где папа был на курорте. Оно, как мне кажется, подтверждает моё впечатление о том, что их отношения того времени были благополучны.

«Здравствуй, Лёничка!

Наконец-то дождалась от тебя письма. Мы очень рады, что тебе там хорошо. Отдыхай, набирайся сил и побыстрее возвращайся к нам. Больше будь на воздухе, спи, читай поменьше.

Как мне хочется побыть там с тобой, побродить по лесам, полазать по горам. Да и хочется вместе отдохнуть. Завидую тебе.

У нас ещё холодно. До пятого апреля морозы были по утрам до минус 25 градусов. Сегодня целый день шёл снег.

Новостей никаких нет. О вашей школе ничего не слышно, а в школу я не хожу, за почтой ходят девочки. Наверное, в школе всё в порядке, если бы было ЧП, то в нашей школе был бы разговор. Я знаю только, что Чензе болеет. Николай Иванович работает один.

Дома всё хорошо, все здоровы, всё у нас есть.

Лёничка, дети о тебе ведут разговор каждый день. Как только просыпаются, так и начинают считать, сколько дней папе осталось жить в Железноводске. Обе каждое утро огорчаются, что ещё жить ему там долго. Или: «Вот, мама, мы будем спать, а вдруг папа постучится?» Я говорю, что не постучится, он будет жить до 27 апреля, а они своё: а если, например, постучится, что мы тогда будем делать. Или ещё что-нибудь придумают.

Лёничка, а как часто думаю я о тебе: что он сейчас делает, думает ли он обо мне. Почти каждую ночь вижу во сне.

Дома всё хорошо.

Крепко, крепко целую тебя. Дети сами написали от себя письма.

10.04.63».

Я говорю о своеобразной гармонии в отношениях между родителями, потому что подлинной гармонии не было. Слишком они разные. Случались ссоры, были претензии друг к другу. Мама всё-таки ждала от папы помощи в крестьянских трудах. Он целыми днями на работе, часто приходил домой в 9–10 часов вечера. Иногда она подозревала его в том, что на работе он читает книги, чтобы дома ему не мешали. Ей не нравилось, что папа много выпивал и бражничал с друзьями и родственниками, порой теряя меру. Папе и самому хочется оставить эту привычку, но затягивает: «Ещё опохмелялся. Как это противно, а привык» (1964). Или ещё, в 1965 году: «Уф! Какая угарная неделя. Тяжело. Пришлось пить

шесть дней подряд. Мерзко, отвратительно. Правда, сам я никогда не пью, вынуждают обстоятельства – встречи с друзьями, приезд гостей».

Но всё-таки ссоры у них тогда случались очень редко. Чаще бывало так, что, обидевшись на что-то или не поладив с мамой, папа переставал с ней говорить – молчал и день, и три, и неделю.

В Раздольном 15 июня 1963 года папе «стукнуло» сорок. В день своего рождения папа записывает: «Мне сегодня сорок лет исполнилось. А что сделано? Ничего. Участвовал в войне, начал среднюю школу в Лавровке, открыл школу-интернат. Только и всего.

Вместе с тестем и женой (она – символически) распили в честь сорокалетия бутылку».

Вообще-то, у нас в семье не принято было отмечать дни рождения. Дело ограничивалось кратким устным поздравлением. Круглые даты родителей иногда, очень редко, были поводом для небольшого застолья в кругу семьи. Но даже их я не помню.

Если говорить о главных темах папиных дневников 1960-х годов, то это: покупка книг, пластинок, многочисленные поездки в район, в Кокчетав, и в другие города по делам школы и на совещания, чтение, погода, приезд гостей, родственников, получение писем, комментарии к политическим событиям в стране, прослушивание пластинок, изложение содержания просмотренных фильмов (это стало уже привычкой).

Много пишет о взаимоотношениях с местным начальством: директором совхоза, партторгом, бухгалтерами. Папа никогда не ладил с жуликоватым начальством – ни в Лавровке, ни в Раздольном. Он старался всегда занять принципиальную позицию. Это делало его белой вороной среди «сельской элиты».

О прочитанных книгах он пишет в дневниках мало, так как ведёт специальные тетради аннотаций, в которых записывает свои впечатления о каждой прочитанной книге. Про

хорошую книгу папа говорил: «Прочел – как будто студеной воды в жаркий день напился».

В 1966 году отец подсчитывает, что за всю жизнь он прочел 700 книг, и удивляется тому, как это мало: «А я то считал себя начитанным. Если буду читать так же, как читал, то до конца жизни не прочитаю даже книг своей библиотеки, которые у меня имеются сейчас, не считая приобретаемых дальше. А я без покупки новых книг не могу». Папа сравнивает эту цифру с данными одной брошюры, где говорится, что человек до 40 лет способен прочесть 10 тысяч книг. Произведя несложные подсчеты, он приходит к выводу, что это фантастическая цифра. Действительно, тогда нужно было бы прочитывать по одной книге каждый день, что невозможно.

Я уже говорила, что отец утверждал в доме благоговейное отношение к книгам. В мою память врезались два эпизода, связанные с культом книги. Однажды я, по-детски разозлясь, уж не помню из-за чего, швырнула на пол книгу, не помню какую. Папа увидел это, его губы безмолвно зашевелились – признак ярости: «Это же святотатство!» – наконец резко выговорил он. Едва ли я чётко знала смысл слова «святотатство», но по интонациям и выражению лица папы я поняла, что оно означает нечто совершенно ужасное. И теперь, прежде чем просто положить книгу на пол, я испытываю замешательство.

Второй эпизод. Я читала подаренную нам папой книгу «Незнайка на Луне» и оставила её на полу, где и читала (рефлекс ещё не был выработан). Маленький двухлетний брат без всякого злого умысла написал на неё. Папа придумал мне ужасную кару: я должна была пойти с этой книгой в свой класс и перед всем классом, перед учительницей рассказать, как я поступила с книгой. «Я проверю потом, сделала ли ты это». Папу послушаться было невозможно, и то, к чему он приговорил меня, я сделать тоже не могла. Ведь в классе я была отличницей, примером, объектом похвал. И теперь – публичное покаяние: рассказать перед всем классом о том, как братик написал на брошенную на полу книгу! К этому моя

душа была не готова. Я потащила с пожелтевшей книгой в школу, смахивая на ходу слезы. В классе Светлана Дмитриевна готовила доску к контрольной по математике и попросила всех выйти. Я дождалась, пока класс опустеет, подошла к ней с книгой и, запинаясь и плача, стала ей рассказывать. Слезы градом полились из глаз, я больше не могла говорить. Ах, моя дорогая Светлана Дмитриевна! Она пожалела меня. Не дослушав, сказала: «Хорошо, хорошо. Я всё поняла. Иди, не плачь». Хоть я и схитрила, не выполнила полностью требование отца – покаяние перед всем классом, я успокоилась, поняла, что Светлана Дмитриевна меня защитит от отцовского гнева. У меня гора свалилась с плеч. Мне было тогда десять лет.

Любовь к книгам воспитывалась не наказаниями. В доме было очень много прекрасных детских книг, картинки из которых до сих пор стоят у меня перед глазами: «Конек-горбунок», много сказок всех народов и времён. Я просмотрела письма Володи к отцу за школьные и студенческие годы; в редком письме речь не идёт о книгах. Володя пишет отцу, какие книги читал, какие ему хотелось бы приобрести, папа просит его купить для себя нужные ему книги. В 1982 году Володя, будучи студентом-второкурсником, пишет отцу: «Сейчас у меня огромный интерес к книгам». Таким образом, отец и жизнь сына сумел наполнить книгами, сделать чтение излюбленным занятием.

После сорока лет на страницах своих дневников папа часто и мучительно начинает размышлять об итогах своей жизни. И они для него неутешительны. Папа пишет о том, что жизнь не удалась. 18 июня 1965 года: «Сегодня жена начала без всякого повода разговор о моих выпивках в компаниях, угрожала пожаловаться. Немного ума для этого надо. Отвечал ей лениво. Не хотелось говорить. А всё-таки не удалась у меня жизнь. Захолустье. Без друзей. Без споров. Без настоящей борьбы. Без умного окружения и общения. Без радости в семье».

Ко времени его сорокалетия относится ещё одна пронзительная запись, сделанная во время его поездки в Степняк. Во время прогулки по городу папу опять охватывают волнующие воспоминания о детстве: «Интересно, почему воспоминания детства приятнее (прямо захватывает), хотя и с грустью о невозвратности, ярче? А может быть, это не у всех, а только у тех, у кого нет будущего?»

25 июня 1965 года, опять в Степняке, опять охваченный воспоминаниями о детстве, папа записывает: «Буду приезжать сюда (в Степняк – В.Л.), молиться на святые и милые для меня места моего детства и юности (единственный раз в жизни папа соглашается молиться – В.Л.). Эх, растратил я силы, задор по мелочам. Думаю, что я был способен на большее».

В том же году: «Какова цель жизни и назначение человека? А какое место занимаю я? Самое скромное. А ведь я не прилагал усилий, не пробовал, не испытывал своих сил, способностей. А что ожидает меня в будущем? И эти раздумья в 40 лет. Поздно. Да ещё при таком тупом окружении».

И даже: «Часто мне приходят довольно хорошие песенные мотивы, прямо душа поет. Загублена у меня, наверное, душа поэтическая».

Папа жалуется на одиночество: «Как я одинок. Нет ни друга, ни близкого человека, с кем бы было хорошо, интересно. Всё однообразно. Не работа бы да не книги, можно было бы одуреть». И ещё: «Пасмурно. Холодно. Тоскливо. Одиноко. Нет друга».

Отец понимает, что возможностей для того, чтобы переломить ситуацию, сделать что-то большее для самореализации остается все меньше и меньше.

Он составляет программу действий :

«7 января 1965 года. Я сегодня «великую думу думати».

- 1. Бросить пить совершенно. Ни капли спиртного.*
- 2. Исследовать здоровье.*
- 3. Взять отпуск за два года.*
- 4. Устроиться в аспирантуру обязательно.*

5. *Основательно отдохнуть, укрепить здоровье: курорт, Аиртав, походы, путешествия, прогулки.*

6. *Освободиться от директорства обязательно. И если устроюсь в аспирантуру, год-два поработать рядовым (отдохнуть понюхать – дальше неразб.)*

7. *При любых обстоятельствах переехать в Кокчетав, Степняк, но если не устроюсь в аспирантуру, можно и в Раздольное, если переезжать, можно пока без семьи. Материально – кое-что продать».*

И в апреле 1966 года он пишет опять: «Переехать в Кокчетав любым путём, любым способом»; в июне: «Уволиться, перевестись с помощью Таттыгожина, Боева, Ломакиной, Дудкиной (его начальники). Отдохнуть, подлечиться. Посетить Никифора, Романовича (его друзья). Переехать куда-либо в город».

Отец пишет Наталье Ивановне Запорожец в Москву, делаясь с ней своим желанием учиться в аспирантуре, взять тему для диссертации. Наталья Ивановна работает в институте Академии педагогических наук. Возможно, она могла бы ему в этом помочь. Ответ Натальи Ивановны его обидел. Смысл её ответа он так отразил в дневнике: «Куда вам со свиным рылом в калашный ряд». Мне Наталья Ивановна говорила, что написала отцу в несколько ином духе: «Зачем тебе нужна диссертация? Не стоит за это браться».

Я думаю, что из папы получился бы хороший учёный, в этом, наверное, и было его подлинное призвание: страстный поклонник книги, знаний, устремленный к истине. Будучи аспиранткой исторического факультета Томского университета, я сказала папе: «Ты вполне мог бы защитить и кандидатскую, и докторскую диссертацию» (я и сейчас в этом совершенно убеждена). Папа записал это в дневнике и сделал приписку: «Не реализовал свои возможности». Уверена, что отец полностью реализовался как учитель и педагог. Это ремесло он тоже любил, и с первого до последнего дня работы

относился к нему серьёзно и ответственно, хотя временами и уставал, и всё ему надоедало.

В августе 1969 года папу переводят в Красный Яр Кокчетавской области (см. карту на стр. 8) директором Красноярской средней школы. Это, можно сказать, повышение, потому что Красный Яр – это почти Кокчетав, районный центр, расположенный в 20 минутах езды от города – то, к чему папа всегда стремился.

Мы уезжали из Раздольное со смешанным чувством. С одной стороны нас охватывали приятные волнующие предчувствия: пригород, перемены, новое место, новые возможности, знакомства. С другой – было жаль расставаться с любимым и привычным нашим Раздольным, с подругами, соседями. Этот захолустный целинный посёлок для нас был обжитым, уютным уголком.

После первого курса университета я ездила в Раздольное. Подошла к своему дому. Он выглядел маленьким, жалким, с облупленной ржавой крышей, двор был застроен какими-то торопливыми уродливыми сараями. Наверное, он узнал меня, потому что его окна взглянули на меня виновато: зря ты пришла ко мне, здесь уже нет тепла твоего детства.

Когда, спустя тридцать лет, в 2004 году, мы с Володей и Наташей приехали в Кокчетав на могилу отца и намеревались съездить в Раздольное, моя подруга по Раздольному и Красному Яру Таня Зуева сказала нам: «Не ездите. Там полная разруха и запустение».

Глава 13

НАТАША

В четыре года Наташа задала папе вопрос, который поставил его в тупик: «А зачем мы живём?» «После расскажу», – уклонился папа от ответа.

Этот поразивший отца вопрос четырёхлетней девочки выдал в Наташе изначальное очень серьёзное и вдумчивое отношение к жизни.

В пятом классе она решает быть врачом, и уже никогда потом не отступает от своего решения.

Володя заметил, что в детскую память врезаются события, которыми нарушается обычный ход вещей. Так и первые Наташины детские воспоминания связаны с тем, что она чуть не утонула в луже. Это случилось в Лавровке. Она вышла гулять в новеньких резиновых сапогах. Применения для них не было, так как все лужи высохли, кроме, правда, одной, уже превратившейся в болото. Наташа, желая воспользоваться новыми сапогами по их прямому назначению, шагнула в неё и оказалась по колено в вязкой грязи. Новые сапожки скрылись в чёрной жиже. Она подергала ногами – грязь не отпустила. Тогда она решила упереться руками в дно лужи, чтоб вытащить ноги. Руки погружались в грязь, она уже носом уткнулась в чёрную жижу. Она теряла равновесие, а руки всё глубже тянуло вниз. Положение было отчаянным. Наташу спас папа, который возвращался домой со школы. Он подхватил её, выволок из лужи, правда, без сапог и отнёс домой.

А ещё Наташа в детстве любила летать. Погодные условия казахстанской степи, где расположилось Раздольное, вполне позволяли это делать. Зимой часто дули страшные ветра, поднимались такие бураны и метели, что не видно было домов на

противоположной стороне улицы. Если в такую погоду удавалось улизнуть из дома, то можно было полетать. Наташа становилась спиной к ветру, расстегивала шубку, разводила её полы в стороны, как крылья. Ветер нёс так, что остановиться можно было только тогда, когда нарочно подогнёшь ноги, чтобы упасть в снег. А если побежать по ветру с обрывистого берега реки, да ещё оттолкнуться посильнее – можно было взмыть в небо и полететь «к чертогам самой Снежной Королевы». Главное – не потерять валенки, когда ветер подхватит тебя на меховых крыльшках.

Мы с Наташей вместе боролись с детскими страхами, порожденными безудержной фантазией, побеждали мрачную темноту, которая любила прятаться под кроватью, в кладовке, шкафу, придумывали игры.

Один раз Наташа придумала интересную игру «в травку и речку». Весной в нашей прихожей появился ящик с соломой, в котором важная гусыня высиживала яйца. Мама поселила в доме самую прилежную гусыню, чтобы другие не мешали ей исполнять материнский долг. Когда гусыня сошла с гнезда, чтобы поесть и попить, мы стали вытаскивать солому из ящика и рассыпать её по кухне (это была травка), а между соломой разливать воду, изображающую речку. Гусыне никак не удавалось сесть в гнездо, так как «травки» нам надо было много, мы всё дергали и дергали её из ящика. Когда пришла мама, она застала впечатляющую картину: весь пол усыпан соломой, залит водой, гусыня мечется по комнате, тревожно гогоча на весь дом, яйца в гнезде остывают, и среди всего этого безобразия весело резвятся её дочери. Можно догадаться, что веселье наше было недолгим.

Много наших детских сил было потрачено на борьбу с темнотой. Если темнота – друг молодежи, то она же – злейший враг детей. Вечером, когда родители отсутствовали и нам нужно было одним возвращаться в пустой дом, он был полон пугающей темноты. В то время в Раздольном дома чаще всего закрывались символически – «на щеколду», то есть уходящий прос-

Наташа с двоюродными сёстрами Аней и Галей Поповыми.
Аиртав, 1955 год

то накидывал щеколду на кольцо, давая понять, что хозяев нет дома. Иногда в кольцо вставляли щепочку. Любой желающий мог зайти в дом в наше отсутствие, конечно, порядочные жители этого не делали. Но ведь в дом могли проникнуть и ведьмы, и разбойники. Нам было страшно заходить. Мы звали подружек, брали в руки палки, кочерёжки и шли выгонять лихих людей и всякую нечисть, которая успела завестись в темноте.

Вжимая голову в плечи, мы заходили в дом. Наташа шла первой, такова уж доля старшей сестры: «Выходи!» – размахивая палкой, грозно кричала она неведомой и злобной силе, скрывающейся в темноте. Я, прячась за её спиной, тоже изображала борьбу. Так мы доходили до кухни и включали свет. Вот тебе, темнота! Мы победили! Потом проверяли все углы: не забрался ли в дом какой-нибудь разбойник или вор.

Труднее всего было сражаться с темнотой в спальне. Там стоял огромный гардероб, набитый самой чёрной и опасной

Четырнадцать лет спустя: Галя, Наташа, Аня Поповы.
Кокчетав, 1969 год

тьмой, и кровати, под которыми тьма находила своё последнее и вечное прибежище. Добравшись до выключателя в спальне и включив свет, мы распахивали створки гардероба и начинали возить внутри палками и кочерёжками, чтобы убедиться, что никакое страшилище там не засело.

В гардеробе висел белый мамин костюм. Она нередко находила на нём чёрные следы сажи и не могла понять, где она так перепачкалась. Маме мы не говорили о том, что кочергой выгоняли из гардероба нечисть, порождённую темнотой, понимая, что взрослые про всё это просто не знают, а то боялись бы так же, как и мы.

Потом мы ещё изгоняли «тёмные силы» из-под кроватей. И только после этого чувствовали себя дома в относительной безопасности. Но подкроватная темнота была самой коварной, потому что как только ложишься спать, она густеет в самой непосредственной близости от тебя. Оттуда может вы-

Сёстры Наташа и Вера. Раздольное, 1962 год

лезти рука или ещё что-нибудь жуткое. Я поэтому очень боялась спать с краю. И Наташа всегда защищала меня, оставляя мне место у стены.

Когда родителей вечером долго не было дома, мы, лежа в кровати, боялись заснуть. Нам казалось, что наше бдение охраняет нас от чего-то страшного. Стоит нам заснуть, как поползут по стенке зелёные глаза, красные пятна, влетит в форточку жёлтый чемоданчик, появится в окне какое-нибудь жуткое лицо, вылезет из-под кровати рука. А спать ужасно хотелось. Тогда мы организовывали посменную вахту: сначала Наташа считала до ста, а я спала тревожным, прерывистым сном, потом она будила меня, и я считала до ста, а она засыпала. И так мы по очереди охраняли сон друг друга. Но как только слышался стук двери, и нам становилось ясно, что пришли родители – мы тут же проваливались в беспмятный сон. Родителей все эти жуткие создания сильно боялась.

Конечно, детские страшилки знакомы каждому, побывавшему в детском возрасте. Чтение, рассматривание иллюстраций в них было для меня неизъяснимой радостью.

Наташа придумывала такие страшилки, от которых у меня леденела кровь в жилах. Она и сама боялась их, но ничего не могла поделать со своей безудержной фантазией. Причём она использовала реалии нашего окружения, и в этих страшных рассказах появлялись то соседский барак, то куча навоза возле сарая и стог сена, то семья, похожая на нашу. От всего этого становилась ещё более жутко. В страшилках присутствовали отрезанные головы, сложенные в стог сена, тайная комната в бараке, нет, шкаф, где вверх ногами висят безголовые тела и из них выливается кровь. Думаю, Хичкок мог бы кое-что почерпнуть в её навевающих жуть историях.

Потом Наташина фантазия стала наполняться другими образами. Сестра начала сочинять произведения и сама их «издавать».

Об этих произведениях папа, пораженный писательской и издательской деятельностью старшей дочери, даже записывает в своем дневнике 21 ноября 1964 года: «Сегодня отмечали день рождения дочери Веры. Наташа подарила Вере свое произведение «Дарья», которое она писала два месяца и сама же его проиллюстрировала. Детское, конечно, наивное. Написала своё произведение и Вера!?!?». Сколько ни вспоминала, не могла припомнить, какое же произведение я написала в восемь лет. Всё затмевают Наташины иллюстрированные повести.

Своё первое произведение Наташа написала в 10 лет и, как явствует из папиного рассказа, подарила его мне. Потом она к каждому дню рождения дарила мне свои иллюстрированные произведения, называя их вполне профессионально: «Одно лето», «Шумный двор», «Другое лето». Это для меня была неизъяснимая радость.

Наташа знала цену сюрприза. Она не показывала мне ни одного листка своего произведения, пока не наступит желанный праздник. Рисовала и изготавливала всё тайно. А я из-

Наташа с томом Большой советской энциклопедии.
Раздольное, 1962 год

нывала в сладостном предвкушении грядущего счастья. Подсматривала в окна, когда Наташа что-то мастерила на полу, в её отсутствие обшаривала углы, чтобы хоть одним глазком взглянуть на будущее богатство, которое Наташа тщательно прятала. И вот в свой день рождения утром я находила под подушкой чудесный, вожаденный подарок – общую тетрадь с Наташиным произведением.

Эти истории меня глубоко трогали. Дарья – несчастная девочка нашего возраста, у которой мать была сектантка или просто фанатично верующая, и она заставляла Дарью молиться. А Дарья была пионеркой и атеисткой (заметьте, антирелигиозная тема), она не хотела молиться. Мать стала её избивать. И Дарья ушла из дома и стала жить в заброшенном сарае. Ей во всём помогала её преданная подруга. Потом Дарью взяла к себе её добрая учительница. Но этим всё не закончилось. Мать стала преследовать Дарью, пытаясь вернуть дочь домой.

Произведение «Дарья» «выдержало» несколько изданий и имело продолжение.

А повести «Одно лето», «Шумный двор», «Другое лето» были отражением наших детских отношений — дружб, ссор, влечений, вожделений.

Последнее Наташино уже «зрелое» произведение «Другое лето» было написано в Красном Яре в 1969 году. Она тоже подарила его мне на день рождения с таким предисловием:

«Другое лето» очень похожа на «Одно лето», но здесь много разницы. Эта повесть более мрачная, а та — сплошное веселье. Признаться, мне «Одно лето» нравится больше, чем «Другое лето». Эта повесть про семейные радости и горести одной семьи. А может быть она тебе понравится больше...»

В детской записной книжке, которую мы вели втроем – в ней есть первые Володиные каракули – я нашла полный список Наташиных произведений:

«Я рисовала:

1) *Шумный двор. Одно издание (под «изданием» надо понимать «тома» - тетрадки – В. Л.).*

2) *Про нас и про вас. Два издания.*

3) *Дарья. Шесть изданий.*

4) *Паля. Одно издание, неоконч.*

5) *По найденному пути. Одно издание, неоконч. (Про революционеров – В. Л.).*

6) *Шумный двор (Барак). Одно издание.*

7) *Бесполезная дружба. Одно издание.*

8) *Одно лето. Про нас и про вас».*

В этом перечне нет последнего Наташиного произведения «Другое лето» 1969 года. Значит, он составлен до 1969 года.

Рядом с этим списком ещё один:

«Задумала:

1) *Две девчонки, две подружки не любили побрякушки.*

2) *Что было дальше...*

3) *Про девушку-казашку.*

- 4) Звёзды — смелым.
- 5) В царстве овощей.
- 6) В средние века (про дам и рыцарей — В. Л.).
- 7) Продолжить «Дарью».

Я и сейчас впечатлена размахом Наташиной литературной деятельности, которая продолжалась в течении шести лет.

Составлять списки и перечни – это, наверно, влияние отца. В этой же записной книжке я обнаружила еще один любопытный списочек, составленный сестрой - «Мои любимые конфеты»: «Арахисовые» - в бум., «Батончики» - в бум., «Раковые шейки» - в бум., «Гусиные лапки» - в бум., «Кубань» - в бум., «Заря» - в бум., «Буревестник» - в бум., «Орех в шоколаде» - без., «Красная Москва» - в бум.

Итого: 9 штук.

Внимание к бумажкам (бум.) – не случайно. Бумажки от конфет - фантики мы с интересом рассматривали, и каждый новый фантик оставляли в своей коллекции. Собрание фантиков было почти у каждой девочки нашего поселка. Гордостью коллекций считались обертки от каких-нибудь редких, дорогих конфет: «Трюфели», «Мишка на Севере», «Мишка косолапый».

Коллекционировали мы не только фантики. Собирали цацки. Не уверена, что читателям знакомо это слово. Цацками мы называли небольшие осколки фаянсовой и фарфоровой посуды, на которых обязательно должен просматриваться красивый рисунок. Ещё были коллекции, камешков. Особенно нам нравились полупрозрачные и прозрачные камни. Я до сих пор помню небольшой плоский прозрачный голубой камень. Некоторым давали имена, например: «Белая грудка». Это был круглый, похожий на голубиную грудь двухцветный камешек. Иногда мы ставила камни в стеклянную банку с водой, в воде они оживали. Собирали так же кусочки красивой ткани. Верхом роскоши считались обрезки панбархата и тафты. Но годились также атлас, шелк, крепдешин, даже фланель. Все дело было в цвете и интересном рисунке.

Наташа с подругой Ларисой Тиссен и нашей собакой Спутником.
Раздольное. Предположительно 1966 год

В детстве у нас было немного игрушек, и в покупные игрушки, всякие куколки-голыши мы почти не играли. Наташа, как волшебница, могла превратить в игрушку любую вещь. Она создавала целые игрушечные семьи из совершенно невероятных предметов. Сначала это были бутылки. У нас появилось несколько бутылочных семей. Большие высокие бутылки из-под шампанского или ликера были папами, невысокие и толстые молочные бутылки — мамами, а маленькие баночки из-под сметаны или бутылочки из-под сиропа — детьми. Мы ценили бутылки особенной формы и цвета, составляя из них аристократические семьи. Наташа из бумаги вырезала платья, юбки, шляпки для бутылок, раскрашивала их. Мы наряжали бутылки и начинали играть. У каждой из нас было по бутылочной семье, и мы на ходу разыгрывали какое-нибудь действие, содержанием которого были именно взаимоотношения двух семей. Могли участвовать и другие семьи.

Потом такие же семьи сестра сделала из щепочек и подарила их мне на день рождения вместе с роскошным гардеробом для каждой куколки. У меня, помню, дух захватило от такого подарка.

Чтобы сделать такую куклу, Наташа находила плоскую ровную щепку не больше 12 см, вырезала голову и талию, прикручивала ниткой крест-накрест вместо рук спичку или тонкую палочку и разрисовывала лицо краской или карандашом. Куколка готова. Но можно было ещё сделать волосы из капроновых или шерстяных ниток. Потом из лоскутков шились платья и костюмы. И опять Наташа создавала несколько таких семей, между которыми мы разыгрывали действие.

Одним летом Наташа придумала делать куклы и кукольные семейства из початков кукурузы. Считаю это гениальным озарением. Ведь у початков кукурузы естественные прекрасные волосы, обтекаемая форма и натуральная одежда. Мы ходили на кукурузные поля (благо, их в округе было достаточно) и собирали там початки для наших кукурузных семей.

Особенно тщательно мы искали початки с длинными волосками – это были девушки, с короткими – юноши. Встречались початки с длинными красными волосками. Чуть подвявшие кончики волос закручивались в красивые локоны. Початки с красными волосами мы превращали в принцесс. На зеленую кожу початка очень хорошо ложилась краска, можно было выписывать лицо. А в одежде они не нуждались. Нежные зелёные пелены были отличным нарядом.

Помню, как один раз Наташа сделала куклу из плоского округлого камня, тоже нарисовала лицо, прикрутила нитками палочку вместо рук, нарядила. А ещё были пластилиновые кукольные семейства, тряпичные.

Без преувеличения могу сказать, что Наташины произведения, придуманные истории, игры с созданными ею диковинными кукольными семействами являются одними из самых сладостных переживаний и воспоминаний детства.

Глава 14

ВОЛОДЯ

Володя родился в самом начале эпохи застоя в семье убеждённого коммуниста, бессребреника и в новые времена стал удачливым бизнесменом, основателем крупной компании в Томске.

Его рождение вызвало настоящее ликование в нашей семье.

29 ноября 1964 года папа записывает в дневнике: «Утром в 8 часов увёз жену в больницу (село Куропаткино в четырёх километрах от Раздольное – В. Л.). Командировку пришлось отложить на завтра. До обеда работал по дому. В три часа поехал к жене в больницу. Еще не родила. Родовые муки. Я заглянул в окно. Горько заплакала. Спросил: «Почему?» – «Боюсь».

Это были поздние роды – маме исполнилось уже сорок два года, когда она решила родить третьего ребёнка. Вечером мама родила. Роды прошли успешно.

Я очень хорошо запомнила этот день. Мы сидели на кухне с учителями Альвиной Игнатьевной и Жанной Антоновой – они остались присмотреть за нами и домом, пока мама в больнице. Света не было, тогда такое частенько случалось в Раздольном. На столе стояла керосиновая лампа, по стенам гуляли живые тени. Заходит папа и торжествующе произносит: «Сын!». Я не видела прежде папу таким счастливым. Мы тоже начали радоваться.

На следующий день он записывает в дневнике: «Ура! Сын!!! Мать счастлива. Всё благополучно. И я ликую. Окрылён. Та-

Володя. 1965 год

кое бывает не часто. Даже очень редко. Так хорошо быть отцом сына».

Через два дня после радостного события я со своим другом Женькой Мармута каталась на санках с высокого заснеженного берега реки за селом. Куропаткино было хорошо видно с окраины. Мне пришла в голову идея сходить к маме и братику в «дом род». Нам эта идея показалась замечательной, и мы, радостные и возбужденные, отправились в Куропаткино. А дело было уже под вечер. По дороге с увлечением фантазировали, как мы придем в Куропаткино и спросим у жителей: «А где здесь у вас дом род?» И они удивятся, какие в Раздольное умные, смелые, в общем, необычные дети. С нами была наша собака Спутник, что придавало смелости. На подходе к Куропаткино благоразумная собака развернулась и убежала, как мы её ни звали.

Володя со слонёнком.
1966 год

В Куропаткино мы спросили у встречной девочки: где здесь «дом род». Девочка поводила нас по селу, ничего не смогла показать и, когда совсем стемнело, бросив нас, ушла домой. Мы остались вдвоём на пустынной тёмной улице в незнакомом селе. Никаких фонарей вокруг не было, нас объела чернота. Мы даже не представляли, куда нам надо идти. Повалил снег, поднялся ветер. Стало очень холодно. Нас охватил ужас. Я села на санки и заревела в голос. Женька покорно потащил санки и тоже заревел. И так мы плакали с ним и брели неизвестно куда. Отчаяние наше нарастало. Вдруг из темноты раздался голос:

– Дети, почему вы плачете?

Перед нами появился бородатый дед в огромных валенках и полушубке. Лицо у него было очень доброе. Мы поняли, что спасены. Он привел нас домой. Позвонили в Раздольное (у них был телефон!), где нас уже давно безуспешно искали. Ночью за нами приехала испуганная Альвина Игнатьевна. Так бесславно закончился наш поход в «дом род» к братику.

Когда мама вернулась из больницы, дома устроили грандиозный вечер по поводу рождения сына. Приезжало высокое начальство из Кокчетова: председатель облоно Ломакина и другие начальники: Таттыгожин, Хамзахметов. Папа в дневнике записывает, что гостей было немного. Я вообще не помню, чтобы у нас когда-нибудь было в доме так много народа. Для нас, детей, не осталось места в зале, где за сдвинутыми столами сидело множество гостей.

Виновник торжества во время веселья почивал в спальне на кровати, на большой пышной подушке, подобно принцу крови. Мы с сестрой с увлечением рассматривали подарки гостей: игрушки, погремушки, пелёнки, ползунки, распашонки. Маме подарили вкусно пахнущий малиновый шерстяной платок с белыми полосками по краям, кожаные перчатки и пьянящие своим роскошным запахом духи «Красная Москва».

Папа отмечает в дневнике день, когда сын стал ходить – 28 ноября 1965 года: «Уезжал, сын ползал, а возвратился, он всю уже топает (топ-топ топает малыш). Кстати, я привез граммпластинку «Топ-топ». И на следующий день, 29 ноября, торжественная запись крупными буквами: «Володе год. Сын».

Папа с любовью отмечает, что Володя «потешно пляшет», что «у Володи такие милые детские повадки: размашистая, решительная походка; спокойно так «тё мама?» «тё папа?» «тям», «десь», «песька» (печка)».

Как только Володя начал ходить, мы с сестрой тут же приняли его в свои игры, брат был у нас принцем. Мы делали из тюлевой накидушки мантию, водружали её Володе на голову, опускались на колени и с почтением следовали за ним.

Нам вменяли в обязанности быть няньками. Когда мне это порядочно надоедало, я брала Володю на руки и шла в гости к тем, кто был очень рад повозиться с малышом. Чаще всего к Светловым. У них было четыре девочки и ни одного маленького мальчика. Они с удовольствием играли с Володей, а я занималась приятными делами: ела малину в огороде, перебирала бижутерию в шкатулках, примеряла клипсы, пила чай.

Володя с петушком.
1966 год

До трёх лет Володя был устремлен к простоте первобытного образа жизни, он не любил трусы. Летом, гуляя во дворе, первым делом старался от них избавиться. И потом уже, ничем не стеснённый, бегал, сверкая тугими ягодицами. Мы находили его трусы в самых неожиданных местах: в поилке для утят, под забором, за домом.

В раннем детстве брат спас меня, сам того не зная, от глупой мечты стать актрисой. Вертелась такая в голове. Дело было так.

Папа в школе-интернате вёл драматический кружок. И я попросилась к нему в этот кружок. Отец взял меня и дал скромную роль служанки во французской таверне времен кардинала Ришелье и мушкетера д'Артаньяна. По сюжету юный герой, пионер Вася, с помощью машины времени попадает в прошлое. Сначала его едва не изжарили первобытные люди, потом чуть не продали в рабство. А потом машина времени забрасывает Васю во Францию семнадцатого века, где он и встречается со мной, то есть девочкой-служанкой из

таверны, и другими персонажами. Потом он отправляется во времена Гражданской войны и так далее.

Моя роль заключалась в нескольких словах. Служанка таверны предлагает герою на обед луковый суп, ставит перед ним тарелку и задаёт ему пару вопросов – вот и всё. Спектакль имел успех. Его показывали в школе и сельском клубе. Труппа даже ездила на гастроли в соседнюю деревню Линеевку. Блистательно играл в спектакле роль белого офицера Жумабай. Он был казах и к тому же горбун. Играл так убедительно, раскованно, что ни у кого не возникало вопросов, были ли среди казахов белые горбатые офицеры.

Однажды мы показывали спектакль в раздольненском сельском клубе. И вот, когда я подавала луковый суп герою Васе, из зала по ступенькам на сцену стал карабкаться Володя. Я оставила его на попечении школьников, которых, видимо, так захватило драматическое представление, что они забыли о своем подопечном. Володя увидел на сцене сестру с тарелкой супа и понял, что пришло его время. Потом мама, смеясь, говорила: «Привели ребёнка голодного на спектакль. Конечно, он решил поесть лукового супа». Так всё и было. С дружелюбной улыбкой Вовочка прошел к столу, вскарабкался на стул и с любопытством стал заглядывать в тарелку, стоящую перед пионером Васей. В тарелке была вода.

Я окаменела. В зале начался смех. «Спектакль сорван!» – пронеслось у меня в голове. Актёры все тоже как-то ступешались перед таким натиском непосредственности и стояли в нерешительности. Выручил всех горбун Жумабай. Он просто вышел из-за кулис, взял Володю за ручку и потихоньку увёл со сцены. Спектакль продолжился.

Потом уже я придумывала, как можно было выйти из ситуации: легко подбежать к брату, подхватить его на руки и сказать: «Ах, малыш, давай-ка я отнесу тебя твоей матушке, она тебя давно ищет». Ведь нашла же выход из положения некая знаменитая актриса. Она играла нищенку, вышла в лохмотьях на сцену, забыв снять с руки золотой браслет. В под-

Первое сентября. Володя с одноклассником Валерием Шарафутдиновым. Красный Яр, 1971 год

ходящий момент актриса крикнула: «Я не могу с ним (браслетом) расстаться! Это единственная память о моей умершей матушке!». «А я могла бы ещё спросить у пионера Васи, лукаво смеясь: «Этот малыш тоже из будущего к нам попал?» – вообразала я.

Могла бы... Но окаменела. Нет, в артистки я не годилась. Спасибо Володе, что вовремя дал мне это почувствовать.

Собственно первые детские воспоминания Володи связаны с блужданием по лужам, покрытым тонким ломким льдом, с ожиданием весны. Он каждый день с предвкушением наблюдал, как таял снег у дома и всё шире и шире проступала сухая чёрная земля.

Я помню, Володя бегал на улице в кирзачках с большими заплатами на коленках, в кургузой шапчонке. Но наш сосед по дому, редактор районной газеты «За коммунизм» Иван Артемьевич Щепак неизменно называл Володю «наследным принцем» и относился к нему с почтением, всё норовил его приобнять. Володя старался побыстрее освободиться от его могучих объятий. У Щепака не было сыновей.

А вот его первые школьные воспоминания связаны отнюдь не с улыбкой учительницы и белыми бантиками первоклассниц. В первом классе его сильно избили в коридоре школы. Падая, он ударился о колонну, получил сотрясение мозга и целую неделю лежал дома. Вот такие они, школьные годы.

Однажды папа решил, что на школьный Новогодний утренник Володя придёт в костюме «Дон Кихота», очевидно для того, чтобы в пёструю толпу принцесс, снежинок, зайцев и медведей сын внес идеалы благородства и чести.

Картонные латы, которые напялили на Володю, оказались очень неудобными, грим на лице от жары растёкся. Брат расплакался, размазал грим по лицу и попросил отца снять доспехи. Папа был очень недоволен тем, что сын не выдержал пустякового испытания, и отчитал его в своем кабинете за малодушие.

Володя извлёк урок из этого случая и пошёл в секцию вольной борьбы. Он так усердно там занимался, что даже стал чемпионом района в своем весе. Правда, вес был не очень внушительный – до тридцати килограммов. По такой весовой категории даже не проводили областные соревнования, что Володю очень расстроило. Он жаждал побед.

Потом ещё были бокс, баскетбол, футбол. Кстати, у нас в Красном Яре была неплохая спортивная школа. И не было, наверное, ни одного подростка, который хоть сколько-нибудь не позанимался в этой школе.

Самые яркие детские воспоминания Володи связаны именно с Красным Яром, а не с Раздольным, и речь о них впереди.

Глава 15

АИРТАВ

Аиртав, где жили наши дедушки и бабушки, Поповы и Коровины, дяди, тётки, двоюродные братья и сёстры и куда мы каждое лето ездили в гости, был для нас землей обетованной, желанным и любимым местом, нашей второй родиной.

Станица Аиртав расположена в чудесной лесистой долине на берегу большого озера, окружённого живописными сопками. С одной стороны возвышается округлая Малиновая сопка, затянута голубоватой дымкой, с другой – «Два брата» – две остроконечные сопки-близнецы. Они, я думаю, и дали название местности: «Аир-тау», по-казахски гора-вилы. Прямо на краю деревни у озера расположилась маленькая, безлесая, каменная «Лысая гора», куда мы часто ходили за заячьей капустой.

Зимой Аиртав утопал в снегу, сугробы наметало до самых крыш. Снежными холмами вздымались стога сена во дворах. Из труб бежали к небу клубы синего дыма. Летом дороги покрывались мучнистой мягкой пылью, окраины и пустыри зарастали гигантскими травами, через зелёные ковры конотопы, устилавшие улицы, вились узкие тропинки. Повсюду разгуливали стайки уток и гусей. У дворов белели горы поленьев и чурбаков, пряно пахло сохнувшей древесиной.

Издавна станица делилась на «районы»: «Озёр» – у озера, «Мордва» – край, где жили на одной улице Коровины и Поповы – по левому берегу небольшой с запрудой речушки почти на краю села. Название напоминает о мордовских переселенцах из Саратовской области. И третий район в центре назывался «Вокзал». Родственники не могли мне объяснить происхождение этого названия. Зато охотно рассказали, что

Вид с Лысой горы
на озеро Аиртавчик., 2004 год

в Аиртаве частенько происходили драки между парнями разных районов – ясное дело, из-за невест.

Дома Коровиных и Поповых стояли на одной улице, на окраине, метрах в трёхстах друг от друга в районе «Мордвы».

В центре села стояла бывшая двухэтажная деревянная церковь. После революции её закрыли, сделали там склад для зерна. Купола снесли. В 1939 году в помещении церкви открыли семилетнюю школу, где папа был директором с 1951-го по 1953 годы. А тётя Рая училась в ней после того, как школу преобразовали в среднюю. Я не знала, что аиртавская школа была раньше церковью, но она всегда поражала меня какой-то «нешкольной», вытянутой вверх архитектурой.

До революции в Аиртаве и других станицах были станичные поселковые школы, и казачьи сыновья их посещали. Деда Саша закончил четыре класса, деда Яша – два. Они могли чи-

Дом деда Яши и бабы Даши Коровиных.
Аиртав, 2004 год

тать и писать, а бабушки Ульяна и Дарья были неграмотные, не знали ни одной буквы.

Несмотря на тот ужасающий разгром основ традиционной жизни крестьянства и казачества, который учинили большевики, Аиртав сохранил в чём-то свой старый дух. Может быть, этим он и был так чудесен и притягателен для меня.

Обустройство каждого двора и дома соответствовало некому архетипу, очевидно, вывезенному ещё из европейской России при переселении. Потому что обстановка домов в Аиртаве в точности совпадает с тем, как были устроены дома у мордвы в Поволжье.

В основном в Аиртаве строили пятистенки. Это большая изба, разделённая капитальной стеной на две части: собственно изба, или по-современному кухня, и горница. К пятистенке пристраивались ещё сенцы с кладовой. В кладовке делали боль-

шие пристенные лари для муки, хлеба и стряпни, устраивали полки, на которых держали всякую снедь. Даже очень большие дома всё равно делились на две комнаты. В избе устьем к окну стояла большая русская печь. В углу у печи – ухваты, кочерга, деревянные лопатки для хлеба. На печи – царство чугунок: от маленьких литровых до больших ведёрных. Самовары тогда были ещё не экзотикой, а обычной утварью. Рядом с печкой буфет или полка для посуды. Напротив печи, у входа, – кровать, над которой висел простой ситцевый коврик. Здесь спали старики. Вдоль стен на кухне – широкие пристенные лавки. Наискосок от печи, в углу, где сходятся две лавки – стол. Над столом, в «красном углу», божничка – полка для икон. Там за иконами держали деньги и важные документы.

В горнице стояло ещё две-три кровати с пышными перинами и большими подушками, сундук, стол, табуретки или лавки и ещё круглая печка-голландка. Кровати украшались кружевными оборками, накидушками для подушек, вышитыми салфетками или рушниками.

Так были обставлены абсолютно все дома в Аиртаве, во всяком случае, те, в которых я бывала.

При доме устраивался крытый двор с высокими широкими воротами и узкой калиткой. Во дворе и вокруг него – стайки, баня, сеновал, дровник. Со двора через задний ход можно было попасть в огород, где были ледник (яма со льдом, заменяющая летом холодильник), колодец для полива, грядки, ровные рядки картофеля. В дальнем углу огорода сажали хмель, который буйно вился по шестам и плетню.

Я ещё застала в бабушкиных домах такие старинные предметы быта, как рубель и скалку, которыми гладили белье, железные утюги на углях, люльки. В избе на матку (несущая балка потолка) обязательно вбивали железное кольцо для люльки. В люльке было восхитительно качаться самой и качать младенцев. Она висела в центре комнаты, и мать, готовила ли у печи, пряла, вязала ли, сидя на лавке, всегда была рядом с ребёнком, лежащим в люльке, могла с ним говорить,

Баба Уля с сыновьями у своего дома. Слева направо: папа, Павел, Виктор, баба Уля, Владимир со старшим сыном Владимиром, неизвестный односельчанин. Аиртав, 1967 год

петь ему. На ночь люльку уносили в горницу и подвешивали рядом с кроватью, и опять мать была рядом с младенцем всю ночь. От люльки шла петля, держась за которую, мать могла рукой или ногой, если руки были заняты, качать её.

Ели деревянными расписными ложками. Деда Яша, помню, в руки не брал железные ложки – ел только деревянной. В обиходе были крынки, латки. На полу лежали домотканые дорожки и коврики.

*Мне этот дом и ныне снится,
Лучами заткан воздух в нём.
И держит старая божница
Иконы с Девой и Христом.*

*И как мне память урезонить?
Летит туда, как мотыльки
На свет. Там гладит подоконник,
Обшаривает сундуки.*

*Вот он, мешочек с карамельками? –
Внучатам – по три и гостям.
И сыплются цветочки мелкие
По ярким ситцевым коврам.*

*Узорятся оборки белые
Кроватей пышных, пуховых,
Лежат подушки полнотелые
Там в накидушках кружевных.*

*А в сенцах – дух воскресной сдобы
И вьётся керогаза дым,
И пенку сладкую на пробу
Позволено нам есть самим.*

*Гудит на лавке сепаратор,
Как с крылышек его, взглядишь,
Струя крученая обраты
И струйка сливок полились.*

*И кажется: вот я приеду –
А баба с дедой за столом:
«Садись-ка, внученька, отведай
Чайку с горячим пирожком».³²*

В этнографическом музее «Сибирское ясачное село», в деревне Писаная Кемеровской области много лет стоит перевезённый откуда-то большой дом с закрытыми ставнями из потемневших и потрескавшихся могучих брёвен. Крыльцо сделано из таких огромных плах, что трудно представить себе величину дерева, из которого делали эти доски. Дом кото-

³² Это стихотворение было написано мной в 1999 году.

рый уже год никак не могут превратить в экспонат. Однажды я заглянула через волоковые (узкие, как бойница, без стёкол) окна в подклеть дома. На меня пахнуло удивительно знакомым запахом лежалого, чуть кисловатого ржаного хлеба и мела. «Откуда я знаю это запах?» – вспоминала я. И вспомнила: так пахли аиртавские деревенские дома. Они все пропахли хлебом, который пекли каждую неделю и хранили в ларях. И этот дом в Сибири, которому возможно, сто лет, хранил тот же самый запах.

А что касается мела – это запах извести, которым часто подбеливали русские печи. И вообще белили часто: перед Рождеством, перед Пасхой.

Дома в Аиртаве содержались опрятно. В них не было ни тараканов, ни клопов. Тараканов и клопов я впервые увидела в студенческом общежитии Томского университета (!). В каждом дворе была баня, которая топилась всякую субботу. В выходной день всегда заводилась какая-нибудь стряпня.

Я спросила у тётки Раи:

– Что больше всего любили в Аиртаве из еды?

– У нас любили пельмени, блины, шанежки. Бабе Уле в охотку было стряпать. На Пасху стряпала, пекла, варила всю ночь. Наготовит всего.

– А что было из сладкого?

– Ну, – засмеялась тётка Рая, – если в год одну конфетку дадут, то это хорошо.

– А мёд был?

– Нет, мёда не было. Сахара тоже не было.

А тётка Рая с 1939 года рождения.

Зато грибы солили бочками. Ягоды сушили мешками. Этого в аиртавских лесах было много.

Некоторые блюда я ела только в Аиртаве, например: затеруху, сахарницу. Затеруху готовили из картошки, воды, муки, сметаны и чеснока. Чудесно варила затеруху баба Лена – полная, черноглазая, улыбочивая сестра деда Яши. Она была очень красивой. Баба Лена носила крупные бусы из янтаря и татарс-

Баба Уля и деда Саша
с дочерью Раисой, сыном
Владимиром и внучками
Галей и Таней
Горохвацацкими.
Конец 50-х годов

кие серёжки. Жили они с мужем Михаилом как раз в районе «Озер». К бабе Лене мы ходили за жвачкой, по-деревенскому серкой. Помню смолистый пряный запах серки. Эта серка была для меня каким-то чудом. Баба Лена варила её из бересты, как она говорила. Белую твёрдую бересту она каким-то непостижимым способом превращала в пахучую и тягучую тёмно-коричневую жвачку – серку, которую в деревне все с удовольствием жевали задолго до «Орбитов» и «Диролов».

Потом я спрашивала у разных людей, знают ли они, что такое серка? Но никто, кроме аиртавских, про серку, не знал. Может, её и умела-то варить во всём свете одна баба Лена?

В Аиртаве мы, дети, нередко отправлялись на поиски особенных лакомств. На Лысую гору ходили за молодой заячьей капустой, ели её водянисто-кисловатую сердцевину. На пустырях рвали стебли огромных борщевиков (пучки), напоминающих вкусом свежие огурцы. Особенно мне запомнилась берёзовая пенка, которую я больше нигде никогда не ела, кроме Аиртава. Для того чтобы добыть берёзовую пенку, нужно было найти где-нибудь в окрестных дворах свежесрубленные

стволы берёз, которые привозили на дрова. Мы шли туда с ножами, садились верхом на берёзы, обдирали бересту, потом отдирали коричневую кору. Внутренняя сторона свежей берёзовой коры была устлана нежной полупрозрачной плёнкой – это и была берёзовая пенка. Вкусом она напоминала берёзовый сок, но только насыщенный, как бы уплотнённый.

Я помню особое уважительное и нежное отношение к детям. В гости не приходили без гостинцев для ребятишек. Это могли быть несколько карамелек или пирожки, шанежки, крестики с ягодами, завязанные в тряпицу. Разговаривали с детьми с интонациями какой-то ласковой серьёзности.

Четыре поколения Поповых. Слева направо: баба Уля с внуком Володей (сыном Владимира, третий слева), её мать, наша прабабушка Мария Александровна, с правнучкой Галиной Горохвадацкой, Владимир с сыном Анатолием. Аиртав, начало 60-х годов

Однажды в четырёхлетнем возрасте меня надолго оставили в Аиртаве у деды Саши и бабы Ули. Я очень сильно затосковала по родителям и начала плакать и проситься домой к маме. Меня долго утешали, но безо всякого успеха. Тогда дедушка сказал:

– Ну, ладно, пойдём к маме, надевай боты, пальто.

Напоминаю, что Лавровка была в 20 километрах от Аиртава. Я с радостью оделась, и мы с ним вышли на улицу. Дедушка взял меня за руку и повёл якобы в Лавровку к маме. Горе мое утихло. Уже вечерело. Вокруг блестели лужи с тонким льдом. Дедушка разрешил мне побродить по лужам, похрустеть льдом. По дороге начал разговор о том, что, мол, сейчас ночь наступит, а как мы по ночи пойдём. Сказал, что совсем уже скоро мама сама приедет. И ещё говорил мне что-то ласковое, умиротворяющее, и я в конце концов согласилась вернуться домой, пребывая в самом добром расположении духа. Какой безошибочный с психологической и педагогической точек зрения ход сделал дедушка, хотя вряд ли он когда-нибудь вообще слышал об этих науках.

Несмотря на оголтелую антирелигиозную пропаганду в стране, закрытие церкви в Аиртаве и снос куполов, аиртавцы упорно держали в домах на своих божницах украшенные цветами и вышитыми рушниками иконы Христа, Богородицы, Николая Угодника. Деда Яша иногда торопливо крестился перед едой.

В те годы для меня, ученицы четвёртого класса, пионерки, дочери коммуниста это было, конечно, проявлением невежества и темноты. Начитавшись Тендрякова и Багрицкого, которые живописали об ужасах религиозного фанатизма и о мужестве стойких пионеров-атеистов, я решила провести антирелигиозную беседу с дедой Яшей и вызволить его из тьмы невежества.

– Деда, а бога нет, – заявила я дедушке за столом.

Дедушка спокойно облизал деревянную ложку:

– Щас как дам! – грозно замахнулся он.

Это был сильный аргумент.

Тогда я обиделась, но как всё меняется с возрастом. Сейчас я в восторге от того, как решительно и быстро бабушка отстаивал свою веру перед моим глупым самомнением.

Особенно набожной была баба Уля. Вечерами она подолгу шептала молитвы перед иконами. Когда приехала к нам в Раздольное, внимательно осмотрела картины на стенах.

– Энтэ Богородица, – ласково произнесла она и указала на репродукцию «Сикстинской мадонны» Рафаэля, висящей над нашей с сестрой кроватью. И потом каждый вечер молилась перед этим образом – спокойно, не таясь, не боясь наших детских насмешек. А они, признаюсь, были.

Я помню особенный говор аиртавцев, их словечки, шутовское ругательство: «ян турган», «за какой холерой!», «язви тебя» с ударением на первую букву «я». Мне было непонятно, что это пожелание уязвления, вреда. Казалось, что от слова «визг»: так тебе будет плохо, что завизжишь. И еще: «чичас», «шишнадцать», «ли чё ли», «айдате», «полушалок». Эта речь мне была приятна, да и сейчас ласкает слух.

Братьев называли «братками» с ударением на первую букву «а», а снох младшие сёстры мужа часто звали «нянями». Тётя Рая мою маму всегда звала няней. Бабушек и дедушек величали «бабонька», «дедонька», отца и мать – «тятенька, мамонька». Это потом появились «папаши» и «мамаши». Своих крёстных матерей и отцов дети звали лёлями. Мои двоюродные братья и сестры некоторых своих тётюшек и дядюшек звали лёльками. А у меня, некрещёной дочери коммуниста, их не было. Я завидовала, мне так хотелось тоже называть кого-нибудь ласковым словом лёля.

В Аиртаве придерживались вековых традиций: принято было помогать старшим сыновьям после женитьбы отделиться: построить дом, завести хозяйство. А дом и хозяйство стариков оставалось младшему сыну, который вместе с женой кормил и ухаживал за родителями до их кончины.

Я не могу найти никаких аналогий аиртавского бытия с той ужасной российской деревней – грязной, дикой, нищей, пьяной, которую изображали в своих произведениях А. Чехов, И. Бунин и другие русские классики. А ведь Аиртав к тому времени, как я его узнала, уже пережил свой «апокалипсис». Всё-таки, наверное, давала знать казачья порода.

У аиртавских стариков и старух чувствовалось достоинство. Несмотря на все ужасы и мучения, которые им пришлось пережить, они сохранили какую-то особую статью. Я не могу себе представить, чтобы деда Яша или деда Саша лупили своих жён. Они выпивали, но чинно – на праздник или с гостями, не напивались, не буянили. Могли сказать крепкое слово, но редко и к месту.

Родившиеся до революции, наши дедушки и бабушки – это последнее поколение русских людей, которое несло в себе подлинные национальные, крестьянские традиции. Они ещё успели впитать их с молоком матерей. Ограбленные и униженные, получившие издевательски низкие пенсии по 12 рублей, они упрямо хранили всё то, что не смогли разрушить коммунисты.

А вот уже у поколения, следующего за ними, советская власть выбила почву из-под ног, превратив их в маргиналов. Действительно, кем были их сыновья? Ни казаки, ни крестьяне, ни рабочие. Поэтому и пили, и гоняли своих жён, и стремились уехать из Аиртава. Здесь не было никаких видов на будущее: все женщины работали доярками, телятницами, а мужчины – трактористами и скотниками за мизерные зарплаты. И сейчас там ничего не изменилось.

Ведь и слова-то «колхозник», «деревня» стали приобретать в те годы уничижительный, презрительный оттенок. В них сквозило высокомерие горожан, людей более высокой культуры, к простакам. Я, сельская жительница, на себе это очень хорошо чувствовала. Горожане уже по-другому одевались, говорили, вели себя. И я испытывала зависть к ним, людям другой породы. Они вызывали моё настойчивое любопытс-

тво. Разница между городом и деревней в нашем отечестве разительная, и сколько коммунисты не «стирали» эту грань, они только углубили пропасть. Сначала уничтожили основы крестьянского уклада, а потом деревню, почти бездыханную, оставили выживать, терзая её в очередной раз какими-нибудь бесполезными реформами.

Как-то 1 мая 1963 года, на праздники, мы поехали в Аиртав. Папа пишет, что в Кокчетаве мы взяли такси, но не доехали до Аиртава десять километров, так как на дороге встретилась огромная лужа, и «Волга» не прошла. Мы отправились в Аиртав пешком.

Я очень хорошо помню это путешествие. Был чудесный тёплый весенний день. Мы шли по залитым солнечным светом перелескам. Воздух был так чист, что горизонты отдалились, раздвинулись во все четыре стороны. Оживающие белоствольные берёзы оделись в зелёный пух. Синим серебром блестели лужи. Пробивалась изумрудная трава, и всё вокруг было усыпано подснежниками. Мы с сестрой бегали от цветка к цветку, собирая их в букеты: вот этот подснежник белый, как снег, а вот с чуть желтоватыми лепестками, а тут удивительные сине-голубые. Рядом с нами шли счастливые улыбающиеся мама и папа. Мы пребывали в окрестностях рая.

В Аиртаве непостижимым образом трава была зеленее, и вода слаще, и воздух прозрачнее, и солнце ярче светило, и небеса синели нежнее, и цветы ароматнее благоухали, и снег был ослепительно бел.

Глава 16

ДЯДЮШКИ И ТЁТУШКИ

В Аиртаве в пору моего детства жили родные братья и сёстры родителей. Некоторые, правда немногие, тогда уже уехали.

Вторая сестра мамы, Мария, вышла замуж за Ивана Гаврилова, с которым она дружила с пятого класса, ждала его из армии. Они уехали в Володаровку – районный центр неподалеку от Аиртава. У них выросли две дочки: Маргарита и Татьяна. После смерти мужа Мария уехала к Тане в Самару, где живёт и сейчас.

Младшая сестра мамы, Елена, уехала в Свердловск и там вышла замуж за Николая Кулешова. У них была довольно необычная история женитьбы. Лена своего мужа до свадьбы не знала и десяти дней. Он был военным, служил в военной части под Ванино. Женщин там никаких не было. Ему дали десять дней на побывку, чтоб женился. Он приехал в Свердловск к своим дальним родственникам, те его познакомили с Леной. Они несколько раз встретились и поженились. Повёз её муж в Ванино. Лена потом рассказывала: «Пойдёт Коля к кассам, билеты компостировать, а я сижу с чемоданами, жду его, а сама думаю, а вдруг не вернётся. Вижу: идёт, ну, слава Богу». Надо сказать, жили они в супружестве душа в душу. Хотя у тёти Лены, как мне кажется, был резковатый казацкий характер. Николай Фёдорович был мягким беззлобным человеком. Любил шутку, анекдот, тоже собирал книги.

После окончания службы Николай и Елена вернулись в Каменск-Уральский под Свердловском. Николай работал на алюминиевом заводе в «горячем» цехе, а Елена в швейном ателье. У них родилось двое сыновей: Сергей и Павел. Они тоже

Три сестры. Слева направо:
Мария, Елена, Анна Коровины

были влюблены в Аиртав. Родители часто на лето привозили сыновей к дедушке и бабушке. И уже потом, когда дедушки с бабушкой не стало, Сергей с сыном приезжал на Аиртавское озеро. Тётя Лена и дядя Коля Кулешовы уже ушли из жизни.

Младший брат мамы, Николай Коровин, жил с родителями в Аиртаве. После армии взял себе в жены шестнадцатилетнюю аиртавскую красавицу, веселую, бесшабашную Валю Чепелеву.

В дяде Коле осталось что-то мальчишеское, хулиганское. Он доводил нас, племянников, до слёз, очень артистично дразня наших матерей (конечно, в их отсутствие):

– Идёт рыжая корова с бородавкой на носу, жрёт чужую колбасу.

Имелось в виду, что это про тётю Лену и нашу маму.

Тогда Сергей придумал ответную дразнилку про дядю Колю:

– Идёт чёрный бычок, откушен пятачок.

Семья Николая Коровина. Слева направо: Николай и Валентина, стоят дети Нина, Виктор и предположительно брат Валентины

Наша месть была сокрушительной. Дело в том, что дяде Коле действительно в драке откусили кончик носа. Нос пришили, но след от чьих-то крепких зубов остался на всю жизнь. Дядя Коля оценил способности племянника и забыл про «рыжую корову».

У Николая и Валентины Коровиных родилась дочь Нина, которую я с радостью качала в люльке, за что и мне позволялось потом забраться в уютную колыбель. В Аиртаве же у них родился сын Виктор. После смерти дедушки, в 1969 году, дядя Коля и тётя Валя вместе с бабой Дашей переехали в Кокчетав, где живут и поныне. Баба Даша умерла в 1974 году.

В Аиртаве жили в шестидесятые годы братья и младшая сестра папы.

Павел, его чаще звали Паня, второй папин брат, вернувшись с женой Ольгой и дочерьми Анной и Галиной из Карелии, по-

селится в Аиртаве неподалёку от деды Саши и бабы Ули, на соседней с ними улице. В 1956 году у него родился сын Александр. Дядя Паня – высокий, худощавый, один глаз у него был закрыт бельмом. Отличался весёлым, лёгким нравом. В юности слыл хулиганом, потом остепенился.

Ушёл из жизни очень рано, в 46 лет. Скоропостижно умер в 1972 году от сердечного приступа прямо на работе. Метал сено на базе. За минуту до этого веселил своих друзей байками. Для родственников смерть Павла была ошеломляющей.

Папа после похорон Павла записывает в дневнике: «Хорошили брата в мороз, метель, вьюгу. Странное противоречие в жизни и характере Павла. Родился в жарком августе, похоронен в стужу, мороз, рос хулиганом и шалопаем, стал тружеником и добрейшим человеком».

Младший брат папы Володя в письме отцу, написанном после смерти Павла писал: «Ох, братка Паня, что случилось с тобой!? Он всегда, как выпьет, говорил, мне цыганка нагадала, что не проживу больше 47 лет».

Тётя Ольга после смерти мужа переехала в Кокчетав. Старшие дочери вышли замуж.

Второй брат отца, Виктор, после школы четыре года служил в Морфлоте. В папином дневнике я нашла запись от 28 марта 1956 года о встрече с Виктором после четырёхлетней разлуки. Папа замечает, что брат изменился и внешне, и по характеру. «Меня беспокоит, как он устроится? Никакой специальности. Много детства, наивности».

Но Виктор ничуть не растерялся в жизни. В Аиртаве женился на красивой чернокудрой дивчине Валентине. Потом они уехали в Заозёрное. Дядя Витя по своему складу был сдержан, спокоен. Я запомнила одну философскую фразу, которую дядя Витя, улыбаясь, сказал как-то в ответ на папины возвышенные сентенции: «Только курица от себя гребёт, а человек всё к себе гребёт». У Виктора и Вали родилось трое детей: Любовь, Валерий, Ирина. В Заозёрном Виктор работал в кочегарке, Валя – техничкой.

Виктор Александрович
Попов. Май, 1953 год

Третий брат отца, Владимир, жил с родителями: бабой Улей и дедой Сашей. У него была необычная, цыганская внешность: смуглое лицо, смоляные волосы, круглые чёрные глаза, по характеру импульсивный. Я его помню чаще улыбающимся.

Его жена – Валентина Воронкина, по-девчоночьи маленькая, худенькая, со светлыми прямыми волосами. Оба работали в совхозе. Дядя Вова, понятно, трактористом, а тетя Валя дояркой. В Аиртаве у них родилось трое детей: сыновья Владимир и Анатолий и дочь Татьяна.

После смерти деды Саши в 1967 году Володя и Валя с детьми и бабой Улей уехали в посёлок Степной Павлодарской области, расположенный в 300 километрах от Павлодара. Там было нечто вроде целины – большой фронт работ для механизаторов. Бабушка очень тосковала по Аиртаву. «Здесь ведь гольная степь: ни деревца, ни лесочка», – чуть не плача говорила она о Степном.

Дядя Володя на новом месте работал инструментальщиком, комбайнёром, трактористом. Как нам сказал средний сын дяди Володи, Анатолий, отец обожал технику, возился с ней целыми днями, был хорошим ремонтником. Дядя Володя заработал

ударным трудом высокие награды, орден «Знак почета», стал депутатом.

В папином архиве я нашла около десятка писем, написанных дядей Володей из Степного. Вот одно из них, где дядя Володя пишет о своих успехах:

«Привет из Степного! Здравствуйте, дорогие родные, брат Леонид, сноха Аня, племянник Володя.

С приветом к вам вся наша семья: мама, брат Владимир, сноха Валя, племянники Володя, Толя, Таня.

Во-первых, хочу сообщить, что получили от вас письмо, за которое сердечно благодарим. С ответом задержались. Меня вызывают то на сессию, то на совещание передовиков. Больше ездим, чем работаем. То ездил получать орден. То «обмывка». «Обмыл» так орден, что мои друзья неделю обменивались шапками и шапками.

Работаю я на старом месте. Живём хорошо. Мамашия то немного прибалывает, то опять отойдёт. Был я недавно в Павлодаре, 28 числа, на совещание ездил. Ночевал у Раи. Работает она на старом месте. Только плохо, что она уходит на работу, дочери в школу, а Витю оставляют одного дома. Рая просит, чтобы мама приехала к ним понянчить Витю, то есть присмотреть за ним до весны. Не знаю, вроде бы мама согласилась. Как пойдёт наша машина, довезёт её до Раи.

Леонид, Виктор так нам не пишет письма, не знаем, что с ним. Мы уже ему писали, а ответа от него нет.

Ну, вот пока и всё. Пишите, как у вас, какие новости, ждём ответа. До свидания. Целуем всех крепко,

Владимир. 4.02.74».

Как писал в одном из писем дядя Володя, поселок Степной был порядочной дырой, на почте отсутствовали телефон и телеграф. Он собирался уезжать из Степного в Алма-Ату, «потому что там тепло и фрукты», – писал он папе.

Самой большой достопримечательностью Степного являлся большой канал, на котором была сказочная рыбалка. Дядя

Владимир Александрович Попов с женой Валентиной и детьми Анатолием, Владимиром, Татьяной. 60-е годы

Вова писал нам в письме, что они ловили на канале по 17 вёдер рыбы за одну рыбалку.

Наш брат Володя в 11 лет ездил погостить в Степной. Он тоже был впечатлён именно рыбалкой на канале, признаваясь, что такой рыбалки он нигде больше не встречал. А Володя тогда уже имел вкус к этому делу. Он вспоминает, что они с братьями Вовой и Толей рыбачили на канале с большого камня. Ловили, сколько им было нужно, и сворачивали удочки, хотя клёв не прекращался.

Жизнь дяди Володи в Степном трагически оборвалась. В 1975 году он утонул на канале. Спрыгнул с моста и не выплыл. Дядю Володю похоронили на родине, в Аиртаве. Ему не было и сорока.

Валя осталась вдовой с тремя детьми. Они обосновались в Кокчетаве.

Раиса Александровна Попова
(в замужестве Горихвадацкая).
1958 год

Тётя Рая, младшая папина сестра, родилась перед войной в 1939 году.

На некоторое время папа забирал её в Лавровку – учиться, так как в Аиртаве не было средней школы. Папа хотел, чтобы сестрёнка получила среднее образование, а у тёти Раи, как она сама признается, учёба не шла. Все мысли были о доме, ничего не запоминалось. Какова же была её радость, когда в Аиртаве открыли среднюю школу и она смогла вернуться домой.

Тётя Рая тоже была большой любительницей кино. Билет в кино в Аиртаве тогда, в 1956 году, стоил десять копеек. Рая с браткой Володей тайком от матери брали у кур в гнёздах яйца и сдавали их в магазин. Одно яйцо стоило как раз десять копеек. А баба Уля пойдет в курятник за яйцами и удивляется: «Да что такое!? Куды яйцы девались?!»

После школы тётя Рая работала в Кокчетаве на элеваторе и часто по выходным приезжала к нам в Раздольное. Субботними вечерами мы с сестрой бегали встречать её к шоссе за речкой, по которому шли рейсовые автобусы из Кокчетавы на Таинчу. Раиса быстро превратилась в городскую девушку, и мы с детским любопытством рассматривали её туфли-лодочки, кудри, маникюр, и гордились своей красивой, молодой, весёлой тётей.

Я помню свадьбу тётки Раи. Она вышла замуж за Володю Горохвадацкого. Тот, как сказала нам тётка, с пятого класса был в неё влюблен. Невеста была одета в длинное белое платье фасона «татьяночка», на голове – веночек из восковых цветов с накрахмаленной фатой. Меня поразило серьёзное, даже скорбное лицо тётки в тот момент, когда баба Уля благословляла их иконой.

В Аиртаве они жили в небольшой избушке на берегу речки, а потом, в 1966 году, уехали в Павлодар. У них родилось трое детей: Галина, Татьяна, Виктор. Муж Владимир, видимо, сам по себе был человек мягкий. Любил и её, и детей, но, выпив, становился, буйным, агрессивным. Тётка Рая многое сносила от него с христианским смирением. Маленькая росточком, худенькая, она тащила на себе поистине мужицкий груз: воспитывала троих детей, работала на заводе в горячем цехе, обихаживала садовый участок, воевала с мужем.

Тётка Рая унаследовала горячую веру от бабы Ули. После смерти мужа она перебралась в Псковскую область, поближе к детям, где живёт и по сей день.

Братья и сёстры, как говорилось в Аиртаве, «роднились», то есть писали, встречались, поддерживали друг друга.

И мама, и папа любили своих родителей, братьев, сестёр, всегда ждали с ними встречи. Я помню, что на этих встречах была какая-то живая, непринужденная, праздничная обстановка. Особенно в доме у Поповых, куда в наш приезд собирались братья, племянники. Устраивалось застолье. Братья как будто бы возвращались в детство с его весельем и беззаботностью. Они шутили, подсмеивались друг над другом. То начинали бороться, схватившись, катались по полу. Жёны смеялись и покрикивали на них. Особенно любил бороться папа, всячески подзадоривал братьев, вызывая их на борьбу.

Однажды такая борьба закончилась ссорой. Этот эпизод очень хорошо запомнила Наташа. Ей было тогда четыре года. В доме у деды Саши собрались сыновья, выпивали, начали бороться. Наташа сидела с бабой Улей на кровати. А дядьки вместе с папой клубком катались по полу. Вдруг Наташа услышала,

что кто-то внизу, под телами, жалобно вскрикнул. Наташе показалось, что это папа. Она соскочила с кровати, бросилась к куче и, желая защитить папу, укусила кого-то из дядьев – как смогла – за задницу. Отважные действия дочери имели успех, куча распалась, и папа был спасён. Дальше была какая-то ссора, причину которой Наташа не может пояснить. Папа взял дочь, посадил её на плечи и ночью пешком ушёл в Лавровку. Наташа помнит мрачный ночной лес, ветки, хлещущие по лицу. Веткой сбило панаму. Отец оставил Наташу на тропинке, а сам вернулся за панамой. Несколько мгновений она стояла в совершенном одиночестве среди темного глухого леса. «А вдруг папа не вернётся?», – в страхе думала она. Но вот папина белая рубашка стала приближаться, и Наташа опять оказалась у него на плечах. Заночевали они в какой-то бригаде, в лесу, а утром доехали до дома на машине. Потом папа извинялся перед близкими за своё ребячество.

Отец, как старший, всегда старался поддерживать своих младших братьев, даже воспитывать их. Он увещевал Павла и Владимира, когда у них не ладилось в семьях с жёнами.

Конечно, бывали между ними и ссоры, и размолвки. Особенно поразил меня крайне неприятный, но с точки зрения сегодняшнего дня, пожалуй, курьёзный случай, произошедший в 1965 году, когда папа дал пощёчину младшему брату Владимиру. Владимир с колхозниками ездил сдавать скот в Петропавловск. Из-за волокиты они просидели там пять дней, и с огромным трудом им удалось сдать скот. Папа пишет: «Из-за этого он посмел ругать партию, советскую власть. Не сдержался и влепил ему несколько увесистых пощёчин. Потом понял, что этим не убедишь. Вернулся и часа два или три вдалбливал в его голову истины. Кажется, дошло, но надо почаще с ним говорить на эти темы, просвещать его».

Не думаю, что дядя Володя был в восторге от этого пропагандистского семинара. Но, с другой стороны, не забудем, что в Степном Володя стал передовиком производства, орденос-

Помянем родных. Слева направо по кругу: Аня, Наташа, Галина Павловна Попова, Валентина Воронкина, её сын Владимир, жена Владимира Светлана, дочь Валентины Татьяна, Вера, Николай Коровин. Аиртавское кладбище, 2004 год

цем, депутатом. И с удовольствием писал об этом старшему брату. Может быть, это папино вразумление так повлияло на него?

Баба Уля после смерти младшего сына Владимира жила в Кокчетаве со своей сестрой Анной, в доме недалеко от озера Коба. В 1977 году бабушка умерла, похоронена на Кокчетавском кладбище.

Папа на склоне лет, уже опираясь на свой опыт, сказал мне: «Не забывай родных. В трудную минуту тебе только они помогут». Это был его наказ.

В 2004 году, спустя почти тридцать пять лет, Володя, Наташа и я с нашими кокчетавскими родственниками приехали в Аиртав. Малиновая сопка синела вдаль, «Два брата» неподалёку сторожили долину, кургузая Лысая гора возвышалась на краю села у озера. Так же за околицей в «мордовском» краю

манили к себе берёзовые леса, полукругом обступившие село. Трава стелилась по улицам, бурьян стеной стоял на пустырях.

Только вот домов деды Саши и дяди Пани уже не осталось, их продали и куда-то увезли. На их месте серели камни развалившегося фундамента. И жильцы их обитали совсем в других местах.

На Аиртавском кладбище мы нашли заросшие травой могилы деды Саши, дяди Пани, дяди Вовы Поповых, деды Яши, бабы Даши, бабы Лены Коровиных. Дорогие лица смотрели со старых фотографий на памятниках, возвышались потемневшие кресты.

Тот Аиртав прошлого был для меня реален, а этот, сегодняшний – пуст и призрачен. От развалин фундамента дома Поповых я пошла к дому деды Яши: вот сейчас увижу его. Но дома, который я ожидала увидеть, не было. Я остановилась, с недоверием осматривая маленькие окна, отсутствующую прежде ограду. Всё было другое, чужое.

Потом мы поехали к Лысой горе, забрались на неё, долго любовались озером, лесами.

От прикосновений к воскресшему прошлому детская память начала сладко пробуждаться, и только-только всколыхнулось это давнее счастье, как машины уже умчали нас прочь.

Глава 17

КРАСНЫЙ ЯР

В Красный Яр наша семья переехала в 1969 году из Раздольного. Там мы поселились в центре, в восьмиквартирном двухэтажном доме по улице Советской, 14, сначала в квартире № 1, потом переехали в квартиру № 5.

Кстати, Красный Яр стоит на той же реке Чаглинке, что и Раздольное.

Средняя школа, где папа работал директором, а мама учительницей начальных классов, и где мы все трое стали учиться, находилась неподалеку, на той же улице. За школой шла дорога, и дальше начинались поля.

Красный Яр мне сейчас кажется скучноватым пригородом небольшого областного центра. Мы понимали, что это место, откуда нам, выпускникам средних школ, имеющим хорошие аттестаты и нацеленным на высшее образование, нужно будет уехать, или даже, можно сказать, вырваться, потому что во всей области, кроме захудалого Кокчетавского пединститута, никаких вузов не было.

Наташа училась в Красноярской школе два года, я – четыре, Володя проучился все десять лет. В 1972 году у нас в Красном Яре жил и учился в девятом классе мой двоюродный брат Александр, младший сын дяди Пани. Мы ходили с ним в один класс. После смерти дяди Пани его мать Ольга переехала в Кокчетав. Саша жил с матерью, но десятый класс закончил в Красном Яре.

Папины заботы того времени все сосредоточены на школе и на различной общественной работе, которой у папы было огромное количество и которая, конечно, мешала ему, раздражала. Он пишет о страшной занятости. В его бумагах я нашла

У нашего дома в Красном Яре.
Слева направо: Вера, Наташа с дочерью Аней. 2004 год

листочек, помеченный 1975 годом, где он посчитал, что из 68 учебных дней 26 дней отсутствовал, заседа в комиссиях, сессиях сельсовета, смотрах, слётах, райкомах, партактивах. К тому же он писал, что «замучили праздники, юбилеи, демонстрации, митинги, собрания и прочая дребедень. Учащихся, учителей рвут с уроков, занятий для приветствий, вручений, выступлений на каждом сборище». Это особенности районной школы, которая находится под боком у начальства.

Учащиеся были очень нужны на партийный собраниях, особенно пионеры. Сидит это собрание и час, и два, слушает какую-нибудь очередную галиматью про очередной съезд партии или про дело Ленина, которое вечно живёт и побеждает. И уже это собрание кондрашка берёт от зубодробительной скуки. И тут встанёт председатель и с одобряющей улыбкой на устах объявляет: «Сейчас нас придут приветствовать пионеры». Открывается дверь в зал, раздаются звуки горна

и барабана, и по проходу к сцене за знаменем торжественно шествуют пионеры с поднятыми в салюте руками. В зале – оживление, шум. Пионеры поднимаются на сцену, выстраиваются в линейку. Девочки в бантиках и белых гольфиках, все в белых рубашках, иногда с красными пилотками на головах. Громкими-прегромкими голосами – так того требовали наставники – начинают читать стихи про партию, Ленина, что, мол, хорошо будут учиться и ни в чём не подведут. Я участвовала в таких приветствиях, Володя тоже.

Все-таки велика сила ритуала. Не знаю, как Володя, а я чувствовала и радость, и волнение, и великое единение с чем-то важным и значительным, когда шла за красным знаменем в пионерском галстуке с поднятой в салюте рукой под гром барабана и звуки горна.

В Красном Яре папа вплотную занялся нашим трудовым воспитанием и заставил нас записаться в ученическую производственную бригаду. Школе отводился участок, на котором ученики осуществляли весь овощеводческий цикл от посадки до сбора урожая. Красноярская школа выращивала в основном капусту. Мы начинали с того, что высаживали на поля нежные кустики рассады – сначала вручную, потом на специальных машинах. После этого пололи, подсаживали рассаду там, где она не прижилась. Осенью рубили топорами кочаны капусты. Работали и в жару, и в холод. Рядки тянулись на километр.

Тогда, на красноярских полях я ощутила необъяснимое коварство времени. Мы работали с девяти до двух часов дня. И вот ты уже давным-давно наработался, прополол километровый рядок, устал, проголодался. Кажется, что отпахал десять часов, и по всему надо уже отдыхать дома, в приятной прохладе своей комнаты, но на часах только 11 утра. А после двенадцати время вообще непостижимым образом замирает. И только невероятными трудовыми усилиями его можно было сдвинуть с места.

Володя тоже работал, будучи школьником. В письме отцу он пишет, что летом собирается работать «сначала в бригаде,

а потом ещё в колхозе». В другом письме сообщает: «в ученической бригаде мне осталось работать пять дней. Мне уже там работать порядком надоело. Всё время полем, полем и полем – огурцы, капусту, помидоры».

Самый большой заработок, который я получила в производственной бригаде – 60 рублей, а Наташа – 180 рублей. Деньги мы отдали родителям.

Стала бы я работать в производственной бригаде, если бы не папа? Нет, конечно. Но сейчас, на основе этого подросткового опыта у меня сложилось убеждение, что подросток должен пройти прививку трудом, получить навык работоспособности, иначе в дальнейшем он не будет готов к систематическому труду, к сверхнапряжению. А без этого невозможно решить ни одну серьезную задачу ни в профессии, ни в бизнесе, ни в творчестве. Папа оказался прав.

В папиных бумагах я нашла своё школьное сочинение «Мой отец», которое написала, наверное, в 14 лет, в 1970 году, то есть оно как раз относится к красноярскому периоду. Надо полагать, что это самое раннее моё прозаическое произведение, сохранившееся «с древности». Привожу его целиком с неуклюжим в некоторых местах стилем.

«Моему папе сейчас сорок семь. Я никак не могу его представить в четырнадцать. Может, он был вихрастым, весёлым мальчишкой или, напротив, замкнутым и угрюмым. Возможно, и то, и другое, потому что папа иногда невероятно оживлен и разговорчив, иногда угрюм и замкнут.

Папе сорок семь, из них двадцать лет он работает. Полжизни. Двадцать лет он каждый день встаёт, идёт в школу, приходит на обед, о чём-то озабоченно думает, потом опять уходит в школу и возвращается поздно вечером. Особенно трудно ему было работать в школе-интернате. Постоянные заботы, переживания очень износили папу. Я никогда не забуду, как однажды утонул в школе ученик. Мы были дома вчетвером (папа был в школе), было очень уютно, тепло, за окном тонко свистел ветер и... Это были страшные дни. Я была маленькой

Первый звонок. Папа приветствует школьников.
Красный Яр, 31 сентября 1977 года

и не совсем ясно всё понимала. В эти дни мы жили в напряжении. Папа как-то сразу высох, похудел, я никогда не забуду его таким... Все кончилось благополучно³³.

Я очень много задаю папе вопросов, и, кажется, нет такого вопроса, на который бы папа не ответил. Папа справедливый. Он часто делает мне замечания, но, сколько я ни пыталась потом оправдать себя – не могу. Папа всегда оказывается прав. Уж, видно, много у меня пороков.

Правда, однажды он за что-то меня поругал, потом, через день, он объяснил мне, что был не прав и извинился. За то, что мама меня ругает, он иногда не обращает внимания, и бывают случаи: папа за одно ругает, а мама на это же не обращает внимания.

³³ Только потому, что папа попал под амнистию, а иначе было бы судебное разбирательство.

С папой очень интересно разговаривать, но это бывает редко, когда он обедает да вечером. Папа иронизирует мои отрицательные поступки и, по-моему, считает, что я маленькая ещё.

Папа полностью отдается своей работе. Дома он тоже поглощён в заботы школы и часто не слышит, о чём его спрашивают.

Папа сделал для меня очень, очень многое. Он приучил меня утром делать зарядку, привил любовь к книгам, истории, и я перед ним в неоплатном долгу».

Я была папиной ученицей в старших классах Красноярской школы. Уроки истории он проводил живо, увлечённо, с использованием большого количества дополнительного материала, особых своих разнообразных методик, всегда «на вкусенькое» рассказывал нам что-нибудь интересное. Приносил художественные книги по истории к тем темам, которые мы изучали, и давал почитать всем желающим. Но, правда, обязательно записывал в тетрадку, кто какую книгу взял. Когда он рассказывал, лицо его было каким-то вдохновенным, на губах играла едва заметная улыбка, и этим удовольствием от общения с величественным прошлым он щедро делился с учениками.

Отец был одним из образованнейших людей своего окружения. И он знал этому цену. Круг папиных интересов был поистине неисчерпаем: русская и зарубежная классика, история, музыка, история науки и открытий, изобретений, жизнь великих людей, поэзия, искусство, педагогика. И по всем этим отраслям знаний он собрал приличную коллекцию книг.

Папа, конечно, оказывал огромное влияние на нас. Он заразил меня интересом к истории, искусству, открыл красоту японской поэзии, особенно, творчества И. Токубоку, прочитав как-то мне поэму Токубоку памяти русского адмирала Макарова и его чудесное трехстишие (хокку):

*Дочурке своей пятилетней
Почему-то дал имя я русское – «Соня».
И звать её так доставляет мне радость.*

Небольшой сборник стихов И. Токубоку долгое время был моей настольной книгой.

Отец обладал безошибочным вкусом литературным, поэтическим. Страстно любил А. Пушкина, ставя его выше всех русских поэтов. Он прочел мне однажды свое любимое стихотворение А. Пушкина «Цветок», которое я раньше не знала, и оно очаровало меня:

*Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:*

*Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвел? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?*

*На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?*

*И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок?*

До окончания школы у меня с отцом было полное идейное единодушие. После университета я стала расходиться с ним во взглядах на политику и религию, год от года всё глубже и глубже.

Папа был убежденным атеистом: «Фу, какая пошлость этот бог, который в помыслах у всех великих людей, – писал он, – а ведь раньше почти все великие при разладе с людьми, с жизнью находили утешение в боге, религии. «Бог есть жизнь

Семейное фото: папа, Володя, мама, Вера, Наташа.
Кокчетав, 23 августа 1975 года

(А. П. Толстой). Не лишено здравого смысла». Понятно, что атеистическое высказывание о боге отлучённого от церкви Толстого папе показалось близким.

В своих атеистических взглядах он был бескомпромиссным. 18 апреля 1959 года в Лавровке папа с осуждением записывает: «День Пасхи. На селе поголовная пьянка. Не отстают и некоторые коммунисты». Однажды он устроил в школе-интернате разнос молодым учителям, которые отмечали Пасху. А только-то и было, что вечеринка. Повод собраться и выпить для учителей, я думаю, был важнее содержания праздника и имел мало отношения к самой Пасхе.

Когда у меня начались богоискательские настроения, раздумья, и я поделилась ими с отцом, он был ошарашен и расценил это как болезненность. Это, в свою очередь, ошарашило меня.

Мама же на вопрос о Боге отвечала своеобразно: «Бога нет, но что-то есть». После семидесяти лет она стала ходить в церковь.

Папа был также убежденным коммунистом. Ленин оставался для него кумиром. В год сорокалетия смерти Ленина тот даже пригрезился папе во сне. Он видел, конечно, как в стране высокие слова расходились с делами. Переживал из-за этого. Даже обдумывал планы реформ. Обмолвился мне об этом однажды. Для него коммунистические идеалы на самом деле не были пустым звуком.

Когда я утвердилась в своих антикоммунистических и антимарксистских взглядах, отстаивала их, может, излишне эмоционально, спорила с ним. Он воспринимал это как апломб, гонор человека, который не разбирается в марксизме, истории и коммунизме, хочет покрасоваться. К сожалению, это тоже омрачало наши отношения в последние два года.

В дневниках отца за 70-е годы только работа, работа и работа. Редко и очень кратко записи, касающиеся семьи, детей. Позже, пересматривая свою жизнь, папа признаётся, что никогда личное, семейное не ставил на первое место: «Хорошо это или плохо? Не знаю. Раньше считал правильным». Значит, сейчас сомневается? Но скоро его дневники заполняются совсем другими и очень личными проблемами.

В Красном Яре начались тягостные события, приведшие к разводу родителей. О них папа писал: «Если бы мне когда-нибудь кто-нибудь рассказал, что это всё произойдёт со мной, я бы не поверил».

С 1976 года отец отмечает всё чаще и чаще случающиеся семейные скандалы. Тепло в отношениях между родителями окончательно тает, улетучивается.

В 1977-м скандалы учащаются. Суть этих столкновений по дневникам понять трудно: это раздражение, обвинения, нелестные эпитеты. И вот 30 марта 1977 появляется имя Анны Никандровны Гнедой, которая, по версии мамы, якобы давно является тайной подругой отца. Папа сначала не воспринимает это всерьёз, думает, что мама просто вспомнила старое и пытается уколоть его. Но это убеждение у мамы возникает враз, навсегда, без тени сомнений.

Обвинения «в измене» становятся всё настойчивее, яростнее, и дело принимает катастрофический оборот.

О Гнедых после 1953 года папа упоминает в дневнике два раза. Первый раз – 8 июля 1965 года: двоюродная сестра Шура рассказала папе, что Никандровна продолжает заводить связи с мужчинами, Гнедой тоже в долгу не остаётся. И второй раз в 1975 году, коротко: «Умер Гнедой». Гнедая в конце 70-х годов живёт в Кокчетаве.

Обвинения мамы совершенно лишены оснований. Отец был верен ей все годы их супружеской жизни. Об этом свидетельствуют его дневники. В них он не лгал. Он писал, что хранил верность жене с первого до последнего дня их совместной жизни. Переубедить маму было невозможно. Папа даже предлагал ей почитать свои дневники, но она наотрез отказалась.

То, что произошло с мамой, определяется таким медицинским термином, как «бред ревности». Папа это понял. Проявление ревности было болезненным, подкреплялось фантастическими доводами. Ни в чём другом болезненность не проявлялась. Особенность этого состояния в том, что оно не корректируется, то есть не лечится, а попытки переубедить бесполезны и даже опасны.

Обычно супруги стараются скрыть свои внутрисемейные проблемы от окружающих, а если доверяют их, то только очень узкому кругу. Мама, напротив, с уверенностью и подробно рассказывала об «измене» всем, кого это даже и не касалось.

Она написала заявление в райком партии с изложением всех, на её взгляд, порочащих отца обстоятельств. Там особенно вникать в дело не стали. Папе предложили уйти с поста директора школы. Потом ему пришлось уйти из дома, потому что их совместная жизнь стала невозможна. Скандалы не прекращались. Мама гнала отца из дому. «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас», – решает он.

И так, в 55 лет, отец оказался без дома, без семьи, лишённый любимой работы, оклеветанный.

Папа стал жить у тети Нюры, сестры его матери Ульяны, в Кокчетаве.

Нарастает отчуждение, копятя сложности и во взаимоотношениях с детьми. Папе невыносимо тоскливо, тяжело. Он начинает курить.

Отец записывает в дневник свои сны, они безрадостны, тягостны, пронизаны духом утрат, краха: «Скверный сон, будто давно забытые люди оскорбляли меня, обливали водой». «Сон: взорвалась и развалилась средняя школа №1 (в которой папа работал директором – В. Л.)», «Видел сон: разбили мои грампластинки».

Мама долго не хотела отдавать отцу библиотеку, которую он собирал долгие годы и которая была продолжением его духовной жизни. Это тоже было предметом его горестных переживаний.

Папа пытается собрать в себе силы, противостоять тяжким обстоятельствам: «А ну-ка, не унывай! Будь выше своих невзгод. Только надо выйти из этой кутерьмы с честью, с достоинством». «А почему, собственно, я должен прожить жизнь без волнений, без страданий? Могло бы быть и хуже».

«Не вешай носа, держись! Надо постараться пережить всё это спокойно, с достоинством, с наименьшими психологическими потерями. Я сделаю это обязательно. Втянуться в работу, серьёзное чтение, самообразование».

Мы видели страдания папы. Но мы видели и страдания мамы, её слёзы, она ведь не была виновата в том, что её постигло затмение, которое терзало её и переломило судьбы им обоим. Их разъединили болезненная ревность, следовавшие за этим обиды, неприязнь, гнев. Для нас родители остались объединёнными общей трагедией, в которой трудно найти правых и виноватых, объединёнными нашей любовью к ним.

Думаю, что если бы не особенность маминого состояния, то всё было бы у них более-менее благополучно.

После ухода папа начинает понемногу превозмогать обстоятельства. 10 октября 1978 года он пишет: «Страшное позади. Хуже уже не будет. Легко. Надежды».

Но смертная тоска ещё не раз будет настигать отца. 7 января 1980 года, после размолвки с подругой, Александрой Степановной, отец записывает: «Теперь мне некого ждать, некуда ехать. Меня никто не ждёт». И в этом же году: «Видел сон: все родственники отвернулись от меня. Страшно обидно. Плакал».

К моему горькому сожалению у отца появились недоверие и подозрительность по отношению ко мне. Я узнала это гораздо позже из его дневников. Он подозревал меня в двойной игре (я не порывала с мамой и будто бы подыгрывала ей), в шпионаже(!?). Это после того, как я спросила у тети Нюры, есть ли у папы подруга, в надежде, что он сможет устроить свою личную жизнь».

После тяжёлых испытаний в период развода папа составит список добродетельных женщин, которых он встретил в жизни. В него вошли: Д. А. Ярышева (не известна мне), Т. П. Горохвадацкая, тетя Нюра, сестра его матери, А. П. Ломакина (зав. облоно Кокчетавской области в 60-е годы), Н. И. Запорожец. Всего пять женщин. И рядом был список женщин, которые принесли папе много зла и неприятностей, в нем – шестнадцать имён, которые я называть не буду.

Думаю, что список добродетельных женщин должна была пополнить, будь он составлен позже, Александра Степановна Бутова, подруга, ставшая второй женой отца. Она тоже работала в Кокчетаве – учительницей младших классов.

С Александрой Степановной папу познакомили тётушки, сёстры его матери, Нюра и Екатерина. Они хотели устроить судьбу племянника, найти ему подругу. С Александрой Степановной завязалась дружба. Эта дружба поддержала отца, помогла ему выйти из тяжелейшего состояния. Но ощущение жизненного краха у него так и не прошло.

В 1979 году по приглашению его коллеги Шаврина папа уезжает работать в Сандыктав Кокчетавской области завучем

С Александрой Степановной Бутовой.
Кокчетав. 2004 год

в школу-интернат. Там папе дают квартиру. Александра Степановна приезжает к нему уже в качестве жены.

Пять лет папа проработал в Сандыктаве (кстати, тоже бывшая казачья станица). За эти годы Володя вслед за нами уехал в Томск и поступил в ТИАСУР, я поступила в аспирантуру, Наташа вышла замуж и родила двух сыновей, Романа и Петра. Папа приезжал в Томск на свадьбу дочери, потом к внукам.

В последний приезд отца в Томск Наташа разрешила нам с папой взять маленького двухлетнего Романа ко мне в общежитие понынчиться. Папа невероятно трепетно относился к внуку. Он рассматривал его крохотные пальчики и говорил: «Какая поэзия!»

Весной 1984 года мы узнали о смертельной болезни отца – рак легких четвёртой степени, уже не подлежащий лечению. Александра Степановна привезла папу в Кокчетав. В мае мы трое приехали к нему.

Гуманистические установки советской медицины были таковы, что смертельный диагноз больному не говорился, об этом знали только родственники, которые должны были делать вид, что больной вот-вот поправится. И надо улыбаться, когда хочется плакать, шептаться в соседней комнате. А больной, ничего не ведая, тоскует: почему к нему не приходит врач, почему не оказывают медицинскую помощь, когда ему становится всё хуже и хуже? И человек уходит без приготовления, без всякого напутствия близким, без последнего слова.

Так было и с папой. Но последнее слово папа всё-таки успел сказать, едва слышно прохрипеть перед тем, как способность говорить оставила его: «Архив. Сохраните архив. Денги с Александрой Степановной разделите».

Папа умер 8 июля 1984 года. Похоронили его на Кокчетавском кладбище. Мама на похороны не пришла.

Много лет мы с мамой старались вообще не заговаривать на тему развода. Совсем недавно, когда мама уже слегла, обесилела, она вдруг горько расплакалась: «Надо было мне всё терпеть и молчать, и жить с отцом», – всхлипывала она. Но, наверное, тогда это было не в её силах, ведь убедить её в виновности отца невозможно и сейчас.

Отец в своей жизни не изменил идеалам чести и достоинства, несмотря на испытания, выпавшие на его долю. 3 января 1979 года он записывает в дневнике: «Я живу по своим моральным меркам, нормам, образцам, что чуждо окружающим, и как трудно поэтому мне быть белой вороной, которую все хотят сделать чёрной».

Одна из его сотрудниц в Раздольное, кореянка Ким, как-то сказала: «Мой муж Виктор честный, как Попов». А водитель Тимур, друг отца в Красном Яре, говорил: «Если бы все коммунисты были такие, как Леонид Александрович, то давно бы уже коммунизм построили».

Наталья Ивановна Запорожец в мой последний приезд в Москву сказала мне:

– Ты можешь гордиться своим отцом.

– Я и так горжусь, всегда гордилась, – ответила я.

Последняя запись отца была сделана 16 марта 1984 года: «...Правда рубля, кармана... Им не доступна правда чести, собственного достоинства». Это последние слова в дневнике, который он вёл изо дня в день тридцать шесть лет. Он не был сломлен.

В одной из папок отца, где хранились его бесчисленные грамоты, я нашла маленький листочек с надписью: «Труд мой». Он датирован 10.10.1983 годом. Итоги своей многолетней работы папа, как всегда, представляет в виде списка:

1. 39 лет партстаж.
2. Колхоз. Моинты-Чу.
3. Фронт – 3,5 года; армия – 5 лет (папа – ветеран войны).
4. Педстаж – 37 лет.
5. Директором – 26 лет.
6. Награды, грамоты (грамот в его архиве – 30).
7. Школа далеко не худшая, а по многим показателям – первая.
8. Общественная работа: 15–17 нагрузок.
9. Ни одного взыскания партийного, административного.
10. Ни одной жалобы, анонимки.
11. Всегда лучшим историком считали.
12. Зав областного отдела народного образования на областном совещании назвал лучшим директором в области.
13. Представления: а) к значку «Отличник народного образования СССР»; б) к званию «Заслуженный учитель Казахской ССР» (к этим наградам папа был представлен областью, но не был утвержден в верхах).
14. Лучший пропагандист, лектор.

Эти итоги теперь папе не кажутся ничтожными, он пишет о них с достоинством человека, который много и честно трудился.

Отец первым из нашего рода сумел глубоко и полно запечатлеть в слове свою жизнь так, как он проживал и чувство-

вал её, без прикрас, с духовными порывами и обыденностью, монотонностью существования, в радости и горе.

15 апреля 1978 года отец записывает: «О дневнике: что он дает? Дает. Друг. Облегчает тяжёлые думы. Детям. В будущем может пригодиться как свидетельство дум, если я буду в нём не только о своем личном, но и о современности искренне, о положении в стране, об отношении к Брежневу, его внутренней политике, о его стремлении в «Ленины».

Поистине, мы не можем знать, «как слово наше отзовется». О положении в стране и отношении к Брежневу написаны сейчас тонны исследований, книг и статей. А вот свидетельство отца о своей душевной, духовной жизни, о своих страданиях и радостях, о промахах, падениях и стремлении сохранить достоинство, сохранить верность своим идеалам остается уникальным, потому что любая человеческая жизнь неповторима и уникальна.

В 2004 году, в 20-летнюю годовщину смерти отца, Наташа, Володя и я приехали в Кокчетав на его могилу. В жаркий солнечный день мы с Александрой Степановной среди бесконечных оградок и памятников искали могилу отца. И вот Александра Степановна подвела нас к железному памятнику, увенчанному красной звездой, с которого глядело родное лицо.

Мы думали, какой памятник поставить отцу? Крест, на чём я настаивала, он сам, к сожалению, отверг бы. Стандартные памятники, которыми было усеяно кладбище, нам тоже не хотелось ставить.

Мы решили сделать памятник из простого дикого камня. На окраине Кокчетава, где когда-то резали камни, вместе с мастером выбрали гранитную глыбу. Мастер обработал её, врезал плиту, вмонтировал фотографию, привёз и установил памятник на кладбище.

Наших кокчетавских родственников мы попросили весной посадить сосну на могиле отца, чтобы это напоминало о Чалкарских и Аиртавских местах, которые он так любил.

Глава 18

ДРУЗЬЯ И ГОЛУБИ

Мы с Наташей своих первых подружек завели в Раздольное. Это сестры Лукьященко, Люба Милёхина, Луиза Алексеева, Лариса Тиссен, Элла Эйхнер, четыре сестры Светловы, Таня Илюшина, Таня Зуева.

А первыми Володиными друзьями стали мальчишки из нашего дома в Красном Яре и из соседних домов. Наш дом был восьмиквартирный, и почти в каждой квартире жило по одному-два мальчишки разных возрастов.

Старшие – это Шокан Жумабаев, Вася Кулаев, Сергей Колдаев. С ними хоть и интересно было играть, но они хорошо поддавали младшим. Мама не раз ходила разбираться с Шоканом, за что он, такой-сякой, обижает её сыночка. Младшему – Славке Волкогону, Володя сам поддавал. И после этого уже тётя Валя Волкогон по всему двору искала Володю, чтоб показать ему места зимовки раков. А вот с ровесниками – Олегом Клычковым, Сергеем Колесниковым, Валеркой Шарафутдиновым приходилось выяснять, кто круче, в честной драке.

Володя с благодарностью вспоминает, что почти каждый из его друзей благотно повлиял на его увлечения, занятия, внося какую-то свою мелодию в музыку детства, даже в буквальном смысле.

От них он узнал о рок- и поп-музыке. Сергей Колдаев был страстным радиолюбителем. Володя с Клычковым часто прибегали в его каморку, пропахшую канифолью, где он чинил, паял, ремонтировал, собирал светомузыку. Там было всё ново, интересно. Они слушали музыку, болтали, понятно, курили, приобщаясь к миру молодых мужчин. У Сергея были золотые руки. Он и сейчас лучший радиолюбитель в Красном

Володя – пионер.
1974 год

Яре. Именно Сергей повлиял на желание Володи заняться радиотехникой и поступать в ТИАСУР.

Вася Кулаев любил рыбачить, он брал Володю на рыбалку. Они ездили на велосипедах на Чаглинку или на пруды. Результат был не очень впечатляющий, но иногда случалось чудо. Однажды в Чаглинке куском марли они поймали в мутной воде огромнейшего карася. Мама изжарила его на сковородке и устроила пир для всех юных рыбаков двора. В другой раз на пруду Володя поймал большую щуку. Он помнит до мелочей это волнующее (без иронии – В. Л.) событие: просветы в зарослях, откуда он наблюдал за поплавком, удар по леске, когда щука взяла наживку. Он подсек её и побежал со спиннингом от берега, боясь, что щука утянет его в воду.

А вот Олег Клычев увлек брата голубями. У Олега была маленькая голубятня с парой ничем не примечательных голубей. А по соседству, через дорогу, жил дядя Коля Белоусов, у того имелась отличная голубятня и породистые птицы.

Дядя Коля являлся колоритной фигурой. Из неполных сорока лет пятнадцать он провел в тюрьме, один глаз у него был стеклянный. Он отлично дрался, временами уходил в запои на 1–2 недели, таскаясь с биндюжниками по пивнушкам. И он обладал, по словам Володи, непонятной харизмой, так что два юных голубятника совершенно подпали под его влияние.

Дядя Коля подкидывал мальчишками каких-нибудь своих голубей, не представляющих для него ценности, а они за это благоговели перед ним, служили его командой, пасли его голубей, то есть отыскивали улетевших птиц, выслеживали их, а ночью вместе с сыном дяди Коли, Олегом, отлавливали на крышах.

В шестом классе отец купил Володе голубятню, её выкрасили в синий цвет, и она гордо возвышалась над нашим сараем.

Когда родители развелись и папа уехал в Кокчетав, а потом в Сандыктав, влияние дяди Коли Белоусова стало безграничным. По тем чувствам, которые брат испытывал к дяде Коле, его можно было поставить на место отца. Если дядя Коля прогонял их за какие-нибудь провинности, Володя тяжело

С друзьями. Слева направо: Володя, Вася Кулаев, Слава Волкогон.
Красный Яр, 1977 год

Наш дворик.
Красный Яр, 2004 год

переживал, он всматривался в окна своего кумира, стараясь понять, что же тот делает, хмур ли, весел.

А если дядя Коля хотел поощрить своих адъютантов, он брал их с собой в Кокчетав к голубятникам. Там он смотрел голубей, приценивался, вел разговоры о птицах, а мальчики изображали свиту голубиною короля, который и на самом деле обладал одной из ценнейших коллекций птиц в городе.

И так директорский сынок, пай-мальчик с хорошей успеваемостью и отличным поведением в школе, попал в весьма пёструю и сомнительную компанию голубятников, среди которых были уголовники, мелкие воришки, шалопаи, покуривающие травку, отпетые двоечники. Этот круг был интересен тем, что объединял людей самых разных возрастов – от подростков, каковыми были Олег Клычев и Володя, до стариков. У них в компании был дед, которого все так и звали «дед», ему было лет семьдесят. К нему их привел Олег Белоусов. С дедом

они разговаривали о голубях, играли в карты, курили. Такого разновозрастного общения невозможно представить ни в одной другой компании.

Разведение голубей включает кормление, чистку голубятни, отбор пар для разведения потомства. И самое главное, голубей нужно каждый день гонять: выпускать их из голубятни, чтобы они летали. И это самый волнующий и романтический момент в голубеводстве: смотреть, как голуби поднимаются вверх всё выше и выше, переворачиваются в полете – бьют. Среди голубиной стаи должна быть пара лидеров, которые поднимают голубей высоко в небо. Они должны хорошо и высоко летать.

Утрата интереса к голубям у Володи была связана с тем, что он потерял свою лучшую пару. Они поднялись очень высоко в небо, и тут неожиданно напал туман. Голуби не успели снизиться, их «подрезало», как говорят голубятники. Володя две недели искал эту пару – ездил на велосипеде по всей округе, за двадцать километров, но всё было тщетно.

После этого он уже не смог развести хороших голубей, которые бы высоко летали и увлекали за собой всю стаю. Голуби обленились, и Володя потерял к ним интерес. Часть голубей улетела, других он отдал, голубятня опустела.

В том же юном возрасте Володя встретился и со своей первой подружкой. Это случилось в пионерском лагере. После третьего класса он впервые поехал в лагерь имени Павлика Морозова, и этот лагерь поначалу произвел на него неприятное впечатление. Когда через неделю к нему приехала мама, он расплакался и уговорил её забрать его домой.

Но потом, в 12–15 лет, он ездил в лагерь с удовольствием. Жили в больших палатках, купались в Зерендинском озере, а там действительно роскошные песчаные пляжи. Дети ловили раков и тут же на берегу варили их. Рыбалка грибы, футбол, танцы, первое-второе-третье в столовой и обязательная страшилка на ночь – всё, как в любом лагере.

Часто в пионерском лагере мальчишки наконец-то замечают, что есть девчонки, что они от них сильно отличаются и

Тридцать лет спустя. Володя с Сергеем Колдаевым.
Красный Яр, 2004 год

что некоторые из этих девчонок чертовски хороши. И хочется уже не примитивно дергать их за косички, а смотреть на их круглые голые коленки, ходить с ними по лесу взявшись за руки и танцевать в темноте под «I love you». Такой девчонкой стала для Володи Инна Попп. Она была намного выше его, но это не мешало им гулять взявшись за руки. И хотя завистливые мальчишки дразнили их: «Тили-тили, жених и невеста», Володя все равно не выпускал руку Инны. После лагеря они даже переписывались.

Второй любовью Володи стала Лена Петренко, девочка из соседнего дома. Её я помню: очаровательная синеглазая блондинка, если б ей голубые волосы – вылитая Мальвина. Это была такая тайная платоническая любовь, когда никому нельзя сказать и самому себе страшно признаться. Можно только издалека с замиранием сердца любоваться самой прекрасной девочкой на свете.

После голубей новым увлечением Володи стали музыка и гитара. Появился круг друзей-одноклассников: Олег Шаповалов, Сергей Тупицын, Сергей Юрчак, Вася Коньяков. Они хорошо учились, были нацелены на вузы, и у них сложились такие респектабельные увлечения, как гитара, музыка. Ребята организовали школьный вокально-инструментальный ансамбль, сокращенно ВИА, и взяли туда Володю. Володя на гитаре играл отвратительно. Поэтому он пел. Но пел он тоже отвратительно, поэтому на сцену его выпускали редко. А пела весь репертуар в основном Светлана, подруга Васи Коньякова. Володя же обеспечивал ремонт аппаратуры ансамбля. Пару раз их ВИА выступал на вечерних концертах в клубе. И это увлечение продолжалось до окончания школы и отъезда из Красного Яра.

В письме отцу весной 1981 года, накануне выпускных экзаменов в школе, Володя сообщает свои оценки по всем предметам:

химия – 5, 5, 5;

физика – 4, 5 4;

геометрия – 5;

алгебра – 4;

н.в.п. (начальная военная подготовка) – 5, 5, 5;

литература – 4, 5;

история – 5;

обществоведение – 5;

биология – 4;

английский – 5, 4, 3.

Поступать в Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники Володя поехал вместе с В. Коньяковым.

Хотите знать, что такое чувство свободы? Мчится поезд, стучат колёса, на верхних полках лежат двое юношей, и поезд уносит их к новой, неведомой жизни, где не будет режима дня, школьных дневников, родительского надзора, нравочений, а будет счастье – обязательно!

Володя поступил и стал студентом означенного института.

Глава 19

ПОЧЕМУ И КАК МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ТОМСКЕ

Первой в Томск приехала Наташа – поступать в медицинский институт. Её позвал туда папин друг Алексей Романович Коротченко, с которым папа подружился в Чалкаре.

Алексей Романович сам закончил Томский университет, историко-филологический факультет, знал цену высшим учебным заведениям Томска. Романыч, как его звал папа, влюбился в город Томск, там и остался.

– Давай, Наташа, приезжай к нам! – говорил Алексей Романович с молодым задором и радушием. – Томск – студенческий город. А Томский медицинский институт! Это ж старейший в Сибири вуз! С него Императорский Томский университет начинался!

Наташа приехала в Томск в 1971 году. Не пройдя по конкурсу в первый раз, она не вернулась домой – осталась в городе, работала санитаркой и на следующий год успешно выдержала экзамен.

Потом вслед за Наташей я поехала в Томск в 1973 году и поступила в Томский университет на исторический факультет. А через восемь лет туда прибыл и наш младший брат Володя и поступил в ТИАСУР (ныне ТУСУР).

В 1992 году, обменяв квартиру, в Томск переехала мама.

Ну, а почему же оказался в Томске главный виновник нашего семейного переселения, Романович? Сам-то он был казахстанский, щучинский.

Алексей Романович рассказал нам историю, которая нас удивила. Оказывается, какой-нибудь человек, которого ты и

Папа с Алексеем Романовичем Коротченко
в Раздольном. 60-е годы

не знаешь, и не видел никогда, вдруг каким-то непостижимым образом из прошлого влияет на твою судьбу.

Дед Алексея Романовича, Кондратий Андреевич, был бурлаком в Черниговской области. Он скопил немного средств бурлацким ремеслом и в эпоху столыпинского переселения решил поискать лучшей доли в новых местах. Кондратий Андреевич взял сыновей и дочерей, купил телеги и огромным обозом в 20 с лишним телег вместе с другими переселенцами отправился в Сибирь. Они добрались до Томска, потом до Иркутска. Не остались там, не понравилось им, и они решили возвращаться обратно. Приехали в Томск, и сын Кондратия Андреевича, Нестер (дядя Алексея Романовича) не захотел дальше ехать, остался в Томске. А Кондратий Андреевич вместе с другими сыновьями, в том числе и Романом Кондратьевичем, отцом Алексея Романовича, поехали дальше. Они

узнали, что в Казахстане есть хорошие земли для переселенцев, и направились туда. Так они обосновались в Щучинске, где и родился Алексей Романович.

Когда Алексею Романовичу нужно было выбирать город и вуз для учебы, он выбрал Томск, потому что там, во-первых, жил его несговорчивый дядюшка Нестер, а во-вторых, он знал, что ТГУ – один из старейших и лучших вузов страны.

Первый год в Томске Алексей Романович жил у своего дяди по улице Комсомольской, дом 1, недалеко от набережной Ушайки.

Думаю, что роль в нашей судьбе сыграл не только упрямый дядя Нестер Кондратьевич, который не захотел ехать дальше Томска, но и неизбежный оптимизм и чудесное радушие Алексея Романовича, его влюбленность в Томск, которой он заразил и нас.

Любопытно было узнать, как оказался Алексей Романович в Чалкаре, где подружился с нашим отцом. В 1949 году Алексей с отличием закончил Щучинское педучилище и получил право два года без экзаменов поступать в любой вуз страны. Из этих двух лет один год он решил поработать где-нибудь учителем, чтобы скопить немного денег. Алексей Романович ткнул пальцем в карту Казахстана и попал в село Чалкар. Поистине, это был указующий перст Судьбы.

Глава 20

СТУДЕНЧЕСТВО

Можно привести бесконечный ряд слов, описывающих студенческую жизнь: лекции, семинары, лабораторные работы, прогулы, стипендия, вареная колбаса по два десять, плавленые сырки «Дружба», ночные чаепития, сессии, зачёты, экзамены, общежитие, научка, дискотеки, стройотряды, дружба, любовь, пьянки, драки, прогулки, конференции, экспедиции, практики, диплом. Это всё то, что бывает во всякой студенческой жизни. Мне же хочется подробнее описать то, особенное, что было в нашей с Натальей и немножко Володиной студенческой жизни – это спелеология, туризм и связанные с ними поездки. Итак, слово о спелеотуризме.

В пещеры меня затащила Наташа. От неё я впервые услышала это слово: спелеология. Оно мне показалось тогда странным, неловким, как будто его придумал шепелявый человек. Но и мир, который обозначали этим словом, тоже оказался диковинным, странным и временами крайне неудобным для человека.

Первой моей пещерой была Боджейская. Но рассказать об отдельно взятой пещере невозможно без предисловия, которое я бы назвала: «Элементарные начала спелеотуризма».

Для спелеотуризма ничего особенного и специфического не нужно, кроме одного, самого главного: желания попасть в пещеру и устного заявления об этом желании пред спелеообщинной. Вам тут же расскажут, у кого какое снаряжение можно взять: каски, комбезы, рюкзаки, спальники и прочую мелочь. Если вы немощны, у спелеологов в избытке хватит азарта и энтузиазма, с помощью которых они протащат вас по

Вера – студентка
первого курса Томского
университета.
Университетская роща.
Томск, июнь 1974 года

всем колодцам, шкуродёрам, каскадам и гротам и, как пробку от шампанского, выдернут вас из последнего колодца на свет Божий. Ваша задача – не сопротивляться этому и по возможности не скулить. Вам покажут все красоты пещеры, покатают по подземному озеру, если оно есть. А в самом красивом гроте белый спелеолог, пещерные духи и прочая подземная нечисть посвятят вас в спелеологи. Не больно.

Если у вас нет денег, это тоже не повод не поехать в пещеру. Уверяю вас, спелеотуризм – самый незатратный в денежном отношении вид туризма, так как за годы его существования туристы разработали десятки способов экономии денег. И не все они нечестные.

Найдется же у вас мелочь, чтобы купить билет до ближайшего от города полустанка? Так называемый «посадочный талон» Этого достаточно. Дальше в дело вступают стратегия и тактика. Спелеологи годами коллекционируют старые билеты до традиционных пунктов выгрузки (Красноярск, Абакан, Новокузнецк, Лужба и т. д.). Кому ещё неясно, поясняя: покупаются несколько новых билетов, к ним подкладываются старые

(поезда под одними и теми же номерами ходят годами), туда же кладутся и посадочные талоны. Пачка билетов в руках у руководителя. Группа спелеологов создает атмосферу необычайной спешки, суеты, психологического давления, проводник теряет бдительность – и все вы проникаете в поезд.

Представьте: после прохода чинных пассажиров с аккуратными чемоданчиками и сумками в поезд врываются возбужденные, или, лучше сказать, радостные, молодые люди с блеском в глазах, в потрёпанной странной одежде, с огромными рюкзаками, которые цепляются за все выступы и полки. Это нашествие лучше пересидеть в купе.

Наташа в студенческом общежитии
мединститута. Томск, 1977 год

Будущие гинекологи, шестой курс (Наташа слева).
Томск, 1978 год

Если при посадке количество спелеологов гораздо больше количества наличных билетов (по независящим от спелеологов причинам), каждым входящим произносится магическая фраза: «Билеты у руководителя, там, сзади». И когда в вагон наконец-то поднимается руководитель с не очень внушительной пачкой билетов, важно мгновенно произвести перегруппировку, чтобы количество билетов совпадало с количеством спелеологов. Самых маленьких спелеологов распикивают по третьим полкам, закрывая рюкзаками, прячут в ящиках под нижними полками. Это доля женской половины спелеоотряда. Кое-кому придется бежать в туалет, как только его откроют, постоять в тамбуре. Увы, первый час поездки, пока бдительность проводников не придет в норму, надо будет пострадать «за други своя». А дальше... А-ля, у-лю!

По закону, подобное притягивается подобным – спелеологи собираются в одном купе, размещаются на всех шести полках, гроздьями свешиваясь с верхних, пьют чай, орут песни. И пусть проводник считает, сколько хочет: «А мы из соседнего вагона пришли! В гости!»

Чтобы не мучили угрызения совести по поводу того, что министерство железных дорог не досчитается нескольких сот рублей (а они, признаюсь, никогда не мучили мою в общем-то совестливую натуру), хорошо думать под стук колёс о бесполовых потерях на производстве, о неисчерпаемых богатствах нашей необъятной Родины, о её просторах и ресурсах, о маленьких зарплатах, которые не соответствуют богатству Родины и трудовому энтузиазму народа. Что значат в этих гигантских масштабах несколько некупленных билетов? Ничто. И потом. Кто здесь едет без билета? Покажите пальцем. Нет такого. Поезд и так придёт по назначению. Ну, привезёт он несколько лишних килограммов, суть романтических душ спелеологов. Ему, поезду, от этого никак.

Хуже, когда ревизоры. Эти идут с двух сторон вагона, постепенно сжимая оцепление. Тут уж надо применить всю изворотливость, смекалку и ловкость, чтобы убедить их в непричастности нас, туристов, к безбилетничеству. Признаюсь, несколько раз они нас победили, пришлось докупать билеты, но только на количество пойманных.

Мы научились сами компостировать билеты, когда к кассам прорваться было невозможно. Это очень просто: по прибытии нужного тебе поезда узнаёшь, какой вагон в нём общий, ставишь на обратной стороне билета, как это делается в кассах, номер поезда – дробь и номер вагона, и уверенно заходишь в отмеченный тобой вагон. Раньше мы ещё пробовали дырочки пробивать на билетах, но это оказалось лишним, только испортили билеты. Проводники на дырочки не смотрят.

Именно так я однажды уехала со станции Чу, где очередь, отсутствие билетов и мошенничество кассиров и проводни-

В пещеру. Стоят (слева направо): Н. Буржинская, Наташа, Аваз.
Сидят: Вера, Л. Задирако, Володя. Хакасия, 1975 год

ков, надеющихся на левую выручку, сулили мне чуть ли не сезонное пребывание совсем не в курортных условиях. Я полдня промаялась на вокзале, провожая один за другим уходящие на север недоступные мне поезда. Наконец, терпение мое кончилось, и я «закомпостировала» свой билет на подошедший к перрону очередной поезд. Когда я зашла в общий вагон, то с удивлением обнаружила, что он почти пуст, так что даже проводник, кажется, был мне рад.

Однажды сестра вернулась после поездки закопчённая, как шахтер: «Ты что, не умылась после пещеры?» «Нет, мы на крыше вагона возвращались». Действительно, самые преданные спелеологии отправлялись в пещеры даже тогда, когда денег едва-едва хватало на «посадочный талон». А оттуда возвращались на товарняках и крышах вагонов. К сожалению, мне ни разу не приходилось возвращаться на крыше вагона.

Но так как и реальные, и виртуальные воспоминания о прошлом сделаны из одного и того же материала и потому имеют равные права, я могу «припомнить», как я возвращалась на крыше вагона из пещеры, ну, скажем, Торгашинская близ Красноярска.

Мы сидим на крыше последнего вагона. Поезд зелёной змеей петляет среди перелесков. Перед нами во все стороны, куда ни взглянешь, даль и ширь. Леса в нежной молодой листве, свежее-изумрудные холмы, чистые небеса. Иногда мы слышим низкие трубные гудки поезда, похожие на крики перелётных птиц. Мы и сами сейчас, как перелётные птицы. Где остановимся – там и дом. Разобьём у ручейка палатку, кинем в неё спальники, разожжём костёр, вскипятим воду в котелке, заварим чай – и вот уже место обжито и чем-то дорого нам.

Но пока мы едем на крыше вагона. Ветер обдувает наши лица. С нами Валерка Якубовский, сердцеед и хронический романтик. Девочки в него влюбляются учебными группами, туристическими клубами и всеми женскими компаниями. Валерка из тех людей, с которыми хотят быть все: друзья, девушки, «новички», «старички», потому что ему для себя ничего не нужно. Главное – с друзьями и с гитарой поехать в какую-нибудь дыру или на гору или просто поехать. Поёт он без всякого нарочитого артистизма, просто и искренне. Мы замираем и впадаем в длительный транс от его песен. Петь он может ночи напролёт, а мы – ночи напролёт его слушать. Но сейчас, на крыше вагона, мы поём хором, под стук колёс и шест ветра про то, как «люди идут по свету» и что «им немного надо», ну, палатка, веселье и т. д.

Ездили мы только в общих вагонах. Плацкарт – роскошь, которая позволялась лишь в исключительных случаях: когда не продавали места в общие вагоны. Считаю примечательным тот факт, что всю Транссибирскую магистраль от Томска до Владивостока и обратно мы с друзьями летом 1978 года проехали в общем жестком вагоне.

Готовность номер один... Слева направо: Володя, Л. Задирако. С. Ким, Вера, Наташа, Аваз. Хакасия, пещера Кашкулак, 1975 год

Даже в столь дальнюю поездку мы взяли одного «зайца». Оля и Марина должны были спать вдвоём на верхней полке. Всего лишь пять суток. Марина была коротко стрижена и ночью крепко обнимала Олю, чтобы не упасть с полки.

И вот на вторые или третьи сутки, когда они сладко спали обнявшись и как-то раскрылись (а была инструкция: спите укрывшись), проводница увидела их, приняла Марину за парня и подняла шум: «Вы что делаете, бессовестные?! Это что такое?! Совсем стыд потеряли!» Она стащила Марину с полки. «Так ты девушка!?» – проводница с изумлением смотрела на Марину, хрупкую молодую девушку. Однополая любовь была тогда ещё такой экзотикой, что, конечно, проводники и подумать об этом не могли. Женщина с изумлением смотрела на Марину и не могла понять, зачем та спит на полке с Олей. О том, что в её вагоне третьи сутки едет безбилетница, кото-

рую она много раз видела и поила чаем, ей не могло и в голову прийти. На шум проснулись все мы и взяли Марину в круговую оборону. Сказали просто: мы студенты, туристы, едем на Дальний Восток, денег у нас мало и Марина – «заяц». Вообще-то, все такие дела улаживала Оля Володарская. У неё был тонкий, жалостливый голос и убедительные аргументы. Она и уладила всё так, что проводница на оставшуюся часть пути стала нашим добрым другом и покровителем. Думаю, что не обошлось без доплаты за билет.

Кстати, это было не последнее испытание для Марины в нашем путешествии. Во Владивостоке мы гуляли по городу, потом уехали отдыхать на острова «в океане» – Рейнеке и Попова. Там чудесные песчаные пляжи, чайки, мидии, из которых мы варили суп. Даже серфинг у нас был, но на нём никто не умел кататься. Настало время возвращаться. На последние деньги купили билеты до Томска и провизию – точно на неделю.

Подходили к вокзалу группами. Марина почему-то отдельно от нас. Марина пришла первая и села со своим билетом в вагон. А мы опоздали – поезд ушёл. Без денег с пропавшими билетами мы остались во Владивостоке. А Марина с 26 копейками в кармане поехала по Транссибирской магистрали в сторону Томска. Все дела опять улаживала Оля. Она пошла к начальнику вокзала, долго объясняла ему, что денег нет, что мы студенты, что опоздали по не зависящим от нас обстоятельствам. В общем, ей удалось пробить советскую железнодорожную бюрократию, и нам бесплатно дали новые билеты на следующий день. А Марина купила на 26 копеек булку хлеба и потом прибилась к каким-то демобилизованным солдатам, которые подкармливали её до самого Томска.

Пещеры располагаются там, где им определила место природа, не считаясь с близостью автомагистралей, железнодорожного полотна, удобных стоянок и прочее. Чаще всего не вдалеке от маленьких деревушек, проселочных дорог, и это в лучшем случае. Запросто бывает так, что до пещеры приходится топать 10–20–30 километров от ближайшего населён-

ного пункта. Поэтому важно в этом ближайшем населенном пункте отыскать «точку». Это может быть сельский клуб, спортзал школы или какая-нибудь кочегарка, где можно оставить рюкзаки, переодеться, перекусить и потом в полной боевой выкладке отправляться в пещеру: в касках, с фонарями, в немыслимо потрёпанных комбинезонах (уж не знаю, после скольких поколений спелеологов донашивала я доставшийся мне комбинезон), в обвязках, с аккумуляторами на боку. А какое счастье вернуться в эту «точку» после пещеры, морозной ночью, уставшими, голодными и грязными.

Думаю, что самая роскошная в мире гостиница не дала бы такого ощущения блаженства, какое подарила грязнющая, пахнущая углём и мазутом жаркая кочегарка после моей первой пещеры – Боджейской. Холод, который, казалось, вознамерился стать частью внутренних органов, наконец-то оставил меня, тепло нежно-нежно окутывало и ласкало. Грязный комбинезон в рюкзаке, а на мне вполне приличная куртка. Всё кончилось: больше не надо ползти по шкуродёру, прыгать по каскадам, подниматься по проволочной лестнице, обходить гроты, мёрзнуть в тупиковых ходах. Теперь ты просто лежишь на груди рюкзаков – перевозданный покой. И везде тепло – везде, даже в тех частях тела, которые не могли согреться последние пятнадцать часов.

И вот к этому блаженству ещё добавляются ароматы свежезаваренного чая и лимона, перебивающие застоявшиеся угольные запахи. Значит, сейчас я выпью этот чудесный горячий чай с хлебом, маслом, сгущёнкой и, может, даже сыром.

Новичков непременно знакомят со спелеофольклором, главным персонажем которого является «белый спелеолог», по аналогии с «черным альпинистом» у приверженцев горных восхождений.

Белый спелеолог – это призрак погибшего в пещере туриста. С его гибелью связано какое-нибудь низкое предательство или трусость друзей, обречших его на неминуемую смерть. Поэтому характер у белого спелеолога скверный и мститель-

Шкуродёр.
Пещера Орешная, 1976 год

ный. Подобно чёрному альпинисту, он появляется как вестник опасности и беды, причиной которых может быть и он сам. Он может верёвочку подрезать, камешек на вас сбросить, заморочить голову в лабиринте, так что вы трое суток будете там блуждать и не вспомните дорогу назад. «Старички» рассказывают о нём так убедительно и виртуозно, что не захочешь, а поверишь. Ещё ведь никто не доказал, что призраков нет. Стоишь где-нибудь на дне колодца один, кругом чернота. И вдруг такая жуть возьмёт: вот появится он сейчас – что с тобой будет? С ума спрыгнешь. «Его нет, его нет! А если он и появится, я не поверю – это просто мне покажется. И я не испугаюсь, потому что это мираж» – так я себя успокаивала.

С белым спелеологом мне всё-таки пришлось встретиться – опосредованно, через сестру. Мы поднялись из пещеры Саксырская, которую с трудом отыскивали в степях Хакасии.

Наташа в альплагере.
Кавказ, альплагерь “Шхельда”, 1979 год

Наташа оставалась в пещере последней. Во входном колодце она маркировала верёвки и подавала их наверх. Когда она наконец выбралась из колодца, на её лице были неподдельный испуг и смятение:

– Девчонки, что сейчас было! – задыхаясь проговорила она.

– Что?! Что!?

– Лучше вам этого не знать!

– Да говори же!

Мы заставили её всё рассказать.

– Сижу я маркирую верёвки. Уже немного осталось. И как-то мне не по себе стало. Думаю: надо быстрее наверх подниматься. Я последнюю верёвку отправила. И вдруг мне показалось, что в углу – там, где тоннель начинается, что-то как будто светлеется. Меня такой страх охватил, я быстрее к страховке пристегнулась и наверх по лестнице полезла. И

вдруг слышу снизу такой хриплый низкий голос: «Девочки, куда же вы? Я вас так долго ждал!» Я как рванула!

– Да ты врешь, врешь! – мы нервно похихикивали.

– Хотите – верьте, хотите – нет. Я это слышала, – отрезала Наташа. Лицо её было серьёзно.

Конечно, всё это могло ей пригрезиться от напряжения, усталости и, так сказать, сенсорного голода. Но научное объяснение не рассеивало ту жуть, которую она на нас навееала.

Вечерело. Кругом безлюдье. До ближайшего населённого пункта километров десять. Торопливо мы собирали рюкзаки. Время от времени со страхом косились на чёрный провал пещеры. «Кажется, не известны случаи, чтобы белый спелеолог появлялся вне своего привычного места обитания», – вспоминала я.

Только в Томске Наташа, смеясь, рассказала, что всё это она выдумала, чтоб нас поугаить и разыграть. Но целых двое суток я находилась под впечатлением встречи с белым спелеологом.

Так вот, первое спелеопутешествие я совершила на Восьмое марта в пещеру Боджейскую. Март для Сибири – месяц зимний, холодный. Но мне сказали, и это оказалось чистой правдой, что температура в пещере и зимой, и летом всегда одна и та же – плюс одиннадцать градусов. Хотя порой, уже в самой пещере, мне она казалась немилосердно ниже.

После сельской кочегарки мы долго шли в морозной темноте по каким-то дорогам и тропкам, известным только нашим проводникам. И потом они сказали: вот пещера – а там была опять просто неразличимая темнота.

Пещера начиналась входным тридцатиметровым колодцем. Когда дошла очередь, мне пристегнули к обвязке страховочную верёвку, дали вторую верёвку и сказали: «По ней спускайся «коромыслом». И я заскользила по верёвке вниз, в черноту, неведомо куда, потому что мой налобный фонарь выхватывал только куски обледенелой стены, изморозь, потом глинистые потёки, камни. На меня надвигался неведомый, пугающий

мир. И вот я встала на дно колодца. Мне отстегнули страховку и, как полагается, заорали страхующим: «Дошла!» Верёвки уползли наверх. «Как всё странно, чуждо. Зачем я здесь? И я ли здесь? И выйду ли отсюда?» – полная страхов и странных предчувствий, я сделала свой первый шаг по дну пещеры.

А теперь позвольте мне сделать лирическое отступление в связи с этим первым шагом. Сотни туристов делали этот первый шаг в подземном мире. И он приобщал нас к первооткрывателям, которые совершали первые шаги по дну океана, по вновь открытому континенту или даже по Луне. Ведь в человеческих ощущениях нет особого чувства, связанного с тем, что он впервые ступил конкретно на необитаемый остров или на дно Мариинской впадины. У нас в мозгу есть ограниченный набор переживаний, которыми мы откликаемся на самые разнообразные события внешней жизни: покой, счастье, радость, грусть, страх, отчаяние, боль.

Люди испытывают сходные чувства в сходных обстоятельствах, связанных с освоением неведомого, нового, необычного мира: это чувство особого, почти радостного волнения, ощущение опасности, обостренность всех чувств и сомнение в реальности всего происходящего, граничащего со сновидением. Я думаю, что именно такие ощущения испытывал европеец, когда он впервые ступил на неведомый ему континент в Тихом океане, или американец, когда он сделал свой первый шаг на Луне. Ну нет в наборе человеческих переживаний чего-то специфического для полёта на Луну. Конечно, зрительные образы при этом были разные. Но едва ли в такой ситуации возможно безмятежное любование диковинным, необычным миром.

Ещё более я убеждаюсь в своём мнении, когда вспоминаю те чувства, которые охватили меня, когда мы выбрались из подземного мира на белый свет. В пещеру спустились поздней ночью, а поднялись днём. Часов пятнадцать мы пробыли без солнечного света, из них, может быть, десять – в сдавленных холодных коридорах и гротах.

На высоте птичьего полёта. Володя справа.
Киргизия, 1982 год

Но нас ждали и чудеса. В глубине пещеры было небольшое озеро, на берегу которого мы обнаружили резиновую лодку. С восторгом мы плавали по чёрной воде, осматривая удивительные берега и покрытые цветными натечностями стены грота, в котором разлилось озеро. Потом мы зажгли свечи на берегу, разожгли примус и вскипятили чай. Ну, как вам: горячий чай со сладостями при свечах в пещере у подземного озера?!

И вот, после всех трудностей и радостей, потеряв ощущение времени, уставшие и измотанные, мы стали подниматься вверх. В последнем колодце чувствовался уже земнородный морозный дух.

Я выползла из пещеры. Нежный рассеянный свет стоял меж изумрудных сосен. Их стройные стволы вырастали из белого снежного покрова. Медленно кружились крупные гроздья пушистых снежинок. Они были такими большими, что я, ка-

залось, слышала их легкое шуршание. Я вдруг ощутила такую любовь к этой земной красоте, такую радость встречи с ней, такую ощущают, наверное, космонавты, выбираясь из своих капсул после приземления – я вернулась из страшного подземного мира на сказочно красивую землю живой и невредимой!

После полёта первых космических туристов я могу ответить на вопрос, который нам задавали удивленные попутчики, видя наши неподъёмные рюкзаки, промокшие грязные штормовки и усталые лица: «Сколько вам за это платят?» Ну, если не точно на этот вопрос, то на близкий к нему: «Во сколько оценивается вся эта ваша затея с пещерами?» Если мы после выхода из пещеры испытываем хотя бы 1/20 тех ощущений, которые переживают космические туристы после благополучного возвращения на землю, то это стоит один миллион долларов.

Самые экстремальные ощущения я получила в зимнем спелеолагере на Кавказе, куда поехала на втором курсе на каникулах вместе с сестрой и подругами из мединститута. Сначала мы долго-долго ехали на поезде из Томска до южного приморского города в Грузии – Хосты. Томских спелеологов был целый вагон. Мы перезнакомились, перепели все песни, выпили цистерну чая с и съели тонну кабачковой икры с хлебом.

Поезд вышел к Чёрному морю и вдруг остановился. Бывалые спелеологи не раздумывая бросились к безлюдному берегу, разделись и прыгнули в холодные свинцовые воды, невзирая на хмурую пасмурную погоду. Я не решилась. Поезд простоял ровно столько, сколько было нужно, чтобы все желающие искупались в море (наверное, это традиция), а потом повёз нас дальше к неведомой Хосте.

Хоста – курортный город, и это чувствуется даже зимой. Красивые женщины в дублёнках и модельных туфельках беззаботно гуляли с праздными мужчинами. И мы в видавших виды штормовках и грубых вибрамах посматривали на них с не меньшим высокомерием. Нам хотелось выйти к морю, чтобы побыть с ним, «омочить рукав» в «Русском море», так,

кажется, называли его наши предки. Петляя между заборами пансионатов и домов отдыха, мы добрались до берега уже в абсолютной темноте. Не было никаких огней, ни луны, ни звёзд. И не осталось никаких шансов увидеть море. Мы слышали только тяжёлый шум морских волн. Море в буквальном смысле было чёрным, слившимся с ночной темнотой. Но даже эта слепая, тяжко шумящая темнота волновала и тревожила меня – ведь это было море, которое я так близко никогда не видела, а теперь только слышала и ощущала его дыхание, мощь, холодную влажность и потаённую красоту.

Из Хосты мы куда-то ехали на автобусе, потом наняли трактор, который повёз наши рюкзаки, палатки, спальные мешки в горы. И вот мы на Буковой поляне. Девственный покров снега, высокие раскидистые деревья – нигде никаких следов пребывания человека. Только посреди поляны из-под снега торчали какие-то тонкие жерди. Это и был спелеолагерь. Здесь следовало жить: спать, есть, уходить отсюда в пещеры и возвращаться.

Стали ставить палатки, возводить навес над кострищем, мастерить вокруг него лавочки. К вечеру между покрытыми снегом величественными деревьями поплыл дым, запахло супом с тушёнкой. В горах темнело быстро. И звезды, и луна здесь были ближе к земле и светили незнакомым для нас, северян, необычно ярким светом.

Пещеры на Кавказе такие же холодные, как в Сибири, но при этом ещё сильно обводнённые. У них и названия-то неприветливые: «Осенняя», «Заблудших». У «старичков» были «гидры» – проклеенные резиновые костюмы. Ну а мы, новички, после пещер выходили абсолютно, вплоть до нижнего белья, мокрые.

Потоки воды в пещере задорно прыгают по уступам, весело журчат, блестят и искрятся в свете фонарей, но тебя не обмануть – вода в пещерах ледяная. И надо подняться по этим каскадам наверх. Или останешься в пещере до прихода спасотряда, или изволь искупаться, принять, как говорится, ле-

дяной душ. А тебе и так уже давным-давно не тепло и не сухо. И вот ты в отчаянии бросаешься вперёд – и ледяной поток жадно заглывает тебя. Обжигающе холодная вода льётся за шиворот, за пазуху, бьёт под дых, а тебе остаётся только судорожно передвигаться быстрее, быстрее вверх, к спасительному выходу.

На выходе уже темно и снежно, иногда морозно. В заледевших комбинезонах бежали в лагерь. В палатку мокрым не полезешь, поэтому прямо на снегу раздевались чуть не до гола (не до церемоний!), снимали с себя всё мокрое, надевали самое драгоценное, что было на тот момент, – сухую одежду и потом быстрее бежали к костру. До следующего дня надо было хоть что-то подсушить, и, конечно, не оставляло желание согреться. Согреться у костра можно было только в некоторых местах: пока греешься «фронтом» – замерзают «тылы», пока отогреваешь «тылы» – «фронт» опять требует разогрева. Но вот ночью в брезентовой палатке и толстом ватном спальнике, надев на себя все оставшиеся сухими вещи, можно было наконец-то равномерно согреться, правда, только до утра.

Удивительно, что в лагере никто не болел. Кроме одной девочки, которая в пещеры не ходила, да и вообще, видимо, не представляла, куда завезут её «эти ребята».

Закроешь глаза, станешь засыпать, – и вдруг в полудрёме вспыхнет пугающее видение: ты несёшься вниз по длинному узкому тоннелю. Вернее, даже не ты несёшься, а он тебя втягивает с устрашающей силой. Свет налобного фонаря выхватывает неровные дугообразные каменные своды. А впереди – чернота. Очнёшься, переведёшь дух и опять задремлешь.

Эти видения, вспыхивающие между явью и сном, несколько дней после Кавказа не оставляли меня да и многих моих сотоварищей. То увидишь себя застрявшей в шкуродёре. Под тобой бездонная щель и над тобой такая же щель, очертания которой теряются в темноте, то почувствуешь себя одиноко стоящей на дне тёмного колодца – никаких голосов не слышно, только капли воды гулко падают на дно.

Спелеораёк

На обратной дороге в поезде мы спали по пятнадцать часов в сутки. И несколько дней не могли наесться.

Но, правда, «зайцев» ни на Кавказ, ни обратно мы не везли. Далеко очень.

Володю мы тоже решили приобщить к спелеотуризму. В 1975 году Наташа привезла его в Томск специально для того, чтобы открыть красоты пещер. Так он впервые оказался в Томске.

Мы взяли его в нашу поездку в пещеру Кошкулак. Приехали мы «на точку» (кажется, это был местный спортзал) поздно вечером. Надели спелеоамуницию и пошли к пещерам – десять километров ночью. Володя с нами протопал десять километров без отдыха. В пещере мы пробыли часов девять-десять. Вылезли – опять темно, и по темноте десять километров обратно. Группа растянулась по лесной дороге. Мы оказались с Володей где-то посредине и в одиночестве. Отчётливо слышался вой волков. Мне даже стали мерещиться их жёлтые

глаза в темноте. Но Володя шагал и шагал, как стойкий оловянный солдатик. Пришли на точку, сварили обед, сели все на пол перед чашками. Вижу: Володя сидит с ложкой в руке перед котелком и спит. А рука вся чёрная-чёрная от пещерной грязи. Мы его разбудили. Давай руки помоем, говорим. Но тут силы Володю покинули, и он расплакался. Есть он так и не смог, рухнул на спальник.

Видимо, мы всё-таки перестарались с туристической романтикой – слишком уж большую порцию выдали десятилетнему мальчику. Володя, хоть и ходил в тусуровский «Такт» один год и даже съездил в поход в Киргизию после первого курса, туризмом заниматься не стал. «Какие-то они там все фанаты, – говорил он, – целыми днями все вместе в своём клубе что-то тачают, шьют, мастерят. Потом гурьбой на тренировки».

Володя любил гулять сам по себе.

После первого курса с Володией произошло чудесное преобразование. В школе он был невысокого роста, даже подкладывал вату под пятки в туфли, чтобы казаться выше. Уехал он невысоким, плюгавеньким парнишкой, а после первого курса вернулся высоким стройным красавцем с роскошными кудрями, так что даже учителя, учившие Володю по четыре дня в неделю, не узнавали его, например Анна Петровна Штиглиц. Та вообще была близкой маминной подругой.

Володя ехал навстречу ей на велосипеде:

– Здравствуйте, Анна Петровна!

– Здравствуйте, – рассеяно произнесла та, едва взглянув на Володю.

Как же так? Школьная учительница, лучшая подруга мамы, и так холодно: «Здравствуйте». Не узнаёт.

Он развернулся и опять проехал навстречу:

– Анна Петровна, здравствуйте!

Та же реакция. Володя в третий раз развернулся:

– Анна Петровна, вы меня узнаете?

Анна Петровна хлопала глазами:

– Нет.

Красавцы – студенты ТИАСУРа.
Слева направо: В. Ершов, Володя, Л. Баранов, П. Щипачёв. 1985 год

– Ну, узнавайте.

«Что за назойливый и наглый молодой человек?», – наверное, подумала Анна Петровна.

И вдруг – чуть не упала:

– Неужели Володя?!

Для брата наиболее яркими воспоминаниями, связанными со студенческой жизнью, стали строительные отряды, на студенческом жаргоне – «стройка».

В «стройка » после второго курса Володю завербовал его друг Валера Ершов, который был комиссаром.

Стройотряды – это особый пласт комсомольско-студенческой культуры, со своей мифологией и фразеологией. Я бы сказала, что по форме они были комсомольскими, а по содержанию – коммерческими. Название «стройка» имели звучные, с намеками на единство и трудовой энтузиазм: «Комсомолец»,

Володя и Женя Борисов. Новый Васюган, 1988 год

«Союз». Их участники назывались бойцами отряда, а руководители – командирами и комиссарами. Налицо имитация некой милитаризированной структуры революционной эпохи.

Но, по признанию участников этого движения, режим, нагрузка и объёмы работ были на самом деле сродни нагрузкам военного времени или даже изнурительного боя.

Валера Ершов на вопрос о том, что больше всего запомнилось в стройотряде, без заминки ответил:

– Адский труд.

Каждое лето в стройотряде Валера говорил себе: больше не поеду. Потом самое тяжёлое забывалось, и снова ехал.

Работали в «строяках» с семи утра до одиннадцати вечера с часовым перерывом на обед, без выходных и праздников. Нет, один праздник за два месяца был – День строителя. И никакой романтики наподобие: вечер у костра, искры в небо, весёлые глаза подруги. Самой желанной подругой в стройот-

ряде становилась кровать, а другом – сон. После героического труда бойцы впадали в глубокий богатырский сон, сродни былинному. Володя вспоминает, что последние две недели в стройотряде они, чтобы успеть завершить объект, спали по 3–4 часа. И бригадир выливал на каждого бойца по ведру воды, чтобы тот проснулся.

Ещё боле замечательную историю про сон бойцов стройотряда рассказал Евгений Борисов. Возле их села на Алтае студенты из стройотряда НЭТИ тянули ЛЭП. Так они на опорах и работали, и спали: прицепятся и не то что дремлют, а спят так, что, сколько снизу им не кричи, они не просыпаются. Тогда озабоченные командиры начинали швырять в них камнями, и только это возвращало бойцам бодрость.

Когда я всё это услышала и узнала, меня охватила гордость: да если у нас такие мужики, кто нас победит?!

Правда, были в стройотрядах и те, которые не способны были на героический труд. Он и здоровый, и весёлый, и «лось», а работать не может. Работает, работает – упадёт и заплачет. Такие из отрядов «линяли».

Так что не только в деньгах был вопрос, но и в характере.

А деньги бойцы зарабатывали приличные, иногда – бешеные. Лёня Баранов с удовольствием вспоминает, как после стройотряда они стояли с другом Витьком возле магазина и решали:

– Ну что, по «Запорожцу» купим или «Москвич» на двоих?

Ребята получили по сумме, превышающей 3,5 тысячи. Если инженер зарабатывал тогда 120 рублей за месяц, то получается, что парни сняли трёхгодичную зарплату ИТРа.

Ну, это, конечно, редкостный заработок, обычно из стройотряда привозили по 1–1,5 тысячи.

Заработок очень сильно зависел от многих факторов, начиная от места работы отряда и заканчивая умением командира закрывать наряды и ладить с местным начальством.

Студенты знали, что есть отряды, в которых ты можешь заработать: там опытные руководители, команда. И на места

в такие отряды шла жёсткая конкуренция. В ТИАСУРе таким был стройотряд «Комсомолец» командира Медведева. Труд там, по воспоминаниям бойцов, был ужасный. Потом уже и заработки не привлекали – бойцы просто сбегали. А могли быть отряды, где ты пропашешь всё лето и ничего не получишь. Существовала такая закономерность: чем дальше от Томска работает отряд, тем больше он получает.

Борьба отрядов за выгодные позиции начиналась задолго до летней сессии: командиры вербовали бойцов, участвовали в слётах, определялись с зоной, утверждали эмблему, шили форму. На этом этапе ещё присутствовали кое-какие элементы романтизма и комсомольского задора. Собирались ребята на слёты и фестивали: у них формы, значки, нашивки. Среди них бойцы, командиры в пыльных беретках, комиссары в пилотках с программой просветительских лекций и бескорыстной помощи населению.

А потом уже всё, извините. Бойцы работают до изнеможения, командиры мечутся между объектами и местным начальством, поят их водкой, «окучивают», чтобы те закрыли им правильно наряды. Потому что в наряде можно просто написать: постройка забора – и это будут одни деньги. А можно написать: копка ямы под столбы, заточка лопаты, изготовление черенка для лопаты, прибивание гвоздей – это будут уже совсем другие деньги. К тому же в нарядах полно «мертвяков», то есть мёртвых душ. Они нужны для снижения налогов и повышения общего дохода стройотряда.

Володя был в стройотряде три раза, последний раз после пятого курса – командиром. Будучи командиром, он уставал больше, чем в бытность бойцом, потому что командир в ответе за карман каждого рядового участника отряда.

После возвращения в город начиналось самое приятное: трата денег. Сначала нужно было купить фирменные джинсы. Ну вот: джинсы на тебе, и ты уже модный паренёк. Пижоны, правда, покупали ещё кожаные пиджаки.

Когда же будет выходной? 1988 год

В ТИАСУРе не принято было заниматься фарцовкой. Деньги тратили на аппаратуру, музыку. Оставляли впрок, на жизнь. Хватало на полгода. Закончилась зимняя сессия и опять: слёты, вербовка, программы просветительских лекций для населения.

Думается, что именно в таких «строяках» подрастали будущие «акулы бизнеса», которые вскоре понадобились меняющейся экономике. Во-первых, студенты, прошедшие стройотряды, умели работать на цель. Во-вторых, они почувствовали вкус больших денег, которые они именно заработали. Это повышало их самооценку. Работать за ИТРовские зарплаты им было уже как-то «западло». И в-третьих, они, особенно командиры, мастера получали деловые навыки. Действительно, многие бывшие стройотрядовцы в Томске стали основателями и руководителями компаний, топ-менеджерами.

Берегитесь, Андрей и Владик, ваш отец мечтает о том, чтобы и вы прошли суровую школу стройотряда.

Наташа дважды, в 1973 и 1974 годах, побывала в стройотряде в Стрежевом. Девочки из мединститута штукатурили и затирали стены капитальных домов. Хотя они ударно трудились, кое-какое время для романтики все же оставалось. Вот именно: вечер у костра, искры в небо, весёлые глаза любимого. Всё дело было именно в любимых. В Стрежевом, являющемся тогда ударной комсомольской стройкой, работали завидные женихи – парни из Казанского авиационного института, из Минска, Прибалтики. Поэтому, вопреки обстоятельствам и смертельной усталости, в стройотряде утвердилось романтическое правило. На романтику был отведён час между окончанием работы и отбоем. На час после работы хватало сил не спать. Но и за эти, можно сказать, считанные минуты у многочисленных костров вдоль Томи возникала дружба, заводилась любовь. К началу семестра мединститут неизменно не досчитывался нескольких студентов, которых минчане и КАИсты увозили с собой.

Зарботки были, конечно, не те: 300–500 рублей. Даже за малую толику романтики надо расплачиваться. Тем не менее девчонки начинали сорить деньгами ещё по дороге в Томск. Со Стрежевого они три дня плыли по Томи на теплоходе «Патрис Лумумба» в лучших каютах, ходили каждый день в ресторан.

А однажды минчане пригласили девушек в гости на стройотрядовский банкет в Минск. И представьте, они приехали – прилетели на самолётах, и Наташа там была.

Нашей общей семейной гордостью и достоянием является единственный прыжок с парашютом, который совершила в студенчестве Наташа.

Она вспоминает, что у новичков не хватает духу и сил выпрыгнуть из самолета – потоки воздуха, а может, страх, заталкивают новобранцев обратно, поэтому инструкторы фиксировали их перед открытым люком и пинком отправляли за борт. Кайф начинается, когда раскрывается основной парашют: ты перевоплощаешься в птицу. Стропы парашюта,

как крылья, – можно управлять полётом. А вокруг – чудо и песня: синее небо, надвигающаяся на тебя земля с округлыми линиями горизонта.

Закончились студенческие годы.

После окончания мединститута Наташа была распределена в сельскую больницу поселка Тимирязево под Томском, в отделение акушерства и гинекологии. Тимирязево – это, можно сказать, курортная зона. Посёлок расположился прямо в чудесном сосновом бору.

Я после окончания университета год работала в Кокчетавском пединституте, потом вернулась в Томск, два года была сотрудником музея истории Томской медицины при мединституте. В 1981–1984 годах училась в аспирантуре на кафедре древнего мира и средних веков Томского университета. До Наташиного замужества мы жили с ней в Тимирязево на разных частных квартирах. После окончания аспирантуры я вышла замуж, уехала в Кемерово и стала работать в Кузбасском техническом университете на разных кафедрах, защитила кандидатскую диссертацию.

А Володю после вуза призвали в армию.

Это особая история.

Брат защитил диплом, и они с друзьями отмечали успешную защиту.

Это была как раз суровая пора «сухого закона» в одной отдельно взятой области. Лихачев объявил Томск зоной трезвости, и повсюду свирепствовали дружинники, члены ОКО (оперативный комсомольский отряд), выявляя нарушителей. Володя и его друзья считали недостойным отмечать защиту диплома лимонадом «Буратино». Будучи в состоянии неуверенной трезвости, встретили какого-то давнего обидчика и решили собраться, чтобы вернуть должок. Но тот обладал звериной интуицией. Он почувствовал неладное, успел собрать большую команду, и они так отметили незваных мстителей, что те вынуждены были ретироваться в свою комнату. Шум драки был услышан, и в общаге появился доблестный

Сержант Владимир Попов.
Чита, 1987 год

оперативный комсомольский отряд. Может быть, они бы и не нашли возмутителей порядка, но Паша Щипачев, который не участвовал в драке, сильно поранил руку. Пока он шёл в комнату, где затаились «мстители», и где он тоже жил, кровь капала на пол. По этому кровавому следу комсомольские оперативники выявили нарушителей закона.

Свои же братья-студенты из оперативного отряда составили протокол и сдали его куда надо. В итоге появилась очень реальная угроза лишения диплома

Диплом в конечном счёте не забрали, но из-за разборок приказ о присвоении звания офицера не ушёл в Москву.

Володя возвратился в Томск осенью, после стройотряда, пошел в институт на военную кафедру за званием. Там сказали:

– Иди сам в военкомат, тебе присвоят звание.

В военкомате, видимо, был крутой недобор новобранцев, а тут – какая удача! – сам пришел. Забрали документы – и на медкомиссию.

И вместо кафедры СВЧиКР поехал Володя на очень дальний восток, в Читу, на полтора года

В армии он прошёл путь отца: попал в отдел связи и звание то же самое получил – сержант.

Учебка запомнилась тем, что солдат морили голодом. Натурально. Из еды давали хлеб и баланду, подкрашенную томатной пастой. В ней даже под микроскопом нельзя было обнаружить ни одной молекулы жира.

И сразу стало видно: кто есть кто. Кто-то мог себя вести достойно и держался, а кто-то уподоблялся зверю: дрался за еду, хватал с пола куски.

В учебке Володя похудел на восемь килограммов.

После учебы брат попал в бригаду ПВО под Читой, в Домне, в политчасть. Там ему поручали готовить политинформацию для офицеров.

Через полгода, после очередной демобилизации, в Володиной части освободилось место на узле связи. И началась «малина». Ночь напролет можно было заниматься любимыми делами. Володя брал в библиотеке журналы – «Москва», «Нева», «Новый мир», «Звезда» – и со вкусом знакомился со всеми новинками литературы. Это были 1987 и 1988 годы, когда в толстых журналах стали печатать прежде запрещённых авторов: Солженицына, Приставкина, Гроссмана, Дудинцева. Тогда в крупных городах эти журналы с руками отрывали, а в армейской библиотеке – пожалуйста, без всякой очереди.

Весной 1988 года Володя пришёл из армии, вернулся на кафедру СВЧиКР, собираясь заниматься наукой и защищать диссертацию.

Глава 21

ТАТЬЯНА

Володя познакомился со своей будущей женой Татьяной Епифанцевой в 1988 году.

О родословной Татьяны нам рассказала её мама, Лидия Алексеевна Епифанцева.

Епифанцевы были из рода забайкальских гуранов. Гураны – это смесь казаков с местным коренным народом. В Забайкалье это, наверное, буряты.

Отец Татьяны, Анатолий Павлович, из семьи военных. Павел Епифанцев, её дед, работал в органах КГБ. Анатолий Павлович после техникума отслужил в армии и работал на заводе в городе Благовещенске. Потом его взяли на работу в КГБ.

Лидия Алексеевна Епифанцева, в девичестве Игнатенко, мама Татьяны, родилась в селе Красный Яр Сталинградской (ныне Волгоградской) области. Жили они там при сельсовете. Мать Лидии, Дарья Васильевна, чтобы обеспечить достаток семье, работала на нескольких работах одновременно: конюхом, истопником и уборщицей в сельсовете, где они жили. Отец Лидии, Алексей Михайлович, служил в пожарной части. В семье было пятеро детей. Маленькая Лида уже с семи лет помогала матери: мыла пол и наводила порядок в доме сельского совета.

Алексей Михайлович в 1941 году ушёл на фронт. Когда его часть отступала из Сталинграда, они проходили как раз через Красный Яр. Он зашёл домой проститься с семьёй. Лидия помнит, что отец сидел на табурете, а она повисла у него между коленей и не хотела отпускать. Алексей Михайлович достал из вещмешка кусочек сахара и угостил Лидочку. Это

Родители Анатолия Епифанцева: Павел Петрович
и Евдокия Ивановна Епифанцевы

была её последняя встреча с отцом. Потом уже от него не было никаких известий. А в конце войны пришло извещение, в котором говорилось, что Алексей Михайлович Игнатенко пропал без вести.

Линия фронта проходила совсем близко от Красного Яра. Прямо во дворе сельсовета был вырыт окоп, куда жители прятались во время объявления воздушной тревоги. Но зенитчики ни разу не пропустили немецкие самолеты, и в Красном Яре не взорвалась ни одна бомба. Лидия Алексеевна помнит, как через Красный Яр тянулись толпы беженцев из Сталинграда. На ночь беженцы останавливались у них в сельсовете.

Уже в конце войны жители Красного Яра совершили героический поступок – поймали немецкого парашютиста. Незадачливый десантник приземлился прямо на центральную площадь. Лидия его видела.

Лидия и Анатолий Епифанцевы.
Благовещенск, 1963 год

В 1953 году старшая сестра Антонина взяла Лидию в Одессу. Там девочка закончила десять классов и Одесский технологический институт пищевой и холодильной промышленности. После вуза Лидия с молодым комсомольским задором отправилась по распределению за тысячу километров от Одессы в далекий Благовещенск – технологом на ликёро-водочный завод. Там встретила Анатолия Епифанцева и вышла за него замуж.

10 сентября 1963 года в Благовещенске у них родилась дочь Татьяна. Лидию и Анатолия перевели в Завитинск, районный центр неподалёку от Благовещенска. В 1970 году в семье Лидии и Анатолия появилась вторая дочь – Оксана.

Лидия Алексеевна вспоминает, что старшая Таня росла очень послушной, ласковой. Училась хорошо, без троек. Пять лет занималась в музыкальной школе по классу аккордеона. Правда, потом очень редко и неохотно играла на нём.

Таня. 1964 год

Таня и сестра Оксана.
Таня – восьмиклассница

Тане шестнадцать лет.
23 апреля 1980 года

После школы Таня закончила Благовещенский технологический институт по специальности «технопрядение» и получила направление в Томск на Томскую хлопкопрядильную фабрику.

В Томске жили двоюродные братья Татьяны — Сергей и Владимир Никитенко. Сергей был директором завода «Томские инструменты», там же работал и Владимир. На этот завод пришла работать и Таня, после того как хлопкопрядильная фабрика разорилась.

На заводе в то время собрался хороший весёлый коллектив. И Таня с удовольствием принимала участие в праздниках и молодежных «тусовках». Она стала учиться играть на гитаре. Позже увлеклась спелеологией и даже побывала в нескольких сибирских пещерах.

После демонстрации.
Таня справа

В 1988 году встретила Володю, красивого молодого научного сотрудника ТУСУРа, недавно доблестно отслужившего в рядах Советской армии.

Они познакомились осенью 1988 года. Володя покупал квартиру в деревянном доме по улице Советской. Бывшая хозяйка предложила отпраздновать это событие. Володя пришёл на вечеринку со своим другом Ершовым, а хозяйка с Таней. Тут Володя и влюбился. Думаю, что хозяйка не без умысла предложила эту вечеринку, зачем бы она ей была нужна, если б не идея познакомить свою подругу с хорошим холостым парнем. Но об этом доподлинно мы уже не узнаем. Потом Володя сам пригласил Таню в гости, без хозяйки. Год они дружили. Влюбился Володя, по его признанию, крепко, со всеми полагающимися чувствами: радостью, восторгом, ревностью. В 1990 году они поженились.

Торжественная минута

С Татьяной я познакомилась во время первой, так сказать, официальной встречи наших семей перед свадьбой. Володя и Таня пригласили нас в свою гостинку в общежитие по улице Учебной. Мы пришли с сестрой и мамой. Там уже ждали нас Володя, Танина мама, Лидия Алексеевна, и сама Таня. Я увидела хрупкую, стройную девушку с большими, тёмными, живыми глазами и доброй улыбкой. Лицо обрамляли волнистые каштановые волосы. Она была одета в чёрную прямую юбку и тёмно-синий облегающий джемпер. Мы оценивающе поглядывали на Таню, а Володя с улыбкой наблюдал за нами. Таня была непринужденной и естественной. Мы, конечно, одобрили выбор брата.

Свадебный пир молодые устраивали два раза: первый – для друзей, второй – для родственников в своей квартирке в общежитии на улице Учебной. Таня сама сшила себе свадебный наряд из гипюра, капрона и кружев. К тому времени она

Первые мгновения супружества

уже прекрасно владела всеми видами женского рукоделия: вязание, шитьё, вышивка.

Несмотря на скудость наших магазинов того времени и скромный достаток молодой семьи, Таня всегда была на уровне, выглядела модно, ярко. Из боксерских перчаток она могла себе сшить шикарную кожаную куртку, а из простой майки смастерить замысловатый декольтированный топик. Последнему она обучила и меня.

У неё был художественный, дизайнерский талант. Она искала себя именно в этой сфере и не чувствовала призвания к технологии и «томским инструментам». Мечтала учиться живописи, посещала одно время курсы флористики. Очень любила цветы.

Когда наступили нищие девяностые годы, Таня взялась шить на заказ, у неё появились клиенты. Думаю, если б не был Володя так удачлив в бизнесе и не оградил Таню от не-

обходимости зарабатывать на жизнь, она непременно создала бы своё ателье или дизайн-студию. А так свой художественный дар она применяла для обустройства дома, дачи. На даче Таня разбила чудесный цветник.

Танина душа была тонко настроена на материнство, семью. Она не любила компании, клубы, рестораны. Ей больше нравилось проводить время дома, с сыновьями, с семьей. Нередко – в обществе подруг. Она никогда не смотрела телевизор, что, в общем-то, для нашего времени является доблестью. Свободное время отдавала книгам. Таня рассказывала, что во время приготовления домашних заданий к школе под учебниками всегда держала интересную книжку и читала её до самого прихода мамы с работы. Ради чтения прогуливала занятия в институте («пролеживала» их в постели с книгой в руках). Таня следила за книжными новинками, любила книги по искусству, дизайну, обустройству дома. Она писала записочки со списками книг на будущее, там имена Ибсена, Арагона, Тынянова, По, Флобера, Стринберга, Хейли, Цвейга. Интересовалась современной литературой, читала Л. Улицкую, С. Давлатова, И. Рубина.

Таню волновала проблема, которую можно выразить словами «правильная жизнь». Это касалось как правильного, здорового образа жизни, которого Таня всегда придерживалась («Я люблю все полезное», – шутила она), так и правильных установок – нравственных, психологических. Ей интересны были восточные практики. Позже она покрестилась, крестила сыновей.

Первенец Тани и Володи, сын Андрей, родился в 1991 году. Тогда Володе пришлось оставить мечты о научной карьере и диссертации и заняться добыванием хлеба насущного, открывать своё дело. Он с утра до вечера пропадал на работе. Чтобы сын не забывал папу и любил его, Таня вешала над кроваткой годовалого Андрюши фотографию мужа. В детстве Андрей часто простужался, и Таня решается на холодо- и во-

Таня и Володя с сыновьями
Андреем и Владиславом. 2003 год

долечение: вместе с сыном каждый вечер выходит на мороз, и они обливаются холодной водой.

Владик, второй сын, родился в 1995-м. Живой, беспокойный, с наклонностями химика-экспериментатора и собаководов.

Владик с наслаждением выливал из маминых флаконов в туалет дорогие духи, разводил в ванне эксклюзивные крема. Как-то в бане он вылил во флягу с водой для полоскания бутылочку шампуня. Как же были удивлены друзья Володи, когда, ополоснувшись после бани из фляги, оказались с ног до головы в пене. Однажды, когда Владик с Таней гостили у нас, мы заметили, что у Владика полный рот какой-то розовой субстанции непонятной природы. Проведя необходимое дознание, мы обнаружили, что он откусил губную помаду и запил всё кокосовым молочком для очищения кожи.

Но настоящая страсть Владика – это собаки. Ему не жаль было для дачных сторожевых собак никаких лакомств. Если б не бдительность родителей, он скармливал бы им батонами колбасу салями и палочки шашлыков из отборной говядины.

Склонности детей не возникают на пустом месте. В папиных архивах я обнаружила письмо Володи к отцу, в котором он просит завести собаку. Привожу письмо полностью:

«Здравствуй, папа!

Сегодня 26 января.

С тех пор как ты уехал, прошло 10 дней. Все эти дни у нас было тепло: минус 12–15 градусов. Какая погода была у вас в Алма-Ате? Вчера вечером уехала Наташа. Она просила, чтобы мы завели домашнюю собаку (очень дипломатично – В. Л.). Чтобы я ухаживал за ней. А жить она может под лестницей, где лежат твои книги. А книги можно убрать и положить под койку или под стол. И ещё купи мне книги, фантастику: Фрэнсис Карсак «Пришельцы ниоткуда», Иван Ефремов «Туманность Андромеды», Рю Мицуси «Возвращение героев», Валентина Журавлева «Звездная соната» И ещё книги, как учить собак, овчарок. Папа, купи мне ещё конструктор и ласты 33–34 размера.

Значки: только басни, мультфильмы, занимательные люди, рассказы, сказки, биография.

Сейчас я читаю книжку «Дон Кихот», вернее, дочитываю. Сегодня воскресенье, и мы ездили в Кокчетав на сопки кататься на лыжах. Наташа с Верой уехали на Кавказ.

Сегодня я ходил в кино «Свет в конце тоннеля».

Ну, вот и всё.

До свиданья, папа!»

На Кавказ мы с Наташей ездили в 1976 году. Значит, Володе было тогда двенадцать лет. Так что любовь Владика к собакам – это наследственное.

Сыновья обожали Таню. Даже недолгое расставание с ней было для них неприятно. Однажды мы взяли шестилетнего

Таня с сыновьями.
Петергоф, 2005 год

Андрюшу с собой к бабушке с ночёвкой. Вечером у него испортилось настроение, пропал интерес к играм. Он лёг в постель и затих. «Андрюша, ты не заболел?» – спросила я у племянника. «Я не болею, я просто грущу», – ответил он.

Андрюша никогда не забывал привозить маме сувениры из всех своих поездок. Владик вообще не отходил от мамы. Если она сидела, сын вис на шее, если лежала – он под боком. «Я, когда вырасту, женюсь на тебе», – говорил.

К Володе Татьяна всегда относилась со вниманием и нежностью. Хотя они нередко расходились во взглядах на людей, во вкусах на одежду, художественные произведения, книги, Таня никогда не делала это предметом размолвок или обид.

Известие о болезни Тани было потрясением – рак четвёртой степени обнаружили почти случайно.

Таня с необыкновенным мужеством и самообладанием переносила свою болезнь. Была так же улыбчива, легка, пока не слегла.

Она умерла 10 июля 2006 года.

Вспоминаю эти тяжкие дни:

Мы приехали, я прошла по всем комнатам. Тебя уже увезли. Хотя по дому ходило много людей – повсюду была обжигающая пустота. Я натолкнулась на испуганный взгляд твоего сына и не выдержала его, отвела глаза, не подошла к нему, не смогла ничего сказать.

В занавешенных зеркалах не отражались вещи, хранящие твои прикосновения. В последний раз я видела тебя здесь с улыбкой горькой надежды на губах, когда прощалась с тобой в прихожей. Я ничем не могла утешить тебя, говорила какие-то слова, которых стыдилась, и, расставаясь, коснулась губами твоего запястья. Помню твои глаза – огромные на исхудавшем лице, горящие особым, не знакомым мне светом.

Перед входом в ритуальный зал, как удар, меня встретило твое молодое лицо с легкой нежной улыбкой – фото на торопливом железном памятнике с крестиком.

Я медлила взглянуть, страшась жуткой неотвратимости. Но... Густой грим на лице и толстый ровный слой туши на ресницах. Губы в морщинках накрашены источающей живой блеск помадой. Тебе завили волосы. Ты была красивой. Прозрачный розовый шарфик окутывал голову, виден был ярлычок, на котором можно было различить латинские буквы – *venera*. Ты так исхудала: я заметила глубокие ямки на висках. Совсем невесомое тело под белым атласным покрывалом, простроченным квадратиками. Из-под него выглядывали золотистые туфельки.

Началась панихида. Мы стояли рядом с тобой с зажженными свечами, окутанные лёгким голубым дымом кадила. «Со святыми упокой, Христе, душу новопреставленной рабы Твоей Татианы, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыха-

ние, но жизнь бесконечная», – раздавался негромкий голос священника.

Мы ехали по улицам, по которым ты ездила на машине ещё несколько месяцев назад. Солнечный луч не сходил с твоего лица.

Перед тем как тебе закрыли лицо, я поцеловала тебя в венчик на лбу и ощутила только вкус бумаги. Как мне проститься с тобой? Тебя невозможно обнять. Я прикоснулась к твоей руке, она была такой твёрдой, что больше не оставалось надежды. Гроб поплыл к глубокой и узкой щели в земле. То, что происходило с тобой, с нами сейчас в этот солнечный летний день, казалось плохим сном, который никак не может закончиться.

Когда появился глиняный холмик, стало немного легче, потому что теперь можно было думать, что не всё потеряно: ты просто куда-то ушла, уехала, возможно, надолго – хоть как-то закрыться от жуткого слова –

Навсегда.

Одна из последних записей была сделана Таней на обороте маленького бумажного календаря за 2006 год, помещённого в прозрачный пластиковый футляр. Она поставила календарик на стеллаж, на кухне, чтоб записанные ею слова были всегда перед глазами. Календарик стоял там после смерти Тани. Эти последние слова стали вдруг как бы духовным завещанием Тани и нам, и её сыновьям:

Не огорчай,

Не огорчайся.

Чистота уходящих мыслей.

Не вредничай,

Не раздражайся,

Не завидуй.

Радуйся,

Радуй.

Глава 22

РОДНЯ. ЭПИЛОГ

Наши тётушки и дядюшки не разлетались далеко от своего родного гнезда, жили в основном в Аиртаве или в пределах Кокчетавской области. А их дети, наши двоюродные братья и сёстры, живут теперь по всему огромному пространству России от Находки до Петербурга и даже за пределами отечества. Начнём с мужской папиной линии, с рода Поповых, и представим всех двоюродных братьев и сестер по старшинству.

Дети дяди Пани и тёти Оли Поповых – Павловичи:

Старшая Анна Павловна живет в Чалкаре с мужем Виктором Нартовым, у них сын Андрей. Занимаются фермерством.

Вторая дочь Галина Павловна с мужем Виктором Барановым живут в Кокчетаве. Галина работает преподавателем в швейном училище, Виктор – на заводе. У них двое сыновей – Андрей и Виталий.

Младший сын Александр Павлович уехал с супругой Лидией в Германию. Живут под Гейдельбергом. У них двое детей: Павел и Виктория. Александр работает водителем-дальнобойщиком, колесит по всей Европе. Лида – швея.

Дети дяди Вити и тёти Вали Поповых – Викторовичи:

Старшая дочь Любовь Викторовна живет в Макинке Акмолинской области, замужем за Александром Кликушиным. Люба – домохозяйка. У них трое детей: Игорь, Ирина, Виктор.

Второй сын Валерий Викторович – предприниматель, работал на Севере, в Якутии, в Москве. Сейчас живёт в столице. Жена – Светлана. У них сын Валерий.

Младшая – Ирина Викторовна, в замужестве Фёдорова. Муж Сергей работает электриком, живут в Москве. Их дети – Олеся и Александр.

Внуки бабы Ули и деды Саши,
слева направо (вверху): Володя, Таня, Валера,
(внизу) Анатолий, Люба, Володя

Дети дяди Вовы и тети Вали Поповых – Владимировичи:

Старший сын Владимир Владимирович живет в Кокчетаве, занимается перевозкой пассажиров. Жена Вера, ныне покойная, оставила Владимиру дочь Светлану и сына Александра.

Второй сын Анатолий Владимирович забрался дальше всех братьев и сестёр – в Находку. Он служил в морфлоте на Дальнем Востоке, там и остался. Привез из Кокчетаву жену Наталью. У них две дочери. Анатолий, как и его отец, любит технику, автомобили, чем и занимается профессионально.

Младшая дочь Татьяна Владимировна живет в Кокчетаве с мужем Анатолием, у них двое детей: сын Александр и дочь Анастасия.

Дети тётки Раи и дяди Володи Горохвадацких – тоже Владимировичи:

Александр Попов. Второй год службы. Зайсан, 1976 год

Старшая дочь Галина Владимировна после школы уехала в Москву по лимитному набору, работала на заводе имени Лихачева, где выпускаются холодильники. Первый супруг Галины Айвар Жидков умер. У них дочка – Инга. Галина сейчас замужем за вторым мужем Сергеем, который тоже работает на этом заводе. У Галины и Сергея недавно родилась дочь Анна.

Вторая дочь – Татьяна Владимировна после школы с будущим мужем Олегом Тюлькиным уехала в Ленинград, работала там лифтёром. Теперь они с супругом занимаются своим делом: ателье по пошиву сумок – дочернее предприятие фирмы, созданной младшим братом Татьяны – Виктором. У них дочь Анастасия.

Младший сын Виктор Владимирович пробовал себя в разных видах предпринимательской деятельности. Имел интересы в спиртозаводской отрасли, затем создал в Петербурге свою фирму по пошиву сумок, рюкзаков, портфелей. Жена Светлана занимается домом, детьми, которых у Виктора и Светланы двое: Алина и Ева.

Наши двоюродные братья и сестры по маминной линии обжили Урал, Поволжье и дальше зарубежье. Опять начнём по старшинству:

Тётя Рая с детьми, внуками, невестками и зятьями.
Санкт-Петербург, 2006 год

Дети тёти Маруси и дяди Вани Гавриловых:

Старшая дочь Маргарита Ивановна, в замужестве Подосёнова, выпускница Уральского университета, живёт в Перми, работает журналистом в издательском доме «Стар». У неё двое детей – Юлия и Станислав.

Младшая Татьяна Ивановна, медсестра, в замужестве Жирнова. Муж Николай работает механиком. У них двое сыновей – Александр и Константин.

Сыновья тёти Лены и дяди Коли Кулешовых:

Оба живут в Каменск-Уральском Свердловской области. Старший сын Сергей Николаевич работает на Каменск-Уральском металлургическом заводе. Жена Ольга – педагог. Сергей дал своим детям имена бабушки и дедушки: Даша и Яша.

Младший Павел Николаевич работает на Каменск-Уральском алюминиевом заводе электриком. Жена Ольга трудится

С семейством Коровиных у их дома. Слева направо: Дмитрий, дядя Коля, Виктор (младший), Нина с племянником Яковом, тётя Валя, Виктор, Володя, Вера, Аня, Римма. Кокчетав, 2004 год

продавцом. У них трое детей: Екатерина, Анастасия, Константин.

Дети дяди Коли и тётки Вали Коровиных – Николаевичи:

Старшая дочь Нина Николаевна, в замужестве Чирьева. Уехала с мужем в Германию. Муж Дмитрий работает на предприятии связи, Нина – на мясокомбинате, изготавливает отличную немецкую колбасу. У них двое сыновей – Роман и Виктор.

Сын Виктор Николаевич живёт в Кокчетаве, жена Римма – продавец. У них сын Яков. Виктор менял занятия: шил, торговал, в общем, искал себя.

Брат Володя признаётся, что когда, уже будучи взрослым человеком, он стал вспоминать своих двоюродных братьев и сестёр, то первым, кого он захотел увидеть, был Саша Попов,

С роднёй в Аиртаве на горе Лысой. В первом ряду (справа налево): Вера, Аня Ситожевская, Володя; во втором: Галина, Светлана, Владимир, Валентина, Татьяна Поповы. Аиртав, 2004 год

сын дяди Пани. Саша жил у нас, детьми они с ним общались, играли. Потом – Витю Горохвадацкого. Маленьким тот был всеобщим любимцем: симпатичный, чёрненький, хорошенький. И конечно, ему хотелось увидеть Вову и Толю Поповых, с которыми в детстве он тоже много общался.

А мы, дети старшего сына Леонида из рода Поповых, живём в Западной Сибири. Наталья и Володя в Томске, я в Кемерове.

Наталья беззаветно любит свою акушерско-гинекологическую работу. Она работала в больницах Томского района, в том числе и заведующей отделением. Сейчас трудится в роддоме имени Семашко в Томске. Так же беззаветно Наташа любит мужа Алексея и детей. Они построили большой дом в

Тимирязевке, родили двух сыновей Рому и Петю и дочку Аню и посадили множество деревьев в своем полисаднике.

С ними в Тимирязево живёт мама. В Томск она переехала, как я уже упоминала, в 1992 году.

С Алексеем Ситожевским мы были знакомы по турклубу мединститута задолго до его женитьбы на Наташе. Лицо Лёши всегда было серьёзным и вдумчивым. Он зачёсывал назад волосы, ходил в туристических ботинках, в куртке, напоминающей лётную. Мы с моей университетской подругой Олей Жеравиной называли Лёшу «мальчик тридцатых годов». Что-то было в его облике от суровых и романтических героев того времени. Алексей с радостной чуткостью относится к любому проявлению красоты: природы, человека, просто ситуации. Если он оживлён, то вокруг царит атмосфера шутки и радости, но если угрюм, то окружающие вполне могут себя почувствовать виновными за безысходное несовершенство мира.

Две Анны.
Тимирязево, 2005 год

Семейство
Ситожевских на фоне
строящегося дома.
Стоят: Алексей
и Наташа; сидят:
Пётр, Анна, Роман.
Тимирязево, 2004 год

У Алексея очень своеобразный послужной путь. Он – выпускник медико-биологического факультета Томского медицинского института, учился в аспирантуре в Москве, защитил диссертацию, работал на кафедре у ректора, стал доцентом. Но реформа 1990-х годов заставила его начать карьеру с нуля. Трое детей, безденежье. Алексей начал подрабатывать на строительстве пивзавода на Синем Утесе, совмещая подработку с преподаванием в мединституте и научной деятельностью. После завершения строительства стал работать технологом на этом заводе, здесь трудится и поныне.

Мой муж, Андрей Правда, тоже выпускник Томского медицинского института, педиатрического факультета. Семнадцать лет работал врачом скорой помощи. Но его подлинное призвание и влечение – это поэзия. Он – автор трёх поэтических книг, член Союза писателей России. Сейчас Андрей оставил меди-

Семейство Андрея Правды: Андрей, Вера, Екатерина, Леонид.
Кемерово, 1997 год

цину и занялся книгоизданием, работает начальником редакционно-издательского отдела издательства «Кузбасс». Иногда печатает и мои книги.

У нас двое детей, Екатерина и Леонид.

Я, как и двадцать лет назад, работаю в Кузбасском техническом университете на кафедре отечественной истории, теории и истории культуры и занимаюсь литературной деятельностью. У меня вышло пять книги. В этом мне очень помогли два человека: муж и брат.

Володя профинансировал мою первую книгу сказок для детей «Диковинки», дав толчок нашей с мужем книгоиздательской деятельности. А Андрей курировал, поддерживал и частично финансировал публикацию остальных.

Володя вырос в крупного предпринимателя. Его фирма «Инта́нт», которая начиналась с трёх сотрудников в малень-

кой комнатухе на третьем этаже радиотехнического корпуса ТУСУРа, стала крупнейшей в Западной Сибири компанией в сфере ИТ (информационных технологий).

Володя выкупил под свой офис большую двухэтажную ТИЗовскую столовую на улице Вершинина, в которой мы с сестрой ещё студентками, бывало, обедали.

Он объездил полмира, завёл партнерские отношения с крупнейшими компаниями: Intel, Microsoft, Samsung и проч.

Годовой оборот его фирмы составляет... Нет, нельзя выдавать финансовые тайны.

Сейчас мы изредка перезваниваемся со своими двоюродными братьями и сёстрами, ещё реже – видимся. И мечтаем когда-нибудь всем вместе встретиться в Аиртаве.

А правда, давайте встретимся?

Кемерово, 2007 год

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложение вошли документы, касающиеся восстания казаков в Кокчетавском уезде в 1921 году, непосредственными участниками которого стали жители Чалкара и Аиртава, наши близкие родственники. Выборка документов сделана из книги «Сибирская вандея. 1920-1921 гг. Сборник документов. Т. 1-2.М., 2001».

№1. ИЗ СВОДКИ ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ОМСКОГО ГУБИСПОЛКОМА СОВЕТОВ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ГУБЕРНИИ ЗА 1-15 НОЯБРЯ 1920 Г .

г. Омск (конец ноября 1920 г.)

<...> Настроение населения.

<...> Кокчетавский уезд. Настроение населения в большинстве враждебное. Враждебность эта выражается на почве хлебной и др. разверсток, недостачи предметов первой необходимости и подводной повинности. Крестьянство сильно недовольно тем, что между Кокчетавом и Петропавловском для идущих подвод с хлебом в Петропавловск нет пунктов, где могли бы ямщики получать горячую пищу и фураж для лошадей.

Заведующий губернским
отделом управления *(подпись неразборчива)*

Заведующий губ. информационно-
инструкторским подотделом *(подпись неразборчива)*

ГАНО. Ф.р.1. Оп. 1. Д. 319. Лл. 77, 78. Машинописная копия.

№ 2. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 6 ЗАСЕДАНИЯ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА РКП(б)

г. Кокчетав (21 января 1921 г.)

Присутствовали: Ф.В. Воронов, А. Шапченко, Финогенов, К. Черкасов.

Слушали: О посылке нескольких т.т. в уезд с широкими полномочиями для искоренения появившегося местами бандитизма, исходящего от отдельных личностей – агентов советской власти, злоупотребляющих своим положением, позволяющих себе без всякого права разного рода реквизиции, конфискации одежды, обуви у крестьян, чем (они) создают острое положение, дискредитируют советскую власть и РКП, обостряют отношение крестьянства к советской власти и РКП.

Постановили: Ввиду того, что в недалеком будущем предполагается съезд секретарей комячек уезда, широко осветить этот вопрос перед съездом секретарей, дав необходимые указания, как нужно вести борьбу с появившимся бандитизмом, чтобы устранить то обостренное отношение крестьянства к советской власти и РКП, которое может привести к нежелательным результатам.

Председатель *(подпись отсутствует)*

Секретарь *(подпись отсутствует)*

ГАНО. Ф.п. 1. Оп. 1 Д. 62. Л. 35. Рукописный оттиск.

№ 3. РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА Ф.В. ВОРОНОВА И НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ С.В. ПИРОГА

(Не позднее 18 февраля 1921г.)

(Кокчетав. Воронов:) Я буду говорить кратко, подробные сведения будут переда ны вслед оперсводкой.

Положение таково: В районе Кривоозерной положение слишком скверно. В тылу Кривоозерной, в станице Челкарской, что 28 верст юго-восточнее Кривоозерной, и в станице Имантавская, (что) 36 (верст) южнее Кривоозерной, вспыхнуло восстание казаков. Кроме того, банды напирают со стороны Корнеевки и, просачиваясь к югу в обход Кокчетав с запада, поднимают восстания казачьих станиц, что видно из восстаний Имантавской и Челкарской станиц. (В) Кривоозерной мною создан опорный пункт. В Кривоозерную выслан отряд под командой комполка-182 Ларионова (Ф.А.) в составе 120(-ти) штыков, 50(-ти) всадников при трех пулеметах, при 10–12 тыс. патрон(ов). Отряду Ларионова дано задание: 1) подавить восстание в станицах Имантавской и Челкарской, 2) укрепить Кривоозерный район как подход к Кокчетаву и ударить на Корнеевку вверх по Ишиму, к Петропавловску, в помощь отряду Зинеева, 3) Ларионову дано право действовать решительно и самостоятельно. <...>

Далее, настойчиво прошу обратить внимание на Кокчетавский уезд. Удивляюсь непосылкой до сего времени подкрепления со стороны Омска на Кокчетав, как я говорил ранее с Вами в разговорах, и не высылке оружия и боеприпасов. Общее настроение уезда контрреволюционное. Непременно передайте эту информацию в губисполком и губчека.

№ 4. ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ УЕЗДНОЙ ТРОЙКИ

г. Кокчетав (19 февраля 1921 г. 17 час.)

Шучинский район. В связи с раздачей беднякам хлеба настроение улучшается. Главари почти изъяты. Крестьяне к казакам не примыкают. Сандыктавский район почти весь охвачен восстанием. Замечается брожение в Сандыктаве, что 90 верст южнее Кокчетав по тракту на Атбасар, и (в станице) Зеренда, что 45 (верст) южнее Кокчетав. Есть сведения о восстании в станицах Н(ово)-Николаевской, что в 80 (верстах) юго-западн. Кокчетав, Акан-Бурлакской, что в 35 (верстах) юго-запад. Н(ово)-Николаевской, Арыкбалыкской, что в 40 (верстах) сев.-западн. Н(ово)-Николаевской, Верхне-Бурлакской, что в 25 (верстах) сев.-западн. Н(ово)-Николаевской, Нижне-Бурлакской, (что) в 25 (верстах) южнее Н(ово)-Николаевской. Вокруг станиц выставлены посты, производятся аресты советских работников. По распоряжению Сандыктавской тройки по направлению (к) Н(ово)-Николаевской (станция) выслана разведывательная партия в 50 штыков. В станице Зеренда гарнизон подкреплен отрядом в 50 штыков при пяти всадниках. Установлена связь летучей почтой.

Предтройки *Розенбах*
Командующий войсками *Воронов*

ГАОО. Ф.р. 1818. Оп. 1. Д. 8. Лл. 21, 22. Машинописный оттиск.

№ 5. ТЕЛЕГРАММА ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ В.И. ШОРИНА КОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА Ф.В. ВОРОНОВУ

г. Омск (19 февраля 1921 г.)

Действия Ваши по ликвидации восстания нахожу неправильными, Вы разбросали свои силы и действуете мелкими отрядами, что успеха дать не может. Приказываю:

Главное внимание обратить на обеспечение города Кокчетав, где иметь сильный кулак для действия (в) угрожаемых направлениях.

В первую очередь ликвидируйте восстания (в) районе казачьих станиц Челкарская, Имантовская, Келлеровка, действуя сосредоточенными силами и нанося решительные удары. Для обеспечения тракта Кокчетав – Петропавловск установите (в) важнейших пунктах по тракту заставы, которые должны вести разведку, установите с ними и между ними связь.

(В) районе Кривоозерной имейте сильную заставу.

По ликвидации восстаний (в) южном районе приступите (к) разгрому повстанцев (в) районе Корнеевка – Сыскуль.

б)Что касается района, прилегающего (к) Петропавловску по течению реки Ишим, то ликвидация (в) этом районе будет произведена частями Петропавловского гарнизона, а потому в этот район своих сил не отвлекайте, ограничивайтесь только разведкой.

Высланная Вам из Омска рота (в) составе 250 человек значительно усилит Вас, ее используйте для самых решительных действий по подавлению восстаний (в) постепенно, Вам указанной.

Запас вооружения, высланный Вам с ротой, используйте для вооружения местных коммунистов в районе Кокчетав.

Получение донесите. НР588/ОП.

Помглавком	<i>Шорин</i>
Наштасиб	<i>Афанасьев</i>

РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 75. Л. 159. Машинописный подлинник.

№ 6. ДОНЕСЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧЕЛКАРСКОГО ВОЕННОГО СОВЕТА В ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ШТАБ ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (19 февраля 1921 г.)

Граждане станицы Имантовской Василий Виссарионович Кунгурцев, 35 лет, и Никифор Лукьянович Миронов, 25 лет, были назначены в разведку и пойманы противником в селе Ново-Николаевское, которые нанесли последним следующие нечеловеческие пытки.

У первого мученика, Василия Кунгурцева, сначала надели на шею веревку и стали давить, так как при освидетельствовании понятых на шею оказались два синие передава, а руки были связаны назад, потом стали наносить нечеловеческие ранения сначала с правой стороны пищевода, на затылке нанесена рана топором и голова отвалена совсем к плечу, на лице также от правого глаза до правого уха тоже рассечено, и через рану видно, что мозг совсем выбит, далее спереди стали производить удары (как по освидетельствованию оказалось) в лоб прикладом так, что череп оказался спереди до половины головы назад сплюсненным.

У второго мученика, Никифора Миронова, были нанесены муки: надета на шею веревка, и стали давить, чему свидетельствуют сильные передавы на шее, затем связали руки и стали колоть глаза так, что (по освидетельствованию) глаз правый совсем вышел из своего места и висит на правой щеке, а левый глаз тоже кололи ножом, в глаз(ниц)е большая рана. Далее стали колоть в рот штыком, и рана вышла через мозг в затылок. Зубы все выбиты, в носу все исковырено ножом, правая рука выкручена из предплечья, на теле ран нет.

Граждане, это все действительная истина, все это освидетельствовано при понятых, как изверги-коммунисты вменяют свои нечеловеческие мучительные для людей

пытки, и каждый истинный гражданин не позволит себе такого зверства и обращения со своим собратом, по крайней мере, по религии, а потому изверги-коммунисты даже не достойны звания человека, а скорее звери, жаждущие и уже напившиеся крови своих же братьев.

Председатель
Челкарского военного совета *Ченрасов*
РАНО. Ф.п. 1. Оп. 9. Д. 15а. Л. 220. Типографский оттиск.

№ 7. ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ПОВСТАНЦЕВ СТАНИЦЫ САНДЫКТАВСКАЯ В КОКЧЕТАВСКИЙ ВОЕННЫЙ ШТАБ

ст. Сандыктавская (23 февраля 1921 г. 1 час. 50 мин.)

Временный военный совет станицы Сандыктавская и прилегающего к нему района от лица всего населения поздравляет Кокчетав, население всего города с победой над врагами трудящихся – коммунистами и желает от души дальнейшего успеха. Сандыктав и прилегающие к нему села стали на защиту от малого до старого, коммунисты в панике разбегаются. Положение на Сандыктавском фронте. 23 февраля следующее: фронт на восток проходит по Николаевской, Сандыктавской, Краснополянской, Сарымсактинской волостям. По занятию нами сел власть Народной армии граждане встречают радостно и снабжают отряды чем могут, то есть их пополняют новыми бойцами, организуют новые отряды.

Коммунисты делают попытки организовывать отряды, но попытки их обречены на неудачи, бегство коммунистов – совершившийся факт.

Преследование продолжается, советом сформирован отряд в числе 1000 человек, который сегодня же направляется для пересечения пути отступающих через Атбасар на Старо-Колутон (ское).

Председатель совета *Муллер*
Члены: *Лоскутов, Смирнов, М. Куркин,*
Капатов, Дотуликов

ГАНУ. Ф.п. I. Оп. 9. Д. 15а. Л. 208. Типографский оттиск.

№ 8. ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА К ПОВСТАНЦАМ

г. Кокчетав (не ранее 23 февраля 1921 г.)

Граждане-воины многострадальной России. Кокчетавский временный исполнительный комитет обращается к Вам от лица граждан г. Кокчетав и станицы с величайшей просьбой не чинить самосуда над оставшимися коммунистами, так как от последних зависит жизнь наилучших граждан г. Кокчетав и его уезда, увезенных (в) коммунию как заложников.

Уводившие с собой наших отцов и братьев-беспартийных бесстыдные коммунисты говорили: за каждого расстрелянного коммуниста будем расстреливать десять заложников. Будьте, братья-воины, терпеливы по отношению (к) оставшимся коммунистам. Каждого задержанного коммуниста немедленно отправляйте во временно избранный исполнительный комитет г. Кокчетав. Да здравствует советская власть!

Начальник штаба *Романов*
Помощник нач(альника) штаба *Карпов*

ГАНУ. Ф.р. 302. Оп. 1. Д. 636. Л. 43. Типографский оттиск.

№ 9 . ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО РАЙОНА

г. Кокчетав (не ранее 23 февраля 1921 г.)

1) Предписываю: всем гражданам, как военным частям, так и не вошедшим в состав военных частей, принять участие в устранении грабежей и насилий против чисто гражданской советской власти, нарушений и бесчинств. 2) Обезоруживать красноармейцев и сдавать в штаб армии оружие.

Арестовывать подозрительных лиц, участвовавших в коммунистическом деле, не считаясь с партийными и беспартийными.

Устранить спиртные напитки. Виновные в нарушении тишины и спокойствия в пьяном виде по г. Кокчетав и замеченные в таком виде будут привлекаться по закону гражданской советской власти, как в военное время.

Город Кокчетав призывается к тишине и спокойствию; лица, занимавшиеся и учрежденные бег и на ответственных постах, должны оставаться на местах, за каждое учиненное с целью упущение по службе и расхищение имущества, не имея на то оправдательных доказательств, будут привлекаться к законной ответственности.

б) Собрать общий сход и избрать временный исполком.

Начальник штаба *Романов*

ГАОО. Ф.р. 1374. Оп. 1. Д. 98. Л. 116. Типографский оттиск.

№ 10. ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ШТАБА ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (24 февраля 1921 г.)

Петропавловское направление - Народной армией захвачен ряд сел около Сухотино и Келлеровки, коммунисты в панике разбегаются, захвачены пленные.

Омское направление - сведений не поступило.

Акмолинское направление - занят ряд сел по тракту местными повстанцами.

Атбасарское направление - наши доблестные партизаны находятся в 30 верстах от г. Атбасар. Путь отступающим бандам коммунистов отрезан.

По последним донесениям, на Петропавловском направлении занято село Корнеевское 13 февраля и ряд сел в радиусе 100 верст от Корнеевского.

Коротким ударом наших орлов взято Ново-Покровское, много пленных, коммунисты бегут во все стороны, население вылавливает их успешно. Из аулов киргизы вылавливают коммунистов и представляют в штаб Народной армии в станицу Ново-Николаевская, что 40 верстах от Петропавловска. По сводке из г. Петропавловска, нами взято 3000 винтовок, много патронов, и за все время сдалось 25000 красноармейцев.

Нач. штаба

Романов

№ 11. ПРИКАЗАНИЕ № 1 НАЧАЛЬНИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРИ ГЛАВНОМ ВОЕННОМ ШТАБЕ ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (около 24 февраля 1921 г.)

Начатое народное дело восстания против угнетателей жидов и их прихвостней коммунистов сделано наполовину. Все как один, от мала до велика, пошли на своих врагов кто с чем мог. Волна движения охватила весь Кокчетавский уезд, а по имеющимся точным сведениям, то же происходит во всех уездах Омской губернии и в других губерниях, смежных с ней. Дело нужно довести до конца возможно скорее, ибо приближается весна, а с ней и весенние полевые работы. А потому предлагается всем волостям, станицам, поселкам и аулам приступить к добровольному формированию отрядов, не стесняясь их количеством, однако принимая во внимание их качествен-

ное отношение. Все люди сформированных отрядов остаются на своих местах и продолжают работать в хозяйствах, а о них лишь немедленно донести в Главный штаб повстанцев в г. Кокчетав с обозначением количества, например: «В такой-то волости или селе имеется добровольцев столько-то конных, столько пеших». По мере необходимости добровольцы эти будут вызываемы для дальнейших операций.

Начальник формирования
при Кокчетавском глав(ном) воен(ном) штабе *Иван Карпов*
ГАНУ. Ф.п. 1. Оп. 9. Д. 15а. Л. 202. Типографский оттиск.

№ 12. ПРИКАЗ № 1 ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ШТАБА НАРОДНОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (25 февраля 1921 г.)

Совещанием Главного уездного военного совета из числа сотрудников совета назначены: в уездный продовольственный отдел – 1) Иван Панкратович Иванов, 2) Нестор Дмитриевич Лепихин; в санитарное управление – Николай Калистратович Проказин; в отдел народного образования – Степан Федорович Тюгин; для розыска и возвращения расхищенного казенного имущества – 1) Михаил Дмитриевич Дебин, 2) Андрей Герасимович Никитин; представителями в уездную милицию – 1) Иван Матвеевич Науменко, 2) Иван Яковлевич Муханов, каковым с сего числа приступить к исполнению возложенных на них обязанностей.

Председатель Главного уездного военсовета *Хорев*
Секретарь *Андреев*
ГАНУ. Ф.п. 302. Оп. 1. Д. 636. Л. 40. Типографский оттиск.

№ 13. ПРИКАЗ № 5 ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТА НАРОДНОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (27 февраля 1921 г.)

П.1. Население г. Кокчетав и уезда, занимающееся земледельческим трудом, но не имеющее продовольствия в настоящее время, а также инвалиды удовлетворяются из ближайших сыпных пунктов сырой пшеницей по одному пуду на едока в месяц.

П.2. Служащие и рабочие уезда, а также их семьи получают из ближайшего сып(ного) пун(кта) по одному пуду 20 фун(тов) в месяц сырой пшеницы.

П.3. Служащие и рабочие города Кокчетав и их семьи удовлетворяются пшеничной мукой-сеянкой по 30 фунтов в месяц или по одному пуду 20 фунтов сырой пшеницы со сыпного пункта в месяц по желанию.

П.4. Служащие и рабочие города и уезда и их семьи из имеющихся запасов получают мяса 1/2 фунта в день на едока.

П.5. Упомянутые в п.п. 1, 2, 3 и 4 продукты выдаются каждому члену семьи возрастом от одного года и бесплатно.

П.6. Городское население получает продукты по карточкам, выдаваемым из продовольственного отдела, а сельское – по ордерам волостных и станичных советов.

Карточки выдаются через квартальные комитеты, которые и устанавливают право на получение продовольствия, а ордера – по обследованию нужды.

П.7. Настоящий приказ имеет силу на март 1921 года.

Председатель Главного уездного военсовета *Хорев*
Заведующий канцелярией *Дорохов*
ГАНУ Ф.п. 5. Оп. 2. Д. 1612. Л. 1. Типографский оттиск.

№ 14. ПРИКАЗ № 6 ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТА НАРОДНОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (27 февраля 1921 г.)

Во всех волостях и станицах должны быть взамен исполкомов временно организованы военные советы в составе председателя, двух (его) товарищей по военной и хозяйственной частям и секретаря, в прочих селениях и аулах – сельские и аульные (военные) советы в составе председателя, его товарища и секретаря.

Волостные, станичные, сельские и аульные военные советы избираются в том же порядке, как волостные и сельские исполкомы, по законам советской республики, с той лишь разницей, что право избирать и быть избираемым имеют все граждане без различия пола, нации и вероисповедания, достигшие 18-летнего возраста, за исключением лишь опороченных по суду.

Председатель Главного уездного военсовета
Заведующий канцелярией

*Хорев
Дорохов*

ГАНО. Ф.л. 5 Оп. 2. Д. 1612. Л. 2. Типографский оттиск.

№ 15. ВОЗЗВАНИЕ РУКОВОДСТВА ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА К КРАСНОАРМЕЙЦАМ, КРЕСТЬЯНАМ И ГОРОЖАНАМ

г. Кокчетав (конец февраля 1921 г.)

Братья красноармейцы, крестьяне и горожане. Наконец-то, после долгих усилий, после рек крови борцов против насильников, власть коммунистов в Кокчетавском и др. городах и уездах пала.

Крестьяне и красноармейцы, мы знаем, что вы относитесь недоверчиво к движению, поднятому нами против наших общих врагов: коммунистов и жидов.

Напуганные действиями наших высших офицеров и генералов, вы теперь тоже, вероятно, думаете, что казаки поднялись для восстановления колчаковского произвола. Нет, братья, нам не нужно того, что отброшено историей. Колчак пал потому, что не понял духа свободолюбивого сибирского крестьянина и казака. Нам, братья, как и вам, не нужны золотые погоны. Нам их, простым казакам, не носить.

Мы дети одной с вами трудовой семьи. Ваше горе горько и нам. Нам в Сибири с вами делить нечего. Земли у нас хватит на всех, и мы имеем общих врагов.

Мы поднялись все, как один человек, против кучки жидов и их наймитов, заграничных прожигателей жизни, нагло именующих себя рабоче-крестьянской властью.

Мы не хотим, чтобы нами командовала, нас обирала, нас гноила по разным чекам да по тюрьмам, чтобы расстреливала тысячами, как в Омске, кучка коммунистов.

Мы хотим, чтобы была свободная торговля, чтобы каждый мог продать, что имеет лишнего, а неимеющий мог купить.

Мы требуем, чтобы не было разверсток, излишки наш брат хлебороб сам продаст.

Мы стоим за советскую власть, но не за такую, какую представляют ее коммунисты; за власть всего народа, а не за кучки бывших острожников, жидов и коммунистов.

Советская власть -- власть народа, а не должна быть властью коммунистов.

Вставайте все как один: рабочий, крестьянин, казак, киргиз – все народы против угнетателей!

Час пробил! Да здравствует свободный трудовой народ, свободная торговля и свободный труд!

Да здравствует советская власть без узурпаторов – кровожадных коммунистов!

Начальник штаба

Романов

ГАОО.Ф.р. 1374. Оп. 1. Д.98.Л. 118. Типографский оттиск.

№ 16. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТА ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВ-СКОГО УЕЗДА К КРЕСТЬЯНАМ, КАЗАКАМ, КИРГИЗАМ И РАБОЧИМ УЕЗДА

г. Кокчетав (конец февраля - начало марта 1921г.)

Граждане крестьяне, казаки, киргизы, рабочие!

Коммунисты извратили задачи истинной народной власти. Они забыли, что благо народа, трудящихся есть основание народного благополучия. Они больше думали о себе, о своей партийной дисциплине, а не о нас - землеробах, трудящихся, не о нас, истинных хозяевах страны.

Всем известная чека, ни с чем не сообразная разверстка на предметы нашего труда, бесконечная подводная повинность, постоянные страхи за лишнее сказанное слово, за лишний кусок хлеба, тряпку, лишнюю вещь – все это жизнь нашу, и без того невеселую, обратило в ад, превратило нас в рабов случайных выскочек-мальчишек с сомнительным прошлым и настоящим.

Неумелое хозяйничанье нашим добром переполнило чашу терпения, и мы, зная, что нас ожидает, бросая дом, семью, объявили восстание и прогнали коммунистов.

Изгоняя коммунистов и лжекоммунистов-предателей, мы боремся за истинно народную власть, за неприкосновенность личности и частной собственности, за свободу слова, печати, союзов, убеждений, не направленных во вред народного благосостояния наций. Мы боремся за свободный труд, за землю для тех, кто на ней трудится.

Долой насилие над личностью. Мы не сторонники расстрелов: крови довольно, ее много пролито до нас.

Мы просим всех воздерживаться от самосудов: пусть виновность устанавливает народный суд, который будет карать только сознательных врагов народа и его благополучия.

Красноармейцы, вы наши по духу, по убеждениям, вы поймете нас. Бросайте «товорунов», идите в наши ряды. Здесь нет генералов, буржуев, царских офицеров, нет выскочек-болтунов. Вы встретите своих братьев, отцов с мозолистыми руками.

Коммунисты, знайте, что народ не с вами. Ваше дело проиграно. Уходите от нас. От вас зависит прекратить новые потоки крови и приблизить время спокойного производительного труда нашей разоренной страны.

Долой коммуны! Да здравствует народная власть советов и свободный труд.

Представители от всех населенных мест, т.е. сел и деревень повстанческой армии Кокчетавского уезда

Председатель военного совета *Хорев*

Представители от населения: *Корогченко, Багаев*

ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 9. Л. 15а. Л. 219. Типографский оттиск.

№ 17. ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОКЧЕТАВСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРОЙКИ Т.Ф. РОЗЕНБАХА ОМСКОМУ ГУБКОМУ РКПб)

с. Златоунное (1 марта 1921г.)

Т.т. Ширямову и Попову.

Дорогие товарищи. Я нахожусь в 90 верстах от Кокчетав в немецком поселке Златоунный и наконец выбрал минутку, чтобы поделиться впечатлениями.

Вам, наверное, положение про Кокчетавский уезд известно по моим официальным оперативным информационным сводкам и телеграммам. Очень жаль, что никак не добился в Кокчетаве разговора по проводу ни с вами, ни с Гузаковым и Полудовым, хотя вызывал вас всех не раз. Пришлось волей-неволей разговаривать с Шориным и выслушивать его «авторитетные» уверения, что гарнизон Кокчетав в 400 шты-

ков вполне достаточен. Он не принимал во внимание, что эти 400 штыков состояли из всякого сброда – милиционеров, повстанцев «алтайцев» и, как метко выразился один товарищ, сибирских «смежных коммунистов». Вся эта публика при первых выстрелах побежала без оглядки. Много дезертировало и побросало винтовки. Нельзя на словах передать весь тот кошмар, который пришлось пережить в Кокчетаве. Верно тов. Медведев писал перед смертью о том развале, который царит в Кокчетаве.

Поймите, дорогие товарищи, что вокруг меня нет никого, кому можно было бы доверить, знать, что человек, который с тобою рядом, мог бы и рядом умереть. Единственный человек, проявивший мужество за время этих событий, – это тов. Воронов, командующий войсками. Помнится минута, когда под первыми выстрелами мы видели из окна штаба, что все в панике понеслись из города; тов. Воронов, измученный вместе со мною бессонными ночами, не выдержал и зарыдал. Нас оставили в городе одних. Вся трусость этой мерзости (Ребров, Иванов, Ганшкевич, Левченко, Гостев, Григорьев) нельзя передать без чувства противности.

Я полагаю, что вы с ними поступите так, как надо. Насколько эта публика погана, говорит прилагаемое письмо ответственного секретаря укомпарта тов. Шапченко. Эти люди имеют еще смелость в чем-то обвинить тов. Воронова. Неужели они не понимают, что лично мне было бы в тысячу раз легче пустить себе пулю в лоб, чем руководить трусами, шкурниками, ворами.

Знайте, товарищи, что я противник каких бы то ни было насилий в политической борьбе, всегда отказывался работать в ЧК и трибуналах, дошел до того, что подписываю приговоры о расстрелах, и у меня рука не дрожит.

Ну хорошо, обо всем после ликвидации восстания я дам подробный отчет в Омске. Теперь о самом характере восстания. По всем признакам, повстанцы стараются разжечь восстание среди киргизов. Почва для этого благоприятна. Константин Андреевич (Попов) помнит, какое значение я придавал в докладах губисполкому невыдаче киргизам мануфактуры и хлеба. Теперь это сказывается – киргизы уже убивают в аулах отдельных красноармейцев. Вот и результаты «советского шантажа» Монастырского и Бродского. Я удивляюсь той уверенности, которой охвачен тов. Полудов про сибирских казаков.

В день моего отъезда из Омска он еще говорил: «Я кокчетавских казаков знаю, они настроены очень революционно (а я это испытываю теперь на своей шкуре), они первые выступили против Колчака».

Для меня, конечно, понятна неизбежность волны крестьянских восстаний в Сибири. Но надо сказать прямо, что подгадили нам когановичи и монастырские. Верно говорил Гузак, что после Монастырского ему тоже придется весной получить Красное знамя. Самыми популярными лозунгами контрреволюционных агитаторов являются: 1) отбояние семенного хлеба, 2) довольно разверсток, 3) долой коммунистов.

У меня громадная куча перехваченных писем и приказов повстанцев. Есть много с царскими печатями. Пестрят фразы – «ждите властей», «братья, поддержите погонь», «с нами Бог» и т.д. По-моему, восстание и организовано, и стихийно. Повстанцы берут нас шапками и нагоняемой паникой. Наверное, им известно, что у нас нет патронов. Вчера отступил по направлению к Златоурному наш отряд из Борового в 200 штыков. Этим отрядом руководит член ВЦИК тов. Степанов. Я его ввел кандидатом в Кокчетавскую тройку. Казаки действуют целыми массами в несколько тысяч и нагоняют страх на наши маленькие отряды.

Вся надежда на получение из Омска патронов не меньше нескольких сот тысяч штук. Если были бы боеприпасы, я бы ликвидировал восстание незначительными силами, имеющимися у меня.

По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет.

Пришлите побольше листовок-воззваний. Я их теперь печатаю на машинках. За все время не видел с 9 февраля ни одной газеты и не знаю, что кругом делается. Единственная просьба, не скрывайте от меня ничего, дабы я мог действовать, как найду нужным. Информировать об общем положении и, (в) частности, в Омской губернии. Пока все. Это письмо частное, неофициальное. Прошу побольше доверия мне, и дайте возможность действовать решительно от имени губкома и губисполкома,

Работать приходится в кошмарных условиях. Кругом степь, киргизские аулы. Все время ужасные бураны и морозы. В халупках размером 4х5 арш(ин) размещены по 30–40 красноармейцев и коммунистов. Двигаться дальше в Омский населенный уезд нет смысла. Ведь надо вернуться обратно. Очень трудно наладить связь с нашими другими отрядами. Взгляните только на карту, и Вам станет понятно все. Ведь Кокчетавский уезд будет в несколько раз больше бывшего Южного фронта.

Жму руку и жду помощи.

Розенбах

ЦДНМО Ф. I. Оп. 2. Д. 134. Лл. 10-42. Машинписный подлинник.

№ 18. ПРИКАЗ № 10 ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ШТАБА. ПОВСТАНЦЕВ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (не позднее 2 марта 1921 г.)

Немедленно мобилизовать всех граждан волостей Алексеевской, Пановской, Павловской, Александровской, Кривоозерной, родившихся с 1895 по 1900 год включительно. Все лица, подлежащие мобилизации, должны немедленно явиться в Кокчетав (в) мобилизационный отдел.

Всем волостным военным советам приказываю в порядке товарищеской дисциплины и в интересах общего дела организовать отряды на местах, назначая командный состав из офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей, унтер-офицеров и вообще сведущих в военном деле. Численность отрядов должна колебаться от 200 до 350 чел. Вооружить, кого чем попало. Недостающее получите в Кокчетаве. Коммунисты уже напуганы при виде нашей Народной армии. Они бегут. Потому, товарищи, за власть народа - вперед.

От мобилизации освобождаются состоящие на службе в военных советах (кроме офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров), на почте и телеграфе.

Начальник штаба *Карпов*

Адъютант *(подпись неразборчива)*

ГАНУ. Ф.п. 1. Оп. 9. Д. 15а. Л. 207. Машинписный подлинник.

№ 19. ПРИКАЗ № 3 ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТА НАРОДНОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА

г. Кокчетав (3 марта 1921 г.)

1. Во исполнение постановления Кокчетавского Главного военного совета от 25 февраля 1921 г. № 3, в целях скорейшей ликвидации власти коммунистов в пределах Кокчетавского уезда объявляется призыв на военную службу граждан города Кокчетав и его уезда, родившихся в 1890, 1891, 1892, 1893, 1894/1895, 1896 1897, 1898, 1899 годах, за исключением киргизского населения.

Первым днем призыва назначается 6 марта 1921 г.

Первым днем явки для граждан Александровской волости (станции и временно проживающих в ней, назначается 9 марта 1921 г.

Во исполнение сего приказываю всем, подлежащим явке к призыву, прибыть на сборный пункт в город Кокчетав в помещение, находящееся против казачьей церкви (бывшее управление атамана 1-го казачьего отдела), в назначенный в параграфе 1 сего приказа день к 7 часам утра.

От явки на сборный пункт по призыву никто не освобождается, кроме: 1) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки), а также одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке, удостоверенных свидетельствами волостных советов; 2) лица, уже вступившие в добровольческие отряды Народной армии и находящиеся в штабах, управлениях и заведениях военного ведомства; 3) почтово-телеграфные работники; 4) граждане, состоящие на службе в милиции; 5) лица медицинского и ветеринарного персонала, состоящие на службе по специальности.

Все предприятия, учреждения и частные лица, у которых состоят на службе подлежащие мобилизации, обязаны своевременно освободить (их) от занятий и произвести окончательный расчет. Все призываемые обязаны иметь на руках личные учетные карточки, а не имеющие таковых – паспорт или удостоверение о личности. Неполучение документов от явки не освобождает.

Все уклоняющиеся от явки по мобилизации на сборный пункт, равно лица, содействующие сокрытию призываемых, объявляются дезертирами и врагами народа и будут строго караться по закону военного времени.

Наблюдение за своевременной явкой лежит на волостных военных советах.

Ввиду недостатка в обмундировании всем подлежащим призыву предлагается принести с собой следующие вещи: валенки, сапоги, полшубок и прочие теплые вещи, годные для носки. Служившим в кавалерии предлагается привести с собой лошадей с седлами и уздечками для службы в кавалерии.

Отсрочек и увольнений на устройство домашних дел со сборного пункта мобилизованным даваться не будет, а потому все являющиеся на сборный пункт обязаныстроить свои домашние (дела) до назначенного дня явки.

Все волостные и станичные военные советы по получении настоящего приказа обязаны немедленно составить списки в двух экземплярах на всех граждан, указанных в параграфе I, в порядке годов рождения, начиная с младших возрастов.

Председатель Главного военсовета Кокчетавского уезда *Хорев*
Представители населения: *Галинчук, Леонов, Шатилов, Стешин*
ГАНО. Ф.п. 302. Оп. 1. Д. 636. Л. 41. *Типографский оттиск.*

№ 20. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (7 марта 1921г.)

26-й кавполк с четырьмя ротами 233-го полка и двумя орудиями в течение 3, 4 и 5 марта имел в районе пос. Новоявленский, Ильинское, Корнеевский ряд боевых столкновений с бандитами. Наши потери: 3 убитых и 16 раненых. Бандиты потеряли одними убитыми более 300 человек. К вечеру 6 марта 26-й кавполк с приданной ему пехотой и артиллерией прибыл в Кокчетав <...>.

Начштаба и военком южгруппы *Чуриков*
РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 88. Л. 65. *Телеграфный бланк.*

**№ 21. ТЕЛЕГРАММА УПОЛНОМОЧЕННОГО СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПО СИБРЕВКОМА И.Н. СМИРНОВУ И ПОМГЛАВКОМУ ПО
СИБИРИ В.И. ШОРИНУ**

г. Кокчетав (8 марта 1921 г.)

Кокчетав был оставлен (советскими войсками) 21/02 без выстрела со стороны противника, без соприкосновения с ним. Царила самая гнусная и позорнейшая паника, побудительные причины к таковой следующие.

В поселок Челкарский был послан Кокчетавской тройкой отряд под командой Архипова (Н.М.) и Ларионова, потому что там бандиты вырезали якобы несколько семей коммунистов. Отряд этот бежал оттуда в панике, бросив два пулемета без замков, и на обратном пути заночевал в поселке Еленинский. Ночью на них напали бандиты, ранили пятерых. Ларионов сбежал первым в Кокчетав и здесь навел панику. Розенбах, как он сам выразился, пропал все время на прямых проводах. К организации военной силы не было принято тройкой существенных мер, патронов, оказалось, было больше чем достаточно, сил также.

21 февраля распустил тюрьму. Начался грабеж, ибо шла подготовка к эвакуации, потому что с Омском была оборвана телеграфная связь, а к Розенбаху в кабинет ворвался освобожденный контрреволюционер студент Лачугин – умалишенный, после этого все побежали.

Извините за тон бытоописания, но я не преувеличиваю нисколько. В распоряжении Щучинской тройки было тридцать тысяч патронов, в распоряжении Кокчетавской тройки, полагаю – еще больше, ибо в отряде комбрига Богданова П.В., уехавшего с фронта в Омск, в Сибирскую трудовую армию, до моего приезда было 17 000 патронов. В отряде Розенбаха и Воронова еще теперь пулеметных патронов числится более 20 000.

Три дня Кокчетав не был никем занят, царил грабеж. Потом пришло палочное войско бандитов. По определению их самих, был организован бандитами. Главный военный совет, штаб, комендатура, была объявлена мобилизация. В их распоряжении оставалась Кокчетавская типография, печатались приказы, воззвания, распространялись слухи о падении Омска и Иркутска и т.д. Новая власть только производила аресты, никого не расстреливая. Была объявлена советская власть без коммунистов, свободная торговля. Пребывание свое (в) Кокчетаве бандиты использовали широко в смысле агитации, пропаганды так называемого истинного народовластия. Они имели большой успех среди крестьянства, которое активно принимало участие, больше чем наполовину, казаки все почти, киргизы – незначительная часть. Кокчетав банды обороняли довольно дружно и храбро, но потом дрогнули и побежали в панике, бросив в пяти верстах от Кокчетав пленных советских работников и красноармейцев - около 600 человек. Вывезти они ничего не успели. Чрезвычайная тройка требует ареста Розенбаха, Воронова. Конечно, их ждет высшая мера наказания. Прошу указания, как поступить. Откровенно заявляю: Розенбах жалко, он виноват формально, ибо приехал 9 февраля, а 10/02 в уезде уже наблюдались вспышки.

Розенбаху, Воронову и Ларионову угрожал самосуд со стороны красноармейцев. Все части, кроме 233-го полка, страшно распущенны, проникнуты духом партизанщины, предстоит проделать большую работу. Ревком создан в составе Григорьева, Сухомлинова и комполка-253 т. Орфеева.

Завтра организую уездбюро, проведу через общее собрание. Организация совершенно развалилась, рекой разливается демагогия на почве (не)доверия, озлобления. О противнике и плане предстоящих операций сообщил Шорину. Пошлите двух ответственных товарищей председателем ревкома и секретарем уездного бюро. Продкомиссаром

взамен назначил Щучинского райпродкомиссара. Вопрос вывоза мяса, сырого хлеба, его пересушка остается по-прежнему острым вопросом. Подвод пока не можем мобилизовать, кроме как из района Сухотинской волости, но этого недостаточно. Посылайте зерносушилки. Разверстка, полагаю, должна быть приостановлена, ибо всего собранного мы реализовать не сможем, так как аппарат разрушен. Жду срочных указаний.

Евгении Полюдов

ГАНО. Ф.п. I. Оп. 9. Д. 150. Л. 94. Машинописный оттиск.

№ 22. РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ В.И. ШОРИНА И УПОЛНОМОЧЕННОГО СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВА

(Не ранее 9 марта 1921г.)

(Омск. Шорин:) У меня создалось впечатление, что (в) районах Кокчетав, Атбасара и Акмолинска движение не приняло серьезных размеров, оно есть только частичное, а как Вы думаете?

(Кокчетав. Полюдов:) Группа бандитов, бывшая в Кокчетаве, пользовалась типографией, а постыдное бегство Кокчетавского гарнизона и советских учреждений из Кокчетавы придали этому движению массовый характер. Положительной стороной является ограниченность противника в оружии и боеприпасах. Самое же движение считаю серьезным. В него втянуто все казачество, до половины крестьянства и часть киргиз. Мирная жизнь нарушена, нет возможности реализовать заготовки продкомпании, много погибнет хлеба и мяса, и с этой точки зрения движение, конечно, считаю серьезным. Но при условии изоляции южного района путем заслонов от петропавловских бандитов мы здесь, полагаю, справимся быстро.

РГВА. Ф.384. Оп. 1.Д. 16. Лл. 17, 18. Телеграфный бланк.

№ 23. ТЕЛЕГРАММА УПОЛНОМОЧЕННОГО СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВА В ОМСКИЙ ГУБКОВ РКП(б)

г. Кокчетав (10 марта 1921 г.)

Сообщаю, что, по грубому подсчету, в Кокчетавском уезде, именно в районах Кокчетавского упродкома насчитывается 350 тысяч пудов сырого хлеба. (Мы) организуем вывоз части хлеба. Думаю, что не менее 10 тысяч подвод сможем мобилизовать, высылаю специальных уполномоченных по мобилизации подвод. <...> Высылайте упродкомиссара и других продовольственников, партийных и советских работников. Разверстка, конечно, остановилась, и начинать ее сейчас, полагаю, не будем. Пошлите ответственного предуредкома. Сообщаю, что Розенбах, Воронов и Степанов мною арестованы и направляются (в) Омск. Арестуйте бывшего командира 63-й бригады (войск ВНУС П. В.) Богданова и всю его команду, сбжавших в распоряжение (Сибирской) трудовой армии Когана (И.Л.). Обвинительный материал вместе с арестованными завтра высылаю.

С Атбасарским отрядом под командой тов. Бокши (В.) наши части южной группы соединились в ст. Сандыктавская. Я их подчинил себе. Подготавливаю сейчас полное окружение казачьих станиц в районе (Лабановской, Челкарской, Арык-Балыкской и Имантавской. Тут мы, надеюсь, ликвидируем бандитов окончательно (и) безвозвратно на долгое время. Сегодня возьмем ст. Щучинская и будем двигаться на Акмолинск. На Атбасар путь свободен. Со штабом пока остаюсь (в) Кокчетаве. Подробности затребуйте от помглавкома. № 21.

Уполномоченный и командующий группой Евгений Полюдов

ЦДНИОО. Ф. I. Оп. 2. Д. 140. Л. 163. Телеграфный бланк.

№ 24. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (10 марта 1921 г. 20 час.)

Правый боевой участок. Сегодня в 10 часов банда силою до 500 человек повела наступление со стороны станицы Челкарская на занимаемую 26-м кавполком деревню Еленинская, но была отбита и преследуемая нашим эскадром и ротой отступила к станице Челкарская. Разведкой установлено, что в деревне Антоновская находится до 1 000 человек бандитов, в станице Челкарская - до 2000 человек, а в деревне Лабановская находится главный штаб бандитов с силой до 1 000 человек. Вчера 233-й полк установил связь с 26-м кавполком в поселке Павловский, занимаемым одним взводом 233-го полка. По сведениям разведчиков выясняется, что банды концентрируются в деревне Антоновская и станице Челкарская <...>.

Начштаба (южной группы) *Чураков*
Помначштаба по оперчасти *Немцевич*

№ 25. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (11 марта 1921 г.)

Правый боевой участок. Вчера в 10 часов банда силой до 500 человек со стороны станицы Челкарская наступала на занимаемую 26-м кавполком деревню Еленинская. После трехчасового боя она была отбита и преследуемая одним нашим эскадром и ротой отступила к станице Челкарская, но, получив подкрепление со стороны станиц Антоновская, Челкарская и Лабановская в количестве до 500 человек, вторично перешла в наступление на деревню Еленинская. После вторичного четырехчасового боя банды отступили на станицы Челкарская и Антоновская, наши потери: двое раненых. Потери противника: пять человек убитыми и много раненых. Нами захвачено десять повозок с продфуражом, десять штук пик и несколько берданок.

Средний боевой участок. Наступавший вчера на деревню Заборовская противник был отбит, и поселок Павловский обратно нами занят ротой 233-го полка, высланной из Кокчетав.

Левый боевой участок. Сводным полком ведется разведка в сторону станиц Боровое, Котуркульская и по тракту на Акмолинск. <...>

Начштаба (южной группы) *Чураков*
Помначштаба по оперчасти *Немцевич*

РГВА. Ф. 384. Оп. 1.Д.21.Л. 13. Рукописный подлинник.

№ 26. ТЕЛЕГРАММА УПОЛНОМОЧЕННОГО СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВА В ОМСКИЙ ГУБКОВ РКП(б)

г. Кокчетав (11 марта 1921 г.)

Сообщаю: частями сводной южной группы заняты станицы Щучинская, Котуркульская, Сандыктавская, д. Балкашинская, что по тракту к Атбасару, и заняты поселки Еленинский, Павловский, Троицкий, Подгорный и д. Михайловка. С рассветом будем наступать на главные гнезда бандитов: станицы Лабановская, Челкарская, Антоновский поселок. Заметно умелое руководство бандитами. У них есть офицеры, правильно организованные части. Численность (противника) определяется в указанных гнездах (в) пять или шесть тысяч. (С) Атбасаром и Акмолинском сегодня уже имею телеграфную связь, соединился с Атбасарским отрядом. (В) Атбасаре положение твер-

дое, настроение наших товарищей хорошее. Акмолинской тройке отдал приказ взять Алексеевское. Больше у них нигде банд нет.

Евг. Полюдов

ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 140. Л. 162. Телеграфный бланк.

№ 27. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (12 марта 1921 г. 18 час.)

Правый боевой участок. За истекшие сутки 26-м кавполком из занимаемой им деревни Еленинская высланная в сторону станиц Челкарская и Антоновская разведка выяснила, что противник в этих пунктах сосредоточивает главные свои силы. Той же ночью со стороны станиц Челкарская была замечена разведка противника в сторону деревни Еленинская. В ту же деревню направлен был конный дозор противника. Все это дает право предполагать (о) выжидании противником нашего наступления.

Средний боевой участок. Две роты и команда пеших разведчиков 233-го полка после полуторачасового боя заняли деревню Троицкое. Из опросов жителей выясняется, что в станице Лабановская сконцентрированы большие силы банд вместе с двумя штабами: Петропавловским и Лабановским, перешедшими из Кокчетав. По тем же сведениям сообщается, что банда, обороняющая деревню Троицкое, частью отступила в сторону станицы Лабановская, частью ушла в сторону поселка Ермаковский и частью разбежалась в лесах, что в 5 верстах восточнее деревни Троицкое. Обороняющиеся банды были вооружены винтовками, берданками и пиками. Судя по слабому огню, открываемому бандами, у противника большой недостаток патронов. После занятия нами деревни Троицкое 233-й полк перешел в наступление на поселки Ефримовский, Ермаковский и Ново-Ермаковский и занял ряд хуторов и заимок, прилегающих к этому району. Сегодня в 4 часа 30 минут 233-й полк пошел в наступление на станицу Лабановская. Результаты наступления пока неизвестны. Атбасарский отряд вчера занял деревни Балкашинская, Петровское и Максимовка (что в 10 верстах южнее деревни Петровское), чем очистил тракт Атбасар - Акмолинск от банд. В настоящее время этим же отрядом ведется наступление на деревню Михайловская. <...>

Начштаба группы *(подпись неразборчива)*

Помначштаба по оперчасти *(подпись неразборчива)*

№ 28. ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ Ф.М. АФАНАСЬЕВА УПОЛНОМОЧЕННОМУ СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВУ

г. Омск (14 марта 1921г.)

Помглавком приказал подтвердить, чтобы при ликвидации наиболее значительных повстанческих гнезд перед наступлением в полной мере использовался огонь артиллерии, дабы избежать излишних потерь. При этом артиллерию не дробить по отдельным орудиям, а действовать не менее как взводами. № 940/оп.

Наштасиб *Афанасьев*

За военкома *Горбунов*

РГВА. Ф 384. Оп. 1. Д. П. Л. 1. Телеграфный бланк.

№ 29 . РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ В.И. ШОРИНА И НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ЧУРАКОВА

14 марта 1921г.

(Кокчетав. Чураков:) У аппарата начштаба тов. Чураков.

(Омск. Шорин:) Говорите кратко обстановку.

(Кокчетав. Чураков:) Как уже сообщалось вчера, Лабановская, по донесению комполка-233 (от 9 час.) 13/03, оставалась за нами. Противник производил целый ряд злостных, но безуспешных атак. Уличный бой в самой станице продолжался (около) двух часов. Пришлось с боем брать каждый дом, каждый сарай И только тогда, когда станица была подожжена, (она была) очищена от банд. Такой же бой происходил, по-видимому, 12/03 (в) станице Челкарской, но т.к. действовали с нашей стороны менее крепкие части, они смогли удержаться в пос. Челкарский. <...>

Доношу, что в боях 12/03 под поселком Челкарский и ст. Лабановская 182-й полк и 233-й полк потеряли 75% комсостава. <...>

РГВА. Ф. 6. Оп. 3, Д. 75. Лл. 478-481. Телеграфный бланк.

№ 30 . ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (14 марта 1921г. 18 час.)

Правый боевой участок 12 марта в 10 часов 26-й кавполк повел наступление на станицу Челкарская, но после продолжительного боя под натиском хорошо вооруженных банд силой до 3 000 человек вынужден был с боем отступить в исходное положение в деревню Еленинская. Бой был довольно жестокий, доходивший до атак и уличных схваток между нашими частями и засевшими в домах бандами, стреляющими в наступающих. Наши потери этого боя: 19 человек убитыми, 33 – ранено и 17 человек без вести пропавших. Ранено 35 лошадей. Выбыло до 70% комсостава, среди которого был тяжело ранен помкомполка-23 товарищ Кабанов, скончавшийся сегодня утром. В поддержку и пополнение высланы две роты при четырех пулеметах сводного полка. В целях экономии комсостава произведено переформирование батальона 182-го полка в две роты. Отступив в деревню Еленинскую, в целях облегчения положения 233-му полку, занявшему в это время станицу Лабановская, для отвлечения сил противника со стороны Челкарской выслана одна рота и кавалерийский взвод на заимку, что в 12 верстах от деревни Еленинская. Одновременно в сторону станицы Челкарская выслана была разведка.

13 марта и 15 часов 50 минут банды со стороны станицы Челкарская стали наступать на занимаемые нами заимки. В поддержку частям, занимающим заимку, нами выслана была рота 233-го полка. Одновременно нашей разведкой замечено было скопление банд около аула, что в 5 верстах от деревни Еленинская по дороге на станицу Антоновская. Для встречи и отражения банд нами выслан эскадрон 26-го кавполка. За отсутствием донесений дальнейшее положение на этом участке неизвестно.

Левый боевой участок. 233-й полк, заняв деревню Троицкое. 12 марта в 4 часа 30 минут выступил из деревни Ефремовская на станицу Лабановская и, достигши ее к 8 часам, вступил в бой с бандами. Оборонительной линии у противника не было. Бой проходил на улицах станицы. В домах казаков устроены были засады, откуда бандиты обстреливали наступающих. Положение становилось критическим. Банды с вилами, пиками и топорами бросались из-за углов домов в атаку, почему чуть ли не каждый

дом приходилось брать приступом. Положение заставило поджечь несколько домов с целью выкурить пьяных, сидящих в домах и обороняющихся бандитов. В 12 часов деревня была очищена от банд, но в 14 часов отступивший противник по направлению станиц Аиртавская, Челкарская и Имантавская перешел в контратаку, которая нами была отбита с успехом.

В 15 часов 30 минут банды с подоспевшей к ним поддержкой повели новое наступление. После полуторачасового боя банды отброшены в сторону станицы Имантавская. В наступлении на станицу Лабановская со стороны банд участвовало 1 300 человек пехоты, семьсот всадников, вышедших из станиц Челкарская и Аиртавская, 800 человек пехоты, и 400 всадников со стороны станицы Имантавская. В Лабановской находилось два штаба с пятьюдесятью сотрудниками (и) с командующим полковником Кудрявцевым и адъютантом Карповым. Штаб ушел в станицу Аиртавская, куда отступила большая часть банд. Меньшая часть отступила в сторону станиц Челкарская и Имантавская. Вооружение банд: большинство пик, вил и топоров и меньшинство винтовок, два пулемета Кольт и три авторужья Шоша. Наши потери: сорок человек убито и до девяноста ранено. Потери противника: до 900 человек убитыми, количество раненых не поддается учету.

В 9 часов разведкой, высланной в сторону (ст.) Аиртавская, обнаружена цепь противника, которая залегла в трех верстах от станицы Лабановская. Со стороны станиц Имантавская нашей разведкой обнаружены выставленные в сторону Лабановской наблюдательные посты. Дальнейший ход операции неизвестен.

Выступившая 12 марта в 5 часов из поселка Быстрымовка Атбасарская группа в количестве 170 штыков при двух пулеметах подошла к деревне Михайловская, была встречена бандой в количестве 3 000 человек при 300 вооруженных винтовками, остальные – вилами, пиками и палками. Бой длился до 12 часов, в результате – деревня Михайловская нами занята. Потери бандитов выясняются. Наши потери 10 раненых, в числе которых уездвоенком Сергеев. Выбитый из деревни Михайловская противник отступал по направлению на деревню Ново-Никольская, Якши-Янгызтавская и станицу Верхне-Бурлукская (по карте Бабык). 13 марта Атбасарской группой занята была деревня Ново-Никольское. Банды оттуда ушли в станицу Имантавская. Высланная сегодня разведка на Якши-Янгызтавская (была) встречена при приближении к станице огнем заставы бандитов. Выяснено, что противник значительными силами занимает указанную станицу.

Начштаба (южной группы) *Чураков*

Помначштаба по оперчасти *Немецвич*

№ 31. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (15 марта 1921 г., 8 час)

Правый боевой участок. 13 марта в 15 часов 150 бандитов, наступавших со стороны станицы Челкарская на занимаемые нами заимки (12 верст западнее деревни Еленовка), нами отбиты. Одновременно с указанным выше наступлением со стороны станицы Антоновская бандиты вели усиленную разведку на деревню Еленовка. 14 марта в 9 часов станица Челкарская занята была нашими наступающими частями. Банда бежала по направлению станиц Антоновская и Аиртавская. По полученным сведениям, в последнюю станицу переехал штаб бандитов во главе с полковником Кудрявцевым. По показаниям бандитских санитаров, захваченных нами в станице Челкарская, штаб этот уже переехал в станицу Орловская (25 верст

западнее станицы Челкарская). По показаниям тех же санитаров, выяснено, что в бою 12 марта со стороны противника было до 80 человек ранено. В том же бою убит командующий группой бандитов Маслов. Наблюдается среди бандитов сильное брожение.

Средний боевой участок. 13 марта (в) 9 часов на занимаемую нами станицу Лабановская наступала цепь противника, которая тотчас же была отбита. В целях создать среди бандитов панику 13 марта (в) 23 часа ротой 233-го полка и командой пеших разведчиков был сделан на станицы Имантавская (и) Аиртавская налет. Ротой выяснено (следующее): в Имантавской станице банд не оказалось, так как таковые 13 марта (в) 18 часов в количестве 300 человек оттуда перешли в станицу Арык-Балык. Команда пеших разведчиков, направленная в станицу Аиртавская, въехала в первую часть станицы, откуда дала три залпа по направлению к другой части (расстояние между ними полторы версты). Сильно потревожил противника, она вернулась без потерь. До настоящего времени противник особых активных действий не проявлял. Атбасарский отряд высылает разведку на Нижний Бурлук и Верхний Бурлук.

Левый боевой участок. 13 марта банда силой до 700 вооруженных человек сделала налет на занимаемую сводным полком станицу Котуркульская. Вскоре налет был ликвидирован. По сведениям разведчиков и местных жителей, противник концентрирует свои силы в деревне Кара-Джар – Челкарская, что в 27 верстах юго-западной станицы Котуркульская. № 10/оп.

Начштаба (южной группы) Чураков
Помначштаба по оперчасти Немцевич

РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 22. Машинописный подлинник.

№ 32. ТЕЛЕГРАММА УПОЛНОМОЧЕННОГО СИБРЕВКОМА Е.В. ПОЛЮДОВА

*Председателю сибревкома И.Н. Смирнову
г. Кокчетав (16 марта 1921г. 14 час. 30 мин.)*

Сегодня вернулся с фронта. Вчера утром занята нами ст. Аиртавская, где были главные силы бандитов, бежавшие в Орловку, Кривоозерное и Комаровское. Вчера же утром нами занят п. Антоновский без боя, где сдалась крестьянская рота – около 200 человек с командным составом и военным советом поселка. Крестьяне этого района переходят к мирному труду. Ведем усиленную агитацию, созданы отряды агитаторов при всех отрядах войск. Движение везде ослабло, и везде будет спокойно, как только ликвидируем банды в казачьих станицах. Завтра займем Имантавскую и дня в три – четыре ликвидируем банды в станицах Арык-Балыкской, Верхне-Бурлукской, Нижне-Бурлукской и Акан-Бурлукской. Двум эскадронам и двум ротам, отправленным мною на п. Кривоозерский, вчера дано задание, связавшись с крестьянами, поймать так называемый Главный сибирский штаб полковника Кудрявцева с казачьим полковником Пельмским, казачьими офицерами Алексеевым, Сизухиным и др. – (всего) около 30 человек. Главные силы бандитов в боях под Челкарским, Лабановским, Аиртавским нами уже разгромлены. Завтра посылаю отряд с боеприпасами на Акмолинск через Сандыктав. Подробности будут даны сводкой.

Евг. Полюдов

ГАНУ. Ф.п. 1 Оп. 9. Д. 15а. Л. 110. Телеграфный бланк.

№ 33. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (16 марта 1921 г., 18 час.)

Правый боевой участок. К 18 часам частями, действующими на правом боевом участке, заняты станица Антоновская, деревня Комаровская и станица Кривоозерная. Разбитые банды отступают, не оказывая сопротивления. Среди них наблюдается сильное разложение.

Средний боевой участок. 15 марта 233-й полк, после непродолжительного артиллерийского обстрела занял станицу Аиртавская. Банды отступили на станицу Орловская, что в 10 верстах западнее станицы Аиртавская. В 9 часов того же числа банда силой 400 (человек) пехоты и 200 кавалерии повела наступление на занимаемую 233-м полком станицу Лабановская, но нашим контрнаступлением была отброшена, после чего в 15 часов 30 минут те же части заняли станицу Имантавская. Банды бежали в станицу Арык-Балыкская, и 40 подвод уехало на деревню Ново-Ермаковская. Наши потери: двое раненых, оставшихся в строю. Потери противника: 50 раненых и несколько убитых. Атбасарский отряд сегодня в 10 часов после перестрелки занял станицу Якши-Янгызтавская. Банды отступили на станицу Аккан-Бурлукская и Нижнее-Бурлукская. В станице Якши-Янгызтавская все казаки, принимавшие участие в выступлении, исключая главарей, остались. Убежали казаки и жители других деревень и станиц. Из опросов жителей подтверждается, что крестьяне отделились от казаков и разошлись по домам. Аналогичное явление наблюдается и среди казаков.

Левый боевой участок По дополнительным сведениям выяснилось, что в бою 13 марта с нашей стороны 7 убитых и 9 раненых и 10 без вести пропавших. За истекшие сутки на всем участке спокойно. Участники восстания поодиночке и группами возвращаются по домам.

Начштаба (южной группы) *Чураков*

Помначштаба по оперчасти *Немцевич*

РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 25. Машинописный подлинник.

№ 34. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчетав (17 марта 1921 г., 18 час.)

Правый боевой участок. Частями, действующими на правом боевом участке, исследован район (станиц) Антоновская, Орловская и Кривоозерная, причем там банд не обнаружено. По сведениям Орловского сельского председателя, главный штаб во главе с полковником Генерального штаба Кудрявцевым и его сторонниками – 30 офицерами – 16 марта, убегая из станицы Аиртавская, проехал через Орловку и по направлению на деревню Никольское, что 15 верст западнее станицы Челкарская. По дополнительным сведениям выясняется, что в станице Антоновская сдалась нам антоновская рота (бандитов) с командным составом. Нами захвачен поселковый военный совет. В станице Кривоозерная нами захвачен председатель Высшего военного совета и два его члена. По окружающим поселкам, хуторам и заимкам высылаются малые разведывательные отряды, вылавливающие бродящих там одиночкой и группами бандитов.

Средний боевой участок. 16 марта (в) 18 часов ротой 233-го полка занята станица Арык-Балыкская. Разбитые у станицы Лабановская бандиты без сопротивления оставляют деревни. 16 марта (в) 20 часов в занятой нами станице Арык-Балык(ская) сдался нам бандитский отряд численностью в 140 арыкбалыкских казаков и 25 имантавских

вместе с пиками, шашками и винтовками. Ожидается сдача других отрядов. По настоящее время зарегистрировано 600 казаков, возвратившихся от банд. Отдельными разведывательными отрядами бродящие бандиты вылавливаются<...>

Левый боевой участок. По полученным от подводчиков сведениям, разбитые под станицей Щучинская банды частично разбежались по хуторам, заимкам, частью же возвращаются домой<...>.

Начштаба (южной группы) *Чураков*
Помначштаба по оперчасти *Немцевич*

РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 27. Машинописный подлинник.

№ 35. ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА КОКЧЕТАВСКОЙ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

г. Кокчета (22 марта 1921 г. 18 час.)

Правый боевой участок. 18 марта частями, действующими на правом боевом участке, высланы были отряды в окрестности станиц Антоновская, Челкарская и Лабановская с целью изъятия у населения оружия и вылавливания скрывающихся там бандитов. По полученным от отрядов из указанных пунктов сведениям, настроение среди населения в этом районе спокойное. Того же числа в 17 часов взвод 26-го кавполка соединился с отрядом Петропавловской группы тов. Опарина. Участники восстания – крестьяне и казаки – одиночками и группами возвращаются домой. Главари восстания вместе со своим штабом, убежали по направлению деревень Федоровское, Гавриловское, что в 140–160 верстах юго-западнее Кокчетова. Для поимки штаба 18 марта были высланы 9-я рота с конной разведкой 233-го Казанского полка, часть Атбасарского отряда и 4-й эскадрон 26-го кавполка. Указанные части к 20 часам 20 марта достигли деревни Раисово, что 25 верст западнее деревни Гавриловская. По донесениям из 4-го кавэскадрона, при штабе бандитов находится до 100 человек пехоты и 50 всадников. По показаниям учителей деревне Раисово, среди казаков в штабе Кудрявцева наблюдается паника, неподчинение ихнему командованию. Штаб движется по направлению к деревне Чистополье, что 40 верст южнее Раисово.

Средний боевой участок. За 17 марта к 22 часам (в районе ст. Арык-Балыкская) на нашу сторону перешло 523 бандита при 72(-х) винтовках разных систем, 21 (-и) шашке и двух тесаках. Для вылавливания скрывающихся бандитов высланы разведывательные партии на Константиновское, (что) 25 верст юго-западнее ст. Арык-Балыкская, Сажинское, Златогорское, что 15 верст северо-восточнее Арык-Балыкской. 18 марта 1-я рота Атбасарского отряда без боя заняла ст. Нижнее-Бурлукская, где перешло на нашу сторону 50 бандитов, вооруженных винтовками различных систем. В той же станице нами захвачено много пик. Взводом Атбасарского отряда занята станица Аккан-Бурлукская.

Левый боевой участок. 18 марта в 5 часов отдельный кавэскадрон повел наступление из ст. Котуркульская на деревню Макинская, что 45 верст юго-восточнее ст. Щучинская, а 3-я рота сводного полка из ст. Щучинская наступала на деревню Черноярская, (что) 25 верст южнее ст. Щучинская (по карте – Караджар). 18 марта в 18 часов 3-я рота без боя заняла деревню Черноярская, а в 20 часов кавэскадрон с боем занял деревню Макинская. Банда в 350 человек разбежалась на пос. Вознесенское, Боярское, Зауральск. <...>

Начштаба (южной группы) *Чураков*
Помначштаба по оперчасти *Немцевич*

РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Лл. 29-32. Рукописный подлинник.

№ 36. РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПОМГЛАВКОМА ПО СИБИРИ В.И. ШОРИНА И НАЧАЛЬНИКА 39-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ Ф.В. ЕГОРОВА

6 апреля 1921 г. 20 час.

Помглав(ком Шорин): Добрый вечер. Скажите кратко, как Вы считаете, положение умиротворенным или еще глеют кой-где очаги восстаний? Разговаривали ли Вы по этому вопросу с агентами чрезвычайной комиссии?

Егоров: Здравия желаю. Все верно. На участке положение не умиротворенное, там и сям попадаются маленькие группы бандитов. Мне приходилось говорить как с (сотрудниками) политбюро, так и (с) некоторыми работниками на местах. И я вынес убеждение, что необходима крупная работа (для) успокоения крестьянских масс. Кроме того, (надо) во чтобы то ни стало поймать Бардакова.

Кокчетавский район и бывшая южная моя группа: казачество (в) большинстве две трети – революционно и вполне поняло свое заблуждение. С этой стороны ожидать всплеск, полагаю со слов видных политических деятелей, нельзя. С военной точки (зрения) казачество узнало силу красноармейского оружия. Успокоению же полному северного вверенного мне участка несколько мешают прорывы бандитами южношимской группы. Поэтому самым строгим образом держать вверенные мне войска сев(ерной) группы в готовности, уничтожить попытки собраться бандам в крупную единицу. Но оружия бандиты сев(ерного) участка имеют очень мало. <...>

РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 79. Лл. 117-121. Рукописный подлинник.

№ 37. ИЗ ГОСДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СВОДКИ ПО СИБИРИ

г. Омск (26 мая 1921г.)

<...> Штаб Сибирского фронта Народной армии по руководству крестьянским движением Тюменской, Челябинской, Омской губерний окончательно ликвидирован. Убиты (в) боях командующий фронтом поручик, эсер Родин, начштаба полковник Кудрявцев, помощник (начштаба) есаул Дорохов, военные инспекторы есаул Незнамов, подьесаул Федоренко. поручик Ластин, прапорщик Тихоненко, капитан Карпов; расстреляны вредкомфронта поручик Белов, адъютант Чердынцев, начформирования есаул Алексеев, адъютант начштаба поручик Завьялов и замкомфронта поручик Пужевский.

Настроение рабочих недовольное в связи с эконом(ическим) положением. В крестьянских массах настроение крайне обостренное. Крестьяне Ишимского, Ялуторовского, Тюменского уездов в связи с прекращением выдачи пайка в критическом положении. Внутренняя разверстка результатов не дала. Можно ожидать голодных бунтов, новых выступлений, о каких заявляют открыто. Крестьяне, выполнившие честно разверстку, остались без хлеба, семян, поля не засеяны. В других уездах стремление крестьян засеять большие площади осталось тщетным ввиду недостатка семян (и) продовольственного хлеба. Декрет о продналоге приветствуется. Яичная поволостная разверстка выполняется с большим ропотом, от гуж(евой) повинности отказываются за неимением фуража. <...>

Председатель ВЧК по Сибири

Павлуновский

№ 38. ИЗ ПРИКАЗА № 28 ПОЛНОМОЧНОЙ КОМИССИИ АКМОЛИНСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВКОМА

г. Кокчетав (13 июля 1921 г.)

<...> Полномочная комиссия Акмолинского губернского революционного комитета приказывает:

1. Всех лиц, кои уклонились от добровольной явки согласно приказа губревкома № 12, считать злостными врагами, по отношению их поступать как с лицами, стоящими вне закона.

Население того района, в пределах которого скрываются банды, производящие операции чисто разбойничьего характера, и в случае подтверждения существования этих банд (будет) рассматриваться как население, способствующее к развитию бандитизма, и принимать к нему меры, предусмотренные военно-революционным положением.

Семейства, члены которых находятся в банде, оказывающие материальную поддержку скрывающемуся, считать врагами рабоче-крестьянского правительства и в порядке параграфа 1 приказа предавать их суду революционного трибунала со всеми вытекающими отсюда последствиями, с конфискацией имущества.

Всем местным уревкомам, политбюро, уездным и районным милициям, а также волостным и сельским ревкомам с момента опубликования настоящего приказа повести беспощадную и решительную борьбу против бандитизма и его пособничества.

Неисполнение сего приказа влечет предание виновных лиц суду рев-трибунала.

Настоящий приказ опубликовать по телеграфу и считать в силе со дня получения на местах.

Зам. председателя Акмолинского губревкома и председатель полномочной комиссии Коротков

Зав. губернским отделом юстиции и
член полномочной комиссии

Егоров

Опубликовано: Мир Труда. 26 июля 1921 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАОО – Государственный архив Омской области

ЦДНИОО – Центр документации новейшей истории Омской области

РГВА – Российский государственный военный архив

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия

Ф. – фонд

Оп. – опись

Д. – дело

Л. – лист.

Вера Лаврина

ТАК БЫЛО

Подписано к печати 00.10.2007.
Формат 62x94 1/16. Бумага мелованная.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Типография «Д-Принт», Томск. Заказ № 0000.

Издательский дом «Д-Принт»
Томск, ул. Герцена, 72-б, тел.: (3822) 52-20-99.
Электронная почта: dp@rde.ru
Отпечатано в типографии «Д-Принт»